

Я не пишу о том, не слышу там и не собираю там

Ружкавое полле

МАКСИМ АНКУДОВИЧ

Annotation

Небольшая деревенька, затерянная среди лесов и болот, хранит множество тайн и загадок. Пропавшая на болотах девушка, сбежавший заключенный обвинённый в ее смерти. Зброшенные военные базы с ядерным оружием и обладающая огромной властью старуха-ведьма. Обычному, городскому подростку предстоит узнать, что скрывается за внешним спокойствием местных болот.

Владимир удерживал его под водой уже две минуты. Он никогда не делал этого раньше, но знал, что произойдет. Его сокамерник, с которым они вместе бежали из колонии неделю назад, не сможет больше задерживать дыхание и начнет захлебываться. Он мог бы продержаться дольше, но слишком много сил ушло на отчаянные попытки вырваться из крепкой хватки Владимира. Затем, когда его легкие наполнятся черной, болотной водой, тело его обмякнет, Владимир выждет еще минуту, для уверенности, и пойдет дальше. Пойдет дальше один и в долгожданной тишине, о которой просил сокамерника всю неделю. Длинный язык до добра не доведет. Доказательство правдивости этих слов, как раз, перестало подавать признаки жизни под коленом Владимира.

Беглый зэк встал и огляделся. Вокруг, на сколько хватало глаз, лежало непроходимое болото. Тут и там из тухлой, черной воды торчали обломанные остатки стволов елей и берез. Мох, росший повсюду, местами, был таким плотным и густым, что неопытный человек мог принять его за твердую землю. Но Владимир знал, что стоит на него наступить, как нога провалиться сквозь мох в мокрый торф, и если не повезет, то трясина утянет тебя так глубоко, что никто и никогда тебя не найдет. Поэтому в руках у Владимира была длинная жердь, которой он тщательно проверял каждое место куда собирался поставить ногу.

Владимир вырос в этих местах. Он знал, что если пройдет на юг еще несколько километров, то выйдет к заброшенной железной дороге. Если пойти вдоль дороги на запад, то он выйдет к родной деревне, где его не ждут. Поэтому он пойдет на восток. Там посреди сибирских болот была спрятана старая советская военная база, оказавшаяся не нужной новой России. Именно там, Владимир, решил устроиться на время, пока его план не будет приведен в исполнение.

Он шел медленно, обдумывая каждый следующий шаг. Рюкзак, с парой банок тушенки, несколькими помидорами, буханкой черствого хлеба и большой бутылкой воды, сильно давил на плечи. Ноги давно промокли, а пот щипал глаза. Но все это не могло его остановить. Сейчас, когда он так близок к своей цели, он испытывал новый прилив сил. Это не снимало накопившейся усталости, а шло параллельно с ней. С каждым шагом становилось все сложнее идти, но в то же время, каждый следующий шаг приближал его к тому сладкому моменту расплаты, которого он так ждал, и это придавало ему решимости.

Владимир не знал сколько времени прошло с тех пор, как он оставил позади тело своего сокамерника. Солнце уже зашло, когда он наконец вышел на твердую землю и смог присесть отдохнуть. Подкрепившись помидором и сделав поток воды, Владимир снял ботинки, выжал, как смог, носки, и вытер ноги сухой травой, что росла вокруг.

— Живем. — тихо сказал он.

На болоте было очень много гнуса. Мошкара и комары лезли в глаза и кусали кисти рук. Качественный отдых в такой обстановке был невозможен, поэтому собрав остатки сил, Владимир, крихтя и чертыхаясь, поднялся на ноги и пошел дальше.

По твердой земле, присыпанной иглами елей, идти было легко и приятно. Если не обращать внимания на гнилостный запах серы и не оглядываться, то можно было забыть в каком гиблом месте он оказался. Через несколько минут, Владимир вышел к железной дороге. Рельсы проржавели, кюветы заросли травой и кустами, сквозь насыпь успели прорости маленькие хилые березки. Местные рассказывают, что раньше, по этой дороге,

поезда доставляли ядерные ракеты на секретную военную базу. Ракет Владимир не видел, и не верил, что они когда-либо были, но еще лет двадцать назад, он, будучи ребенком, часто просыпался от грохота стальных колес, несущихся по этим путям вагонов. Поезда ездили только по ночам и никогда не останавливались. Никто не знал откуда они идут и куда. Неудивительно, что поползли слухи о секретных ракетах, которые, при необходимости, разнесли бы в щепки врагов социализма в любой части Вика.

Ему захотелось курить. Так сильно, что он даже пожалел о утопленном сокамернике. У того, вроде бы, оставались еще пара самокруток, которыми он запасался перед побегом.

Владимир вернулся мыслями на неделю назад.

Он вспомнил как Чулым, (так прозвали его болтливого товарища), предложил ему бежать. Рассказал, что в определенный день, их камеру, в которой они коротали дни с еще четверьмя заключенными, незаметно отопрут. Что для них будет подготовлен коридор, по которому они смогут беспрепятственно пройти. Что через стену перекинут веревку, и что охрана на вышках, совершенно случайно, будет смотреть в другую сторону. Все что от них требуется, это проследить, чтобы все остальные в камере не проснулись, и не попытались уйти вслед за ними.

Владимира не удивило тогда, что для Чулыма устраивают побег. Ходили слухи, что в его родне кто-то очень близкий к губернатору, а то и сам губернатор. Владимир только не мог понять почему Чулым берет его с собой, они не были близкими друзьями, их почти ничего не связывало. Но этих сомнений было недостаточно, чтобы отказаться от такого подарка судьбы.

Вопрос с сокамерниками Владимир решил просто. Ночью, когда все заснули, он тихо слез со своих нар и, не поднимая лишнего шума, заточкой, сделанной «на всякий случай» еще в первые дни своего срока, заколол всех четверых. Чулыму, знать об этом было не обязательно. Поэтому, когда Владимир его разбудил, ему пришлось делать вид, что он старается двигаться бесшумно, чтобы никого не разбудить.

Как и было обещано, дверь в их камеру была открыта. Их никто не остановил ни на выходе из их блока, ни тогда, когда они шли через промышленную зону тюрьмы к стене, через которую должны были перекинуть веревку. Прожекторы на вышках охраны тоже были отключены.

Колония, в которой они отбывали наказание, находилась на окраине крупного шахтерского поселка. Вся территория вокруг тюрьмы была застроена промзонами и гаражами, за которыми начинался лес. Когда Владимир и Чулым, перебрались через стену, они мелкими перебежками от гаража до гаража, от кустов, до забора, добрались до границы леса, и углубившись в него на несколько сотен метров, схоронились за поваленным деревом.

— Что теперь? — спросил Владимир.

— Мне откуда знать?! — огрызнулся Чулым.

— Как это? Тебя встречать не должны, разве? — удивился Владимир.

— Кто?

— Кто, кто... Тот, кто тебе побег этот устроил, вот кто.

— Не для меня все это устраивали, брат. Кому-то сильно нужно было, чтобы ты на воле оказался.

Владимир не мог поверить в то, что слышал. У него не было ни друзей, ни родственников способных устроить такой побег.

— Не говори херни! Не хочешь своего дядю губерра выдавать, не нужно. Но и сочинять всякое тоже нужды нет.

— Да вот тебе крест, тебя вытащить хотели.

— Кто?

— Не знаю!

Владимир схватил Чулыма за грудки, и сильно потряс.

— Говори кто?!

— Клянусь не знаю. — хрипел Чулым. — Мужик, пришел ко мне на свиданку, неделю назад. Говорит, так и так, хватай Хромова и тикай, мы все устроим.

— Что за мужик?

— Не знаю я его. Первый раз видел. В костюме.

Владимир отпустил сокамерника и задумался. Мужик в костюме, кто бы это мог быть? Там откуда он родом костюм надевали только на свадьбы и похороны, и то только жених и покойник.

— А я думал, ты меня консервой за собой потащил, — задумчиво сказал он.

— Куда там, — Чулым встал и отряхнулся. — Ты вдвое здоровее меня, скорее уж наоборот.

— Так, а про губернатора то правда хоть?

— Вранье все, от первого до последнего слова.

— Ясно, — Владимир ухмыльнулся. — Ну бывай.

— Стой, ты куда? — Чулым, казалось, не на шутку испугался.

— Домой.

— А мне куда? Возьми с собой! Я ж не местный, меня изловят на раз.

Владимир посмотрел на него и подумал, что консерва не такая уж и плохая идея.

— Ладно, только тихо будь. А то придушу.

— Заметано.

Владимир ухмыльнулся. Как консерва, Чулым не пригодился. По дороге они наткнулись на чью-то дачу и смогли поживиться провизией там. А вот тихим у него быть не получилось. Но его предупреждали, а значит сам виноват.

Бросив взгляд туда, где за поворотом железной дороги лежала его родная деревня, Владимир медленно пошел вдоль путей на восток, в надежде найти себе убежище среди заброшенных армейских построек времен холодной войны. Идти пришлось долго, сумерки успели превратиться в непроглядную ночную мглу. В темноте Владимир с трудом смог различить очертания бетонного бункера в стороне от дороги. Тот весь зарос кустарником и крапивой, но для временной стоянки вполне подходил, и Владимир направился к нему. Вход в бункер перекрывала тяжелая стальная дверь, которую он открыл с большим трудом. Внутри было сухо и пыльно, но выбирать не приходилось. Владимир достал фонарь, который они забрали с той дачи, что попала им по дороге. Батарейки в нем почти сели, поэтому он старался не использовать его понапрасну. Свет от фонаря был тусклый, но его хватило Владимиру чтобы понять, что он оказался в длинном коридоре с бетонными стенами, в конце которого была еще одна железная дверь. Владимир решил посмотреть, что скрывается за ней и пошел вглубь бункера.

— Сколько же они сюда денег вбухали, — пробубнил он, глядя на толстые бетонные стены.

Вторая дверь, была такой же тяжелой, петли проржавели, и Владимиру пришлось поднапрячься чтобы открыть ее. За дверью коридор продолжался. Только помимо бетонных стен и пыльного пола, тут еще было какое-то еле заметное голубое свечение. Чем дальше по коридору шел Владимир, тем ярче становился этот свет. Вскоре фонарь совсем потух, но этого странного света вокруг было так много, что Владимир отлично все видел и без фонаря. Коридоры бункера разветвлялись, но заглядывая в ответвления, Владимир видел, что в них темно и нет таинственного свечения. Он дошел до еще одной двери, на этот раз она была приоткрыта и Владимир без труда смог протиснуться в нее. Он стоял у входа в большой, круглый, бетонный зал, освещенный зловещим голубым сиянием. В потолке было круглое отверстие, сквозь которое виднелся кусочек ночного неба. В центре зала было углубление похожее на один из тех бассейнов, что бывают в саунах и банях. Все помещение заросло странным мхом, от которого пахло мятой, он был голубоватого оттенка и казалось, что свет исходит именно от него.

— Что за ерунда, — сказал Владимир, и его голос показался ему неуместно громким для этого зала.

В тишине, нарушаемой редкими порывами ветра, которые было слышно сквозь отверстие в потолке, появился легкий, едва различимый гул. Это было похоже на работу какого-то большого, тяжелого механизма, где-то глубоко внизу под полом бункера. Звук становился громче и навязчивее пока не заполнил собой все пространство бункера. Владимир уже не мог думать не о чем, кроме шума в ушах. Ему начало казаться, что пол и стены дрожат в такт вездесущему гулу. Вдруг, сквозь гул, Владимир услышал металлический скрип. Обернувшись, он увидел, что дверь, за его спиной, захлопнулась. Владимир подбежал к ней и попробовал открыть, но та не поддавалась. От гула уже болело в ушах. Из-за него Владимир не услышал плеск воды и не увидел, как человеческая фигура поднялась из бассейна и медленно направилась к нему. Когда он обернулся, он успел произнести только одно слово, прежде чем холодные сильные руки схватили его за горло.

— Ты?! — сказал он.

Грунтовая дорога похрустывала гравием под колесами старенького Ниссан Примера. Валерий Котов не спешил, ехал медленно. Сегодня он отвозил своего сына, Мирона, жить к бабушке с дедушкой. Баба Поля и дед Егор были родителями его, умершей год назад, жены. Они с радостью согласились приютить у себя Мирона, так как видели его редко и скучали по внуку. Мирон новость о переезде принял не так радужно. Расставание с друзьями, пусть временное, представлялось ему страшной несправедливостью, которую он ничем не заслужил. Ему было нелегко признаться себе в том, что планы на лето, которые он составлял последние несколько недель, теперь можно забыть. Как все городские подростки, Мирон считал, что жизнь в деревне пустая и скучная и что кроме сна и телевизора развлечь себя ему будет нечем. Он молча смотрел в окно, на ползущие мимо сосны, и скорбел по своей несчастной, как ему казалось, юности.

Валерий посмотрел на сына. Русые волосы и глубокие серые глаза, достались тому от красавицы матери. А вот, нос картофелиной и слегка оттопыренная нижняя губа — его наследство. В целом, человек у них с покойной женой получился неплохой, подумал Валерий, симпатичный.

— Да хватит тебе дуться, — сказал он, ткнув Мирона в плечо. Тот сделал вид что не заметил попытки отца начать разговор и продолжал молчать.

Через минуту, Валерий, еще раз попытался разговорить сына.

— Видишь слева два кедра? — Валерий указал рукой на два огромных, ствол в четыре обхвата, кедра, что росли на поле слева от дороги. Кедровые стволы были прямые и высокие, с густыми размашистыми кронами. Мирон не отвечал, но голову повернул и смотрел туда куда указывал отец.

— Это «чертовы ворота» — продолжил Валерий. — Мама твоя, рассказывала мне. Говорят, что кто между ними пройдет, того нечистая сила в могилу сведет. Хочешь поближе посмотреть?

— Не, — вяло ответил Мирон.

— А что испугался?

— Да ну. Фигня это все.

— Ну не скажи, — Валерий был рад, что сын заговорил с ним, и решил развить тему. — Мы уже не в городе. Тут свои законы, тут люди еще в магическом мире живут. Крестятся чаще чем дышат, а если пропало что, то просят барабашку вернуть. Конфеты домовым оставляют, и от чертей углем на пороге руны рисуют.

— Это, потому что интернета нет. И школы нормальной.

— Хорошая тут школа, не надо так. Мама твоя в ней училась, а она поумнее меня была, сам знаешь.

— Такой себе показатель.

— Вот ты язва! Дураком отца назвал. И не стыдно? — Валерий сделал вид что его сильно задела острота сына, но на самом деле он был рад что Мирон не просто разговаривает с ним, а еще и шутит.

У них выдался не простой год. Мать Мирона, Вика, покончила собой прошлой весной. Выпила сотню таблеток обезболивающих и легла на кровать накрывшись одеялом. Когда Мирон вернулся с тренировки своей футбольной команды, он решил, что мать просто спит.

Она часто проводила в постели целые дни и мало разговаривала с сыном в последнее время. Только вечером следующего дня, Мирон попытался разбудить мать, и не описать словами, какой ужас он испытал, когда понял, что она давно мертва.

Спустя год, Валерий так и не смог простить себе то, что его не было рядом в тот момент. Он был слишком увлечен своей карьерой и все время проводил в командировках. Если бы он больше времени уделял семье, был внимательнее, заботливее...

Отношения с сыном, и до того не отличавшиеся близостью, совсем разладились. Они говорили друг другу «доброе утро», желали приятного аппетита и хорошего дня, но на этом их общение заканчивалось. Они словно существовали в параллельных мирах. Валерий еще больше погрузился в работу, а Мирон с головой пропал в сети. Соцсети, форумы, имиджборды, Мирон забросил футбол и учёбу. Он побледнел и осунулся, похудел на несколько килограмм и стал совсем тощим. Трудоголизм Валерия, напротив, пошел ему на пользу. Начальник его заметил и предложил повышение. Проблема была в том, что на новой должности частые, долгие командировки, от которых он отказался после смерти жены, были обязательны. Тогда, Валерий, и решил отвезти Мирона жить к теще с тестем. Он верил, что это правильное решение. Что он не отказывается от сына, а наоборот работает на его будущее. Ведь с новой должностью придут и новые деньги, а значит Валерий сможет лучше обеспечить сына и устроить его в престижный вуз, который раньше был им не по карману. Да и общение со старшим поколением, думал Валерий, положительно скажется на душевном здоровье подростка.

Валерий понял, что молчит уже несколько минут и не может вспомнить на чем прервался их разговор с сыном. Пока он пытался придумать как начать разговор заново, на дороге показался человек в полицейской форме, который жестами показывал чтобы они остановились.

— День добрый. Я что-то нарушил? — спросил Валерий полицейского через приоткрытое окно.

— Сержант Сланцев. — представился тот ленивым, отрепетированным движением приложив ладонь к фуражке. — Документы, будьте добры.

— Добрый день, сержант Сланцев, я Валерий Котов. Я что-то нарушил? — повторил Валерий, протягивая права.

— У вас ребенок не пристегнут. — ответил сержант, указав на пассажирское сиденье.

Валерий осуждающе посмотрел на Мирона. Он был раздосадован тем, что не заметил, что тот не пристегнул ремень, но, как и всегда недовольство собой выражал в осуждении окружающих.

— Я отстегнул, когда мы уже остановились. — невозмутимо сказал Мирон.

— Он отстегнул, когда мы уже остановились. — повторил Валерий с надеждой глядя на полицейского.

Тот нахмурился и пожевал губами.

— Ладно. Вы из города едите? По дороге никто вам не попадался?

— Было пару машин, и грузовик вроде... — растерянно начал отвечать Валерий, не понимая, чего от него хотят.

— Нет. Не машины, а люди. Мужчины, двое, вам не попадались? — перебил его сержант Сланцев.

— Нет, вроде бы нет.

— Может в лесу видели грибников или охотников?

— А что, собственно...

— А ты видел кого? Может с твоей стороны в лесу кто был? — сержант наклонился и посмотрел прямо на Мирона.

— Нет. — ответил тот. — Никого не видел.

— Ясно. Ладно, проезжайте. — и сержант вернул права Валерию. — Пристегнись! — бросил он Мирону и пошел к своей машине.

Отец с сыном обменялись вопросительными взглядами.

— У бабушки спросим. Если в деревне что-то случилось, она уже в курсе. — сказал Валерий.

Котовы еще не успели выйти из машины, как на пороге маленького бревенчатого домика появилась бабушка Поля и начала приветственно махать руками. Затем, она, быстро перебирая ногами в галошах и шерстяных носках, спустилась с крыльца и подбежала к калитке.

— Внучик, внучик приехал! — бубнила она. — Иди сюда, иди обниму.

Мирон не успел и на шаг отойти от машины, как оказался в крепких объятиях любящей бабушки. Она схватила его за голову и, притянув к себе, крепко расцеловала в обе щеки.

— Ты мой, ясенюк! — пролепетала она. — Устал? Голодный поди? Пошли в дом накормлю. У меня с утра все готово уже, а вы все не едите и не едите.

— Привет баб. — вырвавшись из бабушкиных объятий сказал Мирон.

— Здравствуйте Полина Николаевна. — сказал Валерий. — Мы поели по дороге, в кафе. Но не переживайте, не знаю как Мирон, а я уже снова голодный.

— Ты то всегда есть хочешь. — проворчала бабушка Поля. Полина Николаевна недолюбливала мужа дочери. Она считала его ленивым и мелочным человеком, и всегда думала, что ее дочь могла найти себе кого-нибудь получше. Когда родился Мирон, любовь к внуку смягчила ее сердце, и она начала проникаться симпатией к зятю, но смерть дочери, в которой Полина Николаевна винила Валерия, вновь расстроила их отношения.

Достав из багажника сумки с вещами, Мирон с отцом пошли вслед за бабушкой в дом.

Мирон, в прошлый раз, был здесь еще пятилеткой, и с интересом смотрел по сторонам. Небольшой двор с дровяником и пустой собачьей будкой зарос травой. Налево шла тропинка за угол дома, где виднелся покосившийся уличный туалет. Справа была небольшая баня, поставленная всего несколько лет назад, она выглядела намного лучше всех остальных построек. За баней была видна крыша стайки, в которой, как Мирон помнил, жили две коровы и десяток кур.

Домик у бабушки с дедушкой был маленький, но крепкий. Перед окнами, выходящими на дорогу, росли две высокие рябины.

Поднявшись, вслед за отцом, по скрипучему крыльцу, Мирон оказался на веранде, где было положено оставить обувь. Толстая деревянная дверь, ведущая в дом, открывалась с громким скрипом. Войдя в дом, Мирон увидел деда Егора, сидящего у печи. Он был чисто выбрит и одет в свитер поверх рубахи. На ногах у него были надеты валенки, а на выцветших синих штанах были заплатки на коленках. Дед начал вставать чтобы поприветствовать гостей. Но бабушка быстро усадила его назад.

— Сиди — строго сказала она.

— Да че уж. Не развалюсь поди! — попытался возразить тот.

— Сиди! — повторила бабушка Поля. — Он совсем плохой стал. — сказала она,

повернувшись к гостям. — Не помнит уж ничего. Ноги болят, Спина болит. Гастрит этот, будь он не ладен.

— Ну, положим, ноги и правда болят. Но все что нужно я помню. Чего ты наговариваешь? — заворчал дед.

— Да? Кто это тогда? Как звать? — спросила бабушка показывая на Валерия.

— Валера, как не знать то! Зятек! — бодро ответил дед.

— Ух, еще бы ты собутыльника забыл своего! — сказала бабушка. — А внука как? Помнишь?

— Помнишь?! — передразнил ее дед. — Миша его зовут.

— Ну вот, балда. Мирон его зовут, Мирон! С ним то ты не пил, вот и забыл. — бабушка уперла руки в бока с победным видом.

Мирон с отцом от этой сцены так рассмеялись, что у них начали течь слезы. Дед же, нервно жевал губами и мял в руках подол свитера.

Заметив это, Мирон подошел к нему и наклонившись приобнял.

— Привет дед, как жизнь? — спросил он.

— Да как у нас жизнь? Хорошо! — немного успокоившись сказал дед Егор.

Деда, Мирон, не видел уже очень давно. Бабушка приезжала к ним каждый год, а дед безвылазно сидел в деревне. «Чего мотаться?» говорил он всегда. Вот и получается, что виделись они больше десяти лет назад. Дед, будь он здоров, конечно, захотел бы приехать на похороны дочери, но везти его было слишком хлопотно, бабушке пришлось оставить его на попечения соседки и ехать одной.

— Привет, Егор Петрович! — сказал Валерий и крепко пожал деду руку. Дед радостно тряс руку зятя и не спешил отпускать ее.

— Так, поздоровкались и хватит. — сказала бабушка Поля. — Все за стол. Ребенок голодный.

Пока все рассаживались, Мирон вспомнил, что оставил в машине ноутбук, и под недовольное ворчание бабушки вышел во двор.

Когда Мирон спускался с крыльца, он увидел, как к их калитке подошла высокая девушка с огромной лохматой собакой, что терлась о ее ноги. Девушка наклонилась над калиткой, чтобы откинуть крючок, на который та была заперта изнутри, и, Мирон, сквозь широкий ворот футболки, увидел ее загорелую, покрытую веснушками ключицу. Девушка вошла во двор, не поднимая головы и чуть было не врезалась в Мирона. Остановившись в последний момент.

— Ой — сказала она. — Ты кто?

Голос у нее был низкий и хрипловатый, русые волосы собраны в пучок на голове и схвачены резинкой. Верхняя губа вздернута, а большой широкий нос и щеки были усыпаны теми же веснушками. Они стояли так близко друг к другу, что Мирон смог почувствовать легкий запах земляники, исходящий от нее.

— Мирон я — промямлил Мирон в ответ.

— А. — сказала девушка. — Бабу Полю позови.

Мирон быстро вернулся в дом за бабушкой.

— Баб, там какая-то девушка тебя зовет. — сказал он.

— Это Сонька, за молоком пришла. На, ей отнеси. — сказала бабушка, и передала Мирону трехлитровую банку, полную молока. Банка была тяжелая и теплая. — Да быстрее давай. Еда стынет уже.

Мирон выбежал с банкой в руках во двор. Соня стояла там со своей огромной собакой у ног и длинными тонкими пальцами чесала ей шею.

— Вот. — Мирон протянул ей банку.

Девушка раскрыла перед ним капроновую сетку, и Мирон опустил банку в сетку.

— Спасибо. Пока, — сказала Соня.

— Стой. — сказал Мирон.

Соня остановилась и с интересом смотрела ему прямо в глаза. Мирон понимал, что ему нужно что-то сказать, но никак не мог придумать что. Он просто смотрел в большие серые глаза девушки и молчал. Когда молчание стало неприлично долгим, Соня развернулась и вышла через калитку на улицу. Ее огромная лохматая собака поспешила за ней.

— Как её зовут? — крикнул Мирон ей вслед.

— Что? — переспросила Соня.

— Как её зовут? — повторил Мирон, указывая на собаку.

— Собака.

— Прикольнo.

— Ага. Ну пока. — и Соня со своей собакой по кличке «собака» скрылись за поворотом улицы.

На обед бабушка приготовила для внука всё. Тут был и суп с фрикадельками, и вареная картошка, присыпанная укропом, соленые огурцы и помидоры, крабовый салат, нежнейшая курочка из духовки с яблоками, сыр, колбаса, ватрушки и апельсины, и даже консервированные ананасы. Бабушка сетовала на то, что картошка за зиму подряхла и совсем не вкусная, но Мирон не помнил, когда в последний раз он ел с таким удовольствием. Все было очень вкусно и очень сытно. Когда Мирон, наконец, вырвался из-за стола он почувствовал, что ремень стал сильно давить ему на живот и пришлось ослабить его на две (ДВЕ!) дырки. И все равно бабушка была недовольна и ворчала, что он «совсем ничего не поел».

Усевшись на диване перед старым кинескопным телевизором JVC, Мирон взял в руки телефон и с тоской посмотрел на букву «Е» в правом верхнем углу экрана.

— Тут сеть не ловит — сказал он.

— Как не ловит? — удивилась бабушка. — У меня все ловит. Три палки все время показывает.

— Связь есть, интернета нет. — пояснил Мирон.

— Интернетом не пользуемся. На почте есть интернет. Ой, там такая девочка хорошая работает, Настя, ровесница твоя, подружись с ней, хорошая девочка. — сказала бабушка Поля.

Пока бабушка объясняла Мирону как добраться до почты, отец с дедом решили, что встречу нужно обмыть.

— Я сбегая за бутылочкой? А, Полина Николаевна?

— Ох, вы алкаши окаянные, не можете сидеть без бутылки своей проклятой? — заворчала бабушка. — Ладно. Но только одну. А то мой опять упьется. Он как выпьет, так ему гулять надо. Я потом ищи его по всей деревне. Стыдоба!

— Да нам и одной много будет. Мы чисто символически. За встречу. Заодно Мирону покажу, где почта. Пошли, сын.

Когда Валерий был уже в дверях бабушка окликнула его.

— Мне красненькой возьми тогда. Тоже за встречу выпью с вами.

— Будет сделано, Полина Николаевна. — ответил Валерий. Он задержался на пороге что-то вспоминая. — Кстати. У вас в деревне никто не пропадал? Нас на въезде мент остановил, спрашивал не видели ли мы кого.

— Это Володьку-маньяка ловят. — ответила бабушка.

— Маньяка? — переспросил Мирон. — Какого маньяка?

— Да был тут у нас один. Валера, ты его знаешь, Володька Хромов. Его в прошлом году посадили за то, что он Машеньку нашу загубил. Такая девица красивая была. Добрая никогда от нее злого слова не слышала. Все ее любили. А он, мразь такая загубил девчонку. А недели две назад, говорят, сбежал. Вот его наш участковый и ищет по округе, людей пугает.

Мирону хотелось поподробнее расспросить бабушку, но взглянув на отца он увидел, как того обеспокоило услышанное.

— Пап? Все норм? — спросил он.

— Да. — растеряно ответил отец, глядя прямо перед собой, но будто бы не видя ничего вокруг. — Да, все нормально. Полина Николаевна, Володька, это тот, что с Викой вместе учился?

— Он самый. — сказала бабушка. — Такой видный был мужик, а оказалось вон как.

— Ладно Мирон, пошли.

Они вышли во двор, и Валерий, взяв Мирона под локоть, притянул к себе.

— Слушай — тихо сказал он. — Не нужно тебе оставаться у бабы с дедом, погостим, а завтра домой поедем.

Мирон не понимал, что происходит. Еще вчера он убеждал отца, что сможет позаботиться о себе сам, пока тот будет в разъездах по работе, но тот и слушать не хотел. А сейчас отец предлагает ему вернуться в город с ним. Неужели все это из-за того маньяка, что когда-то учился с его матерью?

— Пап, что случилось? — спросил он.

— Этот Хромов, — Валерий огляделся и наклонившись к Мирону заговорил еще тише. — Я переживаю. Что если он и правда объявится? Как я могу тебя оставить одного? Старики, если что, тебя не защитят.

— Так, а зачем им? Я по ночам гулять не буду, и вообще буду осторожен. А маньяк этот... Ну не дурак же он сюда возвращаться, тут его искать в первую очередь будут. Не переживай. — попытался успокоить отца, Мирон. — Я не ребенок уже. Все хорошо будет.

Валерий пристально посмотрел на сына. Перед ним стоял сильный, широкоплечий юноша, но видел он маленького и беззащитного ребенка с выпавшими молочными зубами. Сделав над собой усилие, Валерий отпустил локоть Мирона и сказал:

— Хорошо. Я верю тебе, сын. Если ты не боишься, то и мне нечего бояться.

Мирон очень хотел расспросить отца о Владимире Хромове, но боялся, что если эту тему не замаять, то тот передумает и заберет его с собой обратно в город. Поэтому шли они молча и у Мирона было время подумать почему ему так хочется остаться в деревне. Быстро ответить на этот вопрос у него не получилось и он просто начал глазеть по сторонам, чтобы лучше познакомиться с местом, где ему предстояло жить.

Вдоль улицы, по которой они шли росли высокие тополя, со стволами покрашенными известкой у корней. Тротуара не было и идти проходило прямо по дороге. Большинство домов на улице были не деревянные, как у бабушки, а кирпичные на две квартиры.

Отличались дома друг от друга только забором и палисадниками. У некоторых был красивый, резной штакетник, покрытый морилкой или краской, и аккуратные клумбы, засеянные цветами, которые только-только взошли, а у других покосившийся забор, наскоро сколоченный из горбыля, и заросли крапивы под окном.

Они дошли до перекрестка, не встретив по пути ни души. Валерий показал рукой в сторону большого здания из кирпича и бетона с большими ржавыми буквами на крыше, которые складывались в слова: ПОЧТА ТЕЛЕГРАФ ТЕЛЕФОН.

— Тебе туда. — сказал он. — Я пройду дальше по улице, до магазина, а ты назад один не иди. Подожди меня, хорошо?

Мирон кивнул.

У здания почты росла густая черемуха и несколько кустов сирени, а напротив стоял большой памятник Ленину. Владимир Ильич был изображён на нем прижимая кепку к груди и задумчиво глядя в даль. Проходя мимо памятника, Мирон увидел Соню, девушку, что приходила к бабушке за молоком. Она стояла впереди в ста метрах от него. Рядом с ней был высокий худой парень, в серой майке и грязных джинсах, он кричал на девушку и размахивал руками, а та пряталась от него за своей огромной собакой.

Не думая о том, что он делает, Мирон побежал к ним. Через мгновение он уже стоял между Соней и парнем в майке и тяжело дыша смотрел прямо ему в глаза.

— Что происходит? — спросил Мирон.

— Ты кто? — обратился к нему парень. — Рожа вроде знакомая. Иди куда шел. Не твое дело.

Парень оказался намного крупнее Мирона, кожа на его руках сильно загорела, а лицо было испачкано машинным маслом. Он потянул руку за спину, как будто собирался достать что-то из-за ремня. Но тут собака зарычала и выбежав вперед встала перед Миромом оскалив зубы на хулигана. Парень опустил руку и сделал шаг назад.

— Спокойно. — сказал он собаке, разведя руки в стороны.

— Ко мне. — скомандовала Соня, но собака ее не слушала и продолжала рычать.

— Уходи пока она на тебя не кинулась. — сказал Мирон парню.

Тот начал отходить спиной вперед, стараясь не делать резких движений.

— Ладно — сказал он, глядя на Мирона, затем перевел взгляд на девушку и добавил — Еще увидимся, ты так просто не отделаешься от меня, крыса.

Когда он ушел, Мирон обернулся к Соне, чтобы спросить, как она, но обнаружил, что та быстрым шагом уходит в противоположном направлении. Мирон перевел взгляд на собаку, которая с обиженным видом смотрела на уходящую хозяйку.

— Спасибо тебе — сказал он и наклонившись почесал ее за ухом. Собака, не ожидавшая от него этого, сначала вздрогнула и отстранилась от него, но поняв, что происходит, завиляла хвостом и, как показалось Мирону, улыбнулась ему.

— Ко мне! — услышал Мирон крик Сони, и через секунду собака была уже рядом с ней, продолжая все так же задорно махать хвостом.

Мирон проводил их взглядом и пошел на почту. Ему не понравилось, что Соня, ничего не сказав, просто ушла. «Могла бы и спасибо сказать» — думал он. Но все же он был доволен собой. Доволен тем, что не испугался заступиться за Соню, хотя он даже не знал ее, а тот парень был очень здоровый. Мирон еще раз порадовался тому, что собака так вовремя решила показать свои клыки и ему не пришлось мериться силой с тем здоровяком. «Интересно, почему тот парень решил, что знает меня?» — подумал он. Но долго ломать

голову над этим он не стал.

В отделении почты было светло и прохладно. Толстые бетонные стены здания не успели как следует прогреться за первые дни лета и сохраняли приятную прохладу. За высокой стойкой, покрытой самоклеящейся пленкой с древесным рисунком, стояли стеллажи, на которых с газетами и журналами соседствовали консервы и крупы.

— Добрый день. — услышал Мирон высокий женский голос. Он огляделся и увидел в дальнем углу полненькую, темноволосую девушку, сидящую за старым компьютером с большим пузатым монитором. — Что-то хотели? — спросила девушка.

— Добрый день. — ответил Мирон. — Мне сказали у вас можно воспользоваться интернетом?

Девушка внимательным взглядом осмотрела Мирона с головы до ног и, вздохнув, сказала:

— Можно. 27 рублей за пол часа. — Она встала из-за компьютера и прошла за стойку. Девушка оказалась невысокой, у нее была тонкая талия и широкие бедра, одета она была в узкие черные джинсы и черный свитер с длинными рукавами которые скрывали кисти рук до кончиков пальцев. У нее была густая, черная подводка на глазах, а на левой щеке три длинные красные царапины, в которых Мирон тут же узнал работу кошачьей лапы.

— Я думал вы дадите мне пароль от вай-фая или типа того. — сказал он.

— Нет, вай-фая у нас нет. Можете оплатить в кассу и сесть за компьютер на полчаса. И учтите, все сайты с взрослым контентом, у нас заблокированы. — сказала девушка, показав воздушные кавычки на слове «взрослый».

— А вас Настя зовут? Верно? — спросил Мирон, доставая из кармана смятый полтинник.

— Да. — ответила девушка.

— Очень приятно познакомиться, я Мирон.

— Ты не местный?

Мирону понравилось, что Настя сразу перешла на «ты», и он решил сделать тоже самое.

— Ты права. Я приехал на лето к бабушке. Полина Николаевна Савицкая, знаешь ее?

— Бабу Полю? Знаю, конечно, мы тут вообще, все друг друга знаем. — улыбнулась она. Но в следующее мгновение улыбка исчезла с ее лица. — Получается ты сын...

— Не будем об этом. — перебил ее Мирон. А сам подумал про себя, что в деревне видимо все знают о том, что случилось с его матерью, и от этой мысли ему стало не по себе. Он положил на стойку смятую купюру. — Полчаса, хватит.

Забрав сдачу, Мирон прошел к компьютеру.

Настя следила за ним полным сострадания взглядом. Ей понравился Мирон. Он был симпатичный и широкоплечий, а главное Мирон был новым лицом, а для их маленькой деревни это было редкостью. И ей было очень интересно познакомиться с ним поближе, и может, даже позвать на совместную прогулку, но ей было стыдно, что она не сдержала в себе эмоций и напомнила ему о смерти матери. «Захочет он теперь с тобой общаться, как же! — думала Настя. — Теперь, будет на меня смотреть и мать вспоминать. А парень симпатичный, и мы с ним здорово бы смотрелись вместе. А, забудь. Так и помру в девках из-за языка своего длинного!»

Пока Настя корила себя за бестактность, Мирон смотрел на пустую строку поиска в браузере и понимал, что не помнит ни логинов, ни паролей, от своих учетных записей в социальных сетях. У него на ноутбуке, вроде бы, был сохранен документ с паролями, но он

не был в этом уверен. Мирон уже думал встать и уйти, деньги просить назад ему было стыдно, да и 27 рублей не та сумма, о которой стоило бы беспокоиться, как в голову ему пришла одна мысль.

«ВЛАДИМИР ХРОМОВ ПОБЕГ», ввел Мирон в строку поиска и нажал ENTER. Ничего. Только несколько ссылок на личные страницы однофамильцев. Мирон изменил «ПОБЕГ» на «ПРЕСТУПЛЕНИЕ» и заново запустил поиск. Через пару секунд (скорость интернет оставляла желать лучшего) поисковик выдал именно то, что и хотел найти Мирон.

Пройдя по первой же ссылке, Мирон оказался на странице областной газеты, в которой была короткая статья о суде над Владимиром Хромовым, деревенским предпринимателем, так же известным как «Болотный душегуб». В статье говорилось, что Хромова судят за убийство девятнадцатилетней Марии Тимохиной, с которой он, по информации следствия, состоял в интимных отношениях. «Тело девушки так и не было найдено, сообщалось в статье, но собранные следствием улики, а также свидетельские показания одного из жителей деревни, заставили Хромова признаться в убийстве. Хромов признался, что после ссоры с Марией, он задушил ее, а тело жертвы отнес на болото и утопил в трясине. О причинах ссоры, подсудимый, давать показания отказался. Соседи отзываются о Хромове как о суровом, но справедливом человеке, и не могут поверить, что он совершил такое страшное преступление.» В конце статьи было несколько фотографий. На одной из них была изображена стройная рыжеволосая девушка, она стояла со школьным дипломом в руках и улыбалась, это была Маша Тимохина. На другой строгий усатый мужчина с густыми бровями и загорелым лицом, на третьей — он же с усталой женщиной и ребенком, сощурившим глаза от солнца, это был Хромов с женой и сыном. Мирону ребенок на фото показался знакомым, он увеличил снимок и пригляделся внимательнее. Ребенку на фото было лет 10–12, но это совершенно точно был тот самый парень что приставал к Соне меньше часа назад. Дети не отвечают за дела своих отцов, но Мирон не мог отогнать от себя мысль, что чуть было не подрался с потенциальным убийцей.

— Это с генами не передается, — сам того не осознавая, тихо сказал он.

— Что? — спросила Настя, услышав шепот Мирона.

— Да, ничего, просто — начал было оправдываться он, но тут в дверях показался его отец и избавил Мирона от необходимости заканчивать предложение. Мирон встал из-за компьютера и пошел на встречу отцу. — Мне пора. — сказал он.

— Но у тебя еще 15 минут — возразила Настя.

— Да неважно. Пока! Еще увидимся.

— Мирон, постой. — громко сказала она. — Подойди пожалуйста.

Мирон удивился этой просьбе, но подошел к девушке за стойкой.

— Прости что заговорила о твоей маме. Я, иногда, не контролирую, что говорю. — смущенной сказала Настя.

— Да, ничего страшного, все норм. — ответил Мирон.

— Нет, я чувствую, что повела себя грубо. Если ты позволишь, я хотела бы, только если ты не против... — Настя от волнения вся покраснелась и не могла посмотреть Мирону в глаза. — Я хотела бы показать тебе деревню! — почти прокричала она. А потом тихо добавила — В качестве извинения, конечно.

— Соглашайся, сын. — услышал Мирон голос отца. Посмотрев на него, он увидел, что Валерий стоит в дверях с широченной улыбкой на лице.

— Да, давай. Только завтра, я сегодня с дороги, уже устал. — сказал Мирон Насте.

Настя, услышав это, радостно закивала.

— Завтра я работаю до четырех, приходи сюда, заодно досидишь свои минуты. — сказала она.

Попрощавшись, Мирон с отцом вышли на улицу. Валерий ткнул сына локтем в бок и сказал:

— Орел! Дня здесь не прожил — уже поклонница появилась. Весь в отца. — у него был очень довольный вид, то ли от того, что он гордился сыном, то ли от того, что в руке у него был целлофановый пакет, из которого при каждом шаге доносился стеклянный звон.

— Отстань. — бросил Мирон отцу. — Пошли быстрее, в туалет хочу, сил нет.

— Так мы же в деревне, вон тебе туалет! — весело сказал Валерий, указав на куст сирени. Мирон проигнорировал его совет и быстрым шагом пошел к дому бабушки и дедушки.

Глава 2

В тот день они засиделись допоздна. Мирон, устроившись с ноутбуком на диване, внимательно слушал разговор старших. Бабушка плакала, вспоминая какой яркой и жизнерадостной была мать Мирона. Полина Николаевна достала старый альбом с детскими фотографиями дочери и долго разглядывала каждую, тихонько всхлипывая. Дед зазывал всех на рыбалку, отвергая все возражения Валерия о том, что весенняя вода еще не ушла, и клева не будет. Память его сильно подводила, он терял нить разговора и надолго замолкал, путал имена, единственное, о чем он не забывал, это подставлять опустевший стакан, когда Валерий доставал из-под стола бутылку, чтобы налить еще по одной.

Когда все уже собирались идти спать, бабушка подошла к Мирону и протянула ему старое помятое фото. На черно-белом снимке была его мать, примерно его возраста, в школьной форме с кружевным фартуком, ее волосы были собраны большими белыми бантами в два длинных хвоста, а на лице была счастливая улыбка. Рядом с матерью стоял парень, невысокий и хмурый, его рука лежала у нее на спине, он показался Мирону смутно знакомым.

— Кто это? — спросил Мирон бабушку.

— Володька, — ответила она. — Я забыла уже, а они ведь крепко дружили в детстве. Я думала, он ее в ЗАГС отведет после выпуска, но тут твой отец появился и все расстроил.

Мирону не понравилось, что в голосе бабушки он услышал сожаления по несостоявшейся свадьбе его матери с будущим убийцей и он тут же сказал ей об этом.

— Кто знает, — задумчиво сказала она. — Может, сложишь все по-другому, и Вика жива была бы, и Володька до такого не дошел бы.

— И я бы не родился, — добавил Мирон.

— Ой, и правда! — заволновалась бабушка. — Прости дуру старую, не думаю, что говорю. Правду говорят: «Что не делается — все к лучшему». Пошли, я расстелила тебе в комнате.

Она забрала у Мирона снимок и проводила в спальню, где его ждала старая пружинная кровать. Засыпать на новом месте было непривычно и не удобно. Кровать под его весом сильно прогибалась в области таза, и лежать на животе, как Мирон привык, было некомфортно. Он долго ворочался пока не смог найти позу, в которой ему все-таки удалось уснуть. Ему снилось как тот парень, что цеплялся к Соне напал на него, но рядом не было собаки чтобы за него заступиться. Парень повалил его на землю и начал бить Мирона кулаками по лицу, отчего тот сквозь сон почувствовал вкус крови на языке. Здоровяк продолжал наносить удар за ударом, а Мирон, глядя на его озлобленное лицо, видел, как оно меняется, превращаясь в смуглое обветренное лицо Владимира Хромова.

— Тебя не должно было быть! — прокричал убийца.

Мирон проснулся от этого крика и сел на кровати. Его лоб и спина покрылись холодным потом, а рука, на которой он лежал, онемела и теперь, когда доступ крови был восстановлен, Мирон чувствовал будто тысячи невидимых игл вонзаются в нее. Растерев руку и немного придя в себя от кошмарного сна, Мирон, впервые осмотрел комнату, в которой ему предстояло жить следующие несколько месяцев. Спальня была маленькой, но светлой. Сквозь легкие, зеленые шторы пробивался свет утреннего солнца. Потолки и стены в комнате были выбелены известкой с добавлением синего пигмента, люстры не было,

только голая лампочка висела на толстом скрученном проводе. Помимо кровати в комнате был шкаф и комод, в углу стояло трюмо. На стенах висели фотографии в рамках, на них была мать Мирона, Вика, похоже, когда-то это была ее комната.

Из кухни доносился звон посуды. «Все уже завтракают, что ли?» — подумал Мирон. Он быстро оделся и пошел на кухню. За столом сидел отец и ел бутерброд с колбасой, бабушка сидела напротив и мелкими глотками пила чай. Дед — на табуретке у окна починял рыболовную сеть.

— Доброе утро, — приветливо сказала бабушка. — Садись. Что будешь, чай или кофе?

Мирон выбрал кофе и пока бабушка вставала за чайником сел за стол рядом с отцом и взял последний лежащий на столе бутерброд.

— Посмотрим, как тебе кофе с парным молоком понравится, такого в городе не нальют. — бабушка Поля поставила перед Мироном большую кружку горячего напитка.

— Спасибо. — Мирон поднес кружку к губам и сделал аккуратный глоток. Вкус и правда отличался от того к которому он привык, ему понравилось.

— Как поспал? — спросил его отец и не дождавшись ответа продолжил. — Сейчас кофе допью, и поеду, завтра на работу с утра, а нужно еще кучу дел переделать. Ты сегодня с той девочкой пойдешь гулять?

— С какой девочкой? — вклинилась в разговор бабушка Поля.

— С почты. Она вчера Мирону предложила деревню показать. — объяснил Валерий.

— А, Настенька. Хорошая девочка. Сходи с ней, Мирон, погуляй. Только допоздна не ходите, чтобы я не волновалась.

Мирон кивнул и спрятал лицо за кофейной кружкой. Его смутило то, как настойчиво родные пытаются свести его с Настей. Но девушка ему понравилась, она была симпатичной и намного приветливее той Сони, за которую он полез заступаться. «Овца» — подумал Мирон, вспомнив девушку с собакой. «Меня чуть не убили, а она даже спасибо не сказала!» — из-за ночного кошмара Мирон пересмотрел свое отношение к вчерашнему происшествию. Сейчас ему казалось, что он рисковал гораздо больше, чем это, возможно, было на самом деле.

— Внучок, сходишь за водой? — спросила его бабушка. — В доме кончилась и баню нужно истопить.

— Хорошо, баб. А это где?

— Да не далеко, сейчас отца пойдём провожать, я покажу.

Они быстро закончили завтрак, и оставив деда с его сетями вышли во двор.

— Звони, — сказал Валерий и ненадолго обняв сына сел в машину. — До свидания Полина Николаевна! — крикнул он, уже выезжая на дорогу.

— До свидания — тихо сказала бабушка, глядя вслед удаляющейся машине. — Она как спешит! Ты не обижайся внучок, но папка у тебя говно, а не человек.

Мирон промолчал.

— Зайди в дом, свитер надень, а то холодно. И на веранде галоши дедовы возьми, а то ноги промочишь. — велела бабушка.

Мирон вернулся в дом. Сумки с его вещами еще лежали у двери, он взял обе и отнес в комнату. Открыл одну и достал из нее черный свитер, подумав немного, достал из нее же темно синие спортивные штаны, решив, что в них идти за водой будет удобнее. Переодевшись, Мирон вернулся во двор к бабушке, которая ждала его у калитки с тележкой и сорокалитровой алюминиевой флягой на ней.

— Вот, — вручила она тележку внуку. — Пойдешь в конец улицы там тропинка, по ней спустишься к роднику. Не заблудишься. Сначала в баню натаскай воды, в печь и в бочку холодную, и одну флягу в дом.

— Хорошо, баб.

Мирон вышел на улицу и пошел по маршруту, указанному бабушкой. Фляга гроыхала каждый раз, когда тележка наезжала на кочку или лежащий на дороге камень. Воздух был прохладным и влажным, на траве, что росла у дороги, блестели капельки росы. Дойдя до конца улицы, Мирон оказался перед глубоким оврагом по дну которого текла река. Вода была темно-коричневой, грязной. Глядя на покрытые водой под самую макушку ивы, Мирон вспомнил вчерашние слова отца о том, что весенняя вода еще не ушла. «В такой воде — много не нарыбачишь» — подумал он. Тропинка, о которой говорила бабушка, начиналась у самого конца улицы и, сворачивая в сторону, уходила вниз. Два колеса тележки с трудом умещались на ней, и Мирон решил, что надежнее будет толкать тележку перед собой. Спустившись по тропинке вниз, он увидел, торчащую из земли железную трубу диаметром с его кулак. Из трубы текла мощная струя чистой родниковой воды, она падала между двух покрытых ржавым налетом досок и разбивалась брызгами об обломки кирпичей, набросанных здесь видимо для того, чтобы вода не размывала берег. Мирон снял флягу с тележки, открыл ее и поставил под струю воды. «Нелегко ее в гору тащить будет» — думал он, глядя как фляга быстро наполняется водой.

— Привет. — услышал Мирон у себя за спиной. Обернувшись, он увидел мальчика лет 10, с растрепанными русыми волосами, в грязных джинсовых шортах и рваной майке. В руках мальчуган держал ручку такой же тележки что была у Мирона, только краска на ней совсем облезла, да фляга отличалась по форме.

— Привет. — сказал Мирон мальчугану.

— А ты местный, да? Я в деревне всех знаю, а тебя не видел. — сказал мальчуган прищурившись.

— Не местный. Я к бабушке приехал.

— Как зовут?

— Мирон.

— Будем знакомы Мирон, меня зовут Чарли.

— Чарли? — удивился Мирон необычному имени. — У меня так собаку звали.

Мальчуган смутился. Ему явно не понравилось сравнение с собакой. Но он решил не показывать виду и сказал:

— Значит, теска мой. Ты его с собой привез?

— Не, он помер давно.

— Жаль. Мы бы подружились. Давай не задерживай, у тебя вон уже течет мимо все!

Мирон повернулся к фляге, через край которой уже переливалась вода, и, подтянув к себе, закрыл ее крышкой. Подцепив флягу тележкой, он откатил ее в сторону давая Чарли пройти к роднику.

— Как твою бабушку зовут? — спросил Чарли, устраивая флягу под струей воды.

— Полина Николаевна.

— Баба Поля? Так мы соседи, получается. Я через дом от вас живу. Дед у вас совсем плохой стал, да и бабушка уже старенькая, хорошо, что ты приехал, хоть воду ей не придется самой возить. — Чарли ловко откатил полную флягу из-под воды и быстро закрыв подцепил тележкой. Было видно, что у него большой опыт в этом деле. — Пошли, что ли.

Подниматься по тропинке было не легко, как и думал Мирон, поэтому ребята не разговаривали. Когда вышли к улице и немного отдышались Мирон спросил:

— Чарли — это твое настоящее имя?

— Не, но меня так все называют. — ответил мальчуган. — А ты на долго?

— На лето точно, дальше видно будет. А как тебя на самом деле зовут?

— А у тебя мама вены вскрыла или удавилась?

Мирон бросил тележку и схватил Чарли за майку.

— Слышь, ты! — начал он.

Чарли поднял руку и локтем надавил Мирону на кисть, от чего тому пришлось разжать пальцы и выпустить его.

— Я же говорил я всех знаю, и все знаю! — крикнул Чарли. — Ты ко мне с вопросами не лезь, я к тебе не буду, догоняешь?

Мирон стоял и, сжимая кулаки, молча смотрел Чарли в глаза. Чарли так же ни слова не говоря смотрел прямо на него, а в двух шагах от них, по дороге, катилась опрокинутая, раскрытая фляга и расплескивала воду.

— Чарли привет! — парни обернулись на голос и увидели бабушку Полю, которая стояла у калитки и смотрела на них.

— Привет баба Поль! — крикнул в ответ Чарли. — А мы тут с внуком вашим познакомились.

— Молодцы, ребята. Как твоя мать, Чарли, не хворат?

— Поправилась.

— Ну и хорошо. — тут бабушка заметила катающуюся по дороге флягу и прокричала — Мирон! Ты что флягу опрокинул? Подымай ее скорее, и иди на родник. Такими темпами ты до вечера не управишься и ни на какое свидание не успеешь! А Настя быстро себе другого найдет, ты не думай! Торопись, давай!

Чарли посмотрел на Мирона и его губы сложились в ехидную улыбку.

— Теперь и это знаю. — сказал он.

Мирон сморщился.

«Дать бы тебе по шее!» — подумал он — «Только бабушка не оценит. Да и сам я к себе лучше относиться не стану, если малолетку поколочу». Мирон поднял флягу и, подцепив ее тележкой, пошел к роднику. Деревня ему нравилась, а вот деревенские не очень. «Этот Чарли псих какой-то! Мог ведь просто не отвечать, но нет, гадостей наговорил. И я тоже хорош. Нужно начинать в руках себя держать, а не бросаться на каждого дурочка, что за языком не следит. «Я все знаю» — что это значит вообще? Придурок мелкий! Хоть бы Настя оказалась не похожей на своих земляков, а то, кого не встречу — все с придурью» — размышлял по дороге Мирон.

На почту он пришел без десяти четыре. Настя, со скучающим видом, сидела за стойкой, а перед ней стояла высокая худая старуха. Сквозь бледную, покрытую глубокими морщинами кожу старухи было видно синие и зеленоватые вены. Выглядела она очень старой, но несмотря на свой возраст спину держала прямо. На старухе был надет длинный вязаный жилет, а под ним черная блузка с высоким воротником. На ее шее висела толстая серебряная цепочка с большим круглым медальоном. Присмотревшись, Мирон, смог разглядеть на нем странный символ, похожий на когтистую лапу неведомого зверя. Старуха посмотрела на вошедшего Мирона холодным, оценивающим взглядом. От этого взгляда у Мирона по спине

побежали мурашки. Было в нем что-то не доброе, зловещее.

— Здравствуй, юноша. — сказал старуха. Голос у нее был низкий и глубокий. — Ты, я так понимаю, внук Полины? Она много о тебе рассказывала. Рада, наконец, увидеть тебя лично. И прими мои соболезнования по поводу кончины твоей матери. Вика была прекрасной женщиной. Она часто бывала у меня, когда жила здесь. Страшная, страшная утрата.

— Прошу прощения — сказал Мирон. — Могу я узнать, как вас зовут?

— Ох, конечно, где же мои манеры. Меня зовут София, можете называть меня бабушка Софа, меня так все здесь называют. — сказала старуха. — А ваше имя мне известно. Можете не представляться. Будем знакомы.

Старуха протянула Мирону свою ладонь, он легко пожал ее, обратив внимание на огромный золотой перстень с черным камнем на безымянном пальце старухи.

— Настенька, отправишь письма сегодня? Очень важно, чтобы они дошли как можно скорее. — сказала старуха, повернувшись к стойке. — Что ж, приятно было познакомиться с вами, юноша. Передайте Полине, что Соня не сможет прийти завтра, она будет у вас в следующую среду. До свидания.

Когда за старухой закрылась дверь, Мирон обратился к Насте:

— Это что за чудо?

Настя улыбнулась.

— Во-первых: привет, я тоже рада тебя видеть. Во-вторых: это бабка Софья, и никто ее бабушкой Софой не называет, как бы ей не хотелось. Она что-то вроде местной ведьмы.

— Ведьмы? — переспросил Мирон. Он вспомнил слова отца, что в деревне люди живут в магическом мире, и все еще верят в магию и колдовство.

— Ну ведьма, знахарка, гадалка. Она отвары всякие продает, порчу снимает. К ней даже из города бизнесмены, всякие, приезжают на консультации. — сказала Настя. — Она наша местная достопримечательность.

— Интересно зачем мама к ней ходила? Еще и часто — задумчиво сказал Мирон.

— Гадать, наверное, ходила. У нас все девчонки к ней ходят. Она безобидная, только не от мира сего. Вот, с письмами с этими, опять же. У нас их по вторникам забирают, и я ей уже тысячу раз об этом говорила. А она все «отправь сегодня, отправь сегодня».

— А кто она Соне? Я вчера ее видел, она к нам за молоком приходила. — сказал Мирон. О повторной встрече у памятника Ленину, он решил не упоминать.

— Бабка ее, вроде. Хотя детей у нашей ведьмы не было никогда, а внучка вот откуда-то есть. — ответила Настя. — Ты с этой, Соней, не общайся лучше. Она тоже странная. Хамка каких поискать. — ревниво добавила она.

Настя провела его по деревне, которая оказалась совсем небольшой, четыре улицы и один переулок. Показала местный дом культуры, в котором летом по воскресеньям проводили дискотеки и в котором располагался пункт местного участкового. Показала магазин, один на всю деревню, и старую, деревянную церковь с покосившейся колокольней. Церковь заинтересовала Мирона больше всего. Она была жуткой и, казалось, вот-вот развалиться. Он хотел подняться на колокольню, но Настя сказала, что церковь заперта и внутрь просто так не попасть.

— А это наша школа. — сказал Настя, показывая рукой на длинное, одноэтажное здание. — Тут только до девятого класса учат. На следующий год придется в райцентр ездить. Пошли, там есть качели.

Настя взяла Мирона за руку и повела за собой в сторону школы. Обойдя здание по выложенному кирпичами, тротуару они оказались на заднем дворе школы, где была баскетбольная площадка, турники и пара качелей. Одни из качелей были заняты красивой девушкой в коротком зеленом платье, которую раскачивал стоящий рядом пухлый, румяный парень.

— Настя! — радостно крикнула девушка и, спрыгнув с качели побежала им навстречу. Она обняла Настю и закружила ее на месте, весело смеясь. Девушка была на голову выше спутницы Мирона, у нее было сильное, стройное тело и короткие темно-русые волосы, прикрывающие уши, но не достающие до плеч. Смех ее был высоким и громким, от него Мирону стало тепло и радостно, и он тоже заулыбался.

— Да отпусти уже! — проворчала Настя. — Мирон, знакомься — это Вероника. Моя лучшая подруга. А тот толстячок — Настя кивнула в сторону румяного паренька — Олег.

— Приятно познакомиться — сказал Мирон. Они с Олегом пожали руки и улыбнулись друг другу.

— А он правда симпатичный, не обманула — громко прошептала Вероника. Мирон покраснел от этих слов, и взглянув на Настю, увидел, что та тоже залилась краской.

— Надолго к нам? — спросил Мирона Олег.

— На лето, а там видно будет.

— Сочувствую. У нас скукота. Через неделю другую хоть на рыбалку сходить можно будет, а сейчас вообще делать нечего.

— Почему же, нечего? — сказала Вероника. — А загорать и купаться?

— А еще не рано? — сказал Мирон. — Вода еще холодная.

— В реке еще холодная, и на озере тоже. Настя ты показала Мирону озеро? Ладно, еще покажешь. У нас есть запятая на ржавом поле. Там вода уже теплая.

— Что такое «запятая» и «ржавое поле»? — спросил Мирон.

— Ржавое поле — это свалка старой техники. — ответил Олег. — Там комбайны, сеялки и все такое, стоят, гниют. А запятая, это старица. В половодье ее затапливает, а когда вода уходит остается что-то типа озера. Она мелкая, там вода быстро греется. Поплывать не получится, но поплескаться можно, если ты такое любишь.

Мирон плохо понимал то, о чем говорил ему Олег. Слишком много незнакомых слов. Поэтому он просто кивнул, решив, что сам все увидит и поймет.

— Завтра туда пойдём загорать! — Вероника подошла к Мирону и взяла его за руки. — Пойдешь с нами? Устроим пикник у воды, костер разожжем. Будет здорово!

Мирон согласился.

Они качались на качелях и болтали. Девчонки с интересом расспрашивали Мирона о его жизни в городе. Когда тот начал жаловаться на то, что в деревне не ловит сеть, Олег попросил его показать ему смартфон. Мирон достал телефон из кармана и протянул Олегу. Тот, недолго повертел трубку в руках и спросил:

— А видосы есть смешные?

— Не, без интернета ничего не работает. — ответил Мирон.

— Как же ничего?! — сказала Вероника. — Камера работает. Мирон, можешь меня пофотографировать?

Мирон не любил делать фотографии, но уже хотел согласиться, когда Олег вызвался снимать Веронику сам.

— Покажи куда жать — попросил он Мирона.

Когда ребята отошли в сторону искать места для съемки Мирон спросил Настю:

— Они встречаются?

— А тебе зачем? — беспокойно спросила она.

— Просто, интересно.

— Встречаются. Уже больше года — сказала Настя. Она подумала, что Мирону понравилась Вероника и ей стало грустно от этого. «Конечно она ему понравилась. Она же красавица. А еще подруга называется! Не нужно было их знакомить» — думала Настя.

— А ты с кем-нибудь встречаешься? — спросил ее Мирон.

— Нет. — быстро ответила Настя. И тут же, в мыслях, принялась ругать себя за быстрый ответ. «Он сейчас поймет, что я на него запала и убежит!»

— Я тоже нет. — сказал Мирон и улыбнулся.

Повисло неловкое молчание. Мирон пытался придумать, что сказать, но в голову ничего не приходило. Настя же была занята мыслями о том почему он спросил ее встречается ли она с кем-нибудь, и для чего сказал, что сам не встречается. «Я ему нравлюсь» — думала она. — «Точно нравлюсь!». От этих мыслей она разволновалась и покраснела. Дыхание ее стало частым, а ладони вспотели.

— Ты слышал про убийцу, который из тюрьмы сбежал? — спросила она просто для того, чтобы что-то сказать.

Услышав этот вопрос, Мирон облегченно выдохнул. Он был рад, что тишина нарушена, и был рад узнать что-нибудь новое о том, что его так сильно интересовало. Он рассказал Насте о вчерашней встрече с участковым и о том, что узнал в интернете.

— Ты его знала? — спросил Мирон. — Убийцу?

— Да. Мы тут все друг друга знаем. Магазин, что я тебе показывала, его был. Сейчас им жена его управляет, тетя Марина. И Машу тоже знала. Она соседкой твоей бабушки была. Так жалко ее.

— Очень жалко! — сказала вернувшаяся со съемок Вероника. — Мирон, сможешь мне на флешку фото скинуть?

Мирон кивнул, забрал у Олега телефон и положил обратно в карман.

— Маша была просто лучшая! — продолжала Вероника. — Не пойму, что она в этом Хромове нашла. Он такой мерзкий был. И усы эти его.

— Так они правда встречались? — спросил Мирон.

— Говорят — сказала Настя. — Она даже забеременела от него, я слышала.

— Он ее и придушил, чтобы она жене ничего не рассказала. — подхватила Вероника. — Скот! Надеюсь, его поймают и пристрелят!

— Родителей ее жалко. — сказал Олег. — Они уже год пьют, с горя. Чарли совсем забросили.

— Чарли? — Мирон поморщился, услышав имя нахамившего ему мальчугана.

— Это ее брат. — пояснила Настя.

— Я с ним сегодня познакомился. Он псих, какой-то. — сказал Мирон.

— Он хороший — возразила Вероника. — Просто за ним не смотрят. Как Машу убили, родители совсем его забросили.

Мирону стало стыдно за себя. Сегодня он чуть было не подрался с человеком, который проходил через тоже что и он — смерть близкого человека. Он проникся сочувствием к несчастному мальчику и решил, что обязательно подружится с ним. «Он хотя бы знает, кто во всем виноват» — подумал Мирон, но тут же отбросил эту мысль. Меряться горем было

плохой идеей.

Посидев еще немного, ребята пошли домой. Мирон предложил Насте проводить ее до дома, но та отказалась.

— Ты еще заблудишься потом. Меня баба Поля прибьет — улыбаясь сказала она.

Глава 3

Мирон проснулся поздно. Утро уже было в самом разгаре, бабушка хлопотала на кухне, а дед сидел перед телевизором с кружкой чая и изредка чертыхался в экран.

— Новости смотрит? — спросил Мирон бабушку.

— Какой там. Сериал смотрит, про любовь. Он любит про любовь смотреть. — ответила бабушка.

Наскоро перекусив, Мирон прошел в комнату и сел рядом с дедом.

— Здорова, дед.

— Привет, Миша. — дед опять забыл, как зовут внука, но Мирон не стал его поправлять. Тот сильно расстраивался каждый раз, когда ему указывали на то, что память его подводит.

— Дед, ты сети починил? — спросил Мирон.

— Вчера еще. Сегодня вечером пойду ставить.

— Никуда ты не пойдешь старый! — крикнула бабушка из кухни. — Не думай даже.

Дед наклонился к Мирону и, глядя ему в глаза, тихо сказал:

— Никогда не женись.

Мирон усмехнулся и кивнул.

Около двенадцати дня Мирон пошел к дому культуры, у которого они с ребятами договорились встретиться. Олег уже сидел на крыльце ДК и с напряженным видом пытался выдернуть ржавый гвоздь, торчащий из доски. Когда он заметил Мирона, то встал, отряхнул руки и подойдя поздоровался с ним.

— Девчонки еще собираются. Нам сказали в магазин зайти, за лимонадом. — сказал Олег.

— Ок. Пошли.

— Подожди. Еще Чарли должен подойти.

На мгновение Мирон напрягся, но тут же расслабился. «Хорошо» — подумал он. — «Попробую найти с ним общий язык.»

Чарли появился через пару минут. На нем была все та же рваная майка и шорты, которые, казалось, стали еще грязнее. Он тепло поздоровался с Олегом, а Мирону просто молча кивнул.

— Скоро они там? — спросил Чарли качнув головой в сторону, откуда должны были прийти девушки.

— Скоро. Пошли, в магазин нужно зайти.

Магазин располагался в небольшом деревянном доме с высоким крыльцом, отличавшимся от остальных только отсутствием забора. Перед магазином росла черемуха, а над крыльцом висела старая фанерная вывеска, на которой выцветшей краской было написано «АССОРТИ». Внутри было тесно. Посередине помещения с низкими потолками стоял прилавок за которым на полках были расставлены продукты. Крупы, макароны, консервы, печенье и конфеты на вес. Холодильника не было, напитки стояли там же на полках. Целый стеллаж был отведен под алкогольную продукцию. Кагор, портвейн, пиво и несколько наименований водки, вот и все «ассорти».

— Зоя Павловна, вы как всегда неотразимы! — с порога обратился Олег к продавщице, которая стояла за прилавком.

— Здорова Олежек! — поприветствовала его Зоя Павловна. Это была грузная женщина глубоко за сорок, с редкими водянистыми волосами и сальной кожей. На ней был надет синий передник с рюшами и карманом, из которого торчала потрепанная общая тетрадь. — Чарли, привет. Когда мать твоя долги отдавать собирается, не знаешь?

Чарли стыдливо опустил голову и начал что-то мямлить.

— Не будем об этом, — сказал Олег. — Расскажите лучше, как у вас на личном фронте, Зоя Павловна? От ухажёров, наверно, отбоя нет? — он оперся локтем на прилавок и заговорщицки подмигнул продавщице.

— Ой, отстань, дурень. Говори, чего хотел? — отмахнулась она.

— Две бутылки колокольчика, будьте любезны.

Забрав лимонад, Олег кивнул Миرونу, давая понять, что оплату ждут от него. Мирон подошел к прилавку и тихо спросил, сколько нужно заплатить. Рассчитавшись, он поблагодарил Зою Павловну и, попрощавшись, пошел на выход.

— Вот, Олежек, учись у парня, каким нужно быть! Мужчина растет, не то что ты, балабол! — громко сказала продавщица.

— Сейчас нахватаюсь. — ответил Олег и вышел следом за Мироном и Чарли.

Обратно к ДК парни подошли одновременно с девушками. Настя, твердым шагом приблизилась к Миرونу и протянула ему рюкзак.

— Неси — сказала она.

Мирон взял рюкзак, который оказался довольно тяжелым и закинул его за спину.

— Что там? — спросил он.

— Картошка, сало, на костре пожарим. Покрывала еще.

Мирон посмотрел на девушек. Настя была в длинных узких шортах и черной футболке. Вероника пришла в красивом голубом сарафане, у нее на плече была большая пляжная сумка.

Они пошли по улице пока не вышли из деревни. Затем сошли с дороги на колею, идущую сквозь березовую рощу, и вышли на поляну, заставленную старой ржавеющей техникой.

— Вот оно — ржавое поле — сказал Олег.

Мирон осмотрелся. По всей поляне была расставлена старая техника. Комбайны и грузовики, легковые автомобили и сеялки стояли рядами и ржавели на солнце. Прямо напротив Мирона стоял развалившийся грузовик «Урал». Колес на нем не было, а ходовая ушла под землю и заросла травой. Лобовое стекло было разбито, проржавевший капот был открыт, двигателя не было на месте. За грузовиком лежал перевернутый комбайн, почти полностью разобранный на запчасти, дальше автобус, потом что-то похожее на гигантскую расческу на колесах, гусеничный трактор, и куча металлолома, в котором Мирон узнал разбитую в хлам «Волгу».

— Это наш глава поселения разбился. — сказал Олег, указав на «Волгу». — Спешил куда-то. Да вот, не успел.

Техники было очень много. Трактора, колесные и гусеничные, прицепы, самосвалы и телеги, мотоциклы и плуги, десятки комбайнов и сеялок. Что-то, на первый взгляд, выглядело пригодным для восстановления, но в основном это были просто кучи ржавеющего мусора.

— А почему на метал все это не сдали? — поинтересовался Мирон.

— Вывести не могут. — ответил Олег. — У нас в город одна дорога, на ней мост, а

через него грузовики не пускают, тяжелые они для него. А на газельке много не навозишь.

— А сюда это все как привезли тогда?

— Не знаю. — сказал Олег. — Может, по железной дороге привезли. Там дальше есть одна в лесу. Она заброшена давно, правда.

— По той дороге ракеты возили, а не трактора — сказал Чарли. — Мне отец рассказывал.

— Да слухи все это. — отмахнулся Олег.

— Ничего не слухи — настаивал Чарли. — У меня отец служил в секретной военной части, куда эти ракеты возили. Он говорит, что там, на болоте, целый подземный город построили с ракетными шахтами.

— Врет он тебе. Кто на болоте под землей строить-то будет? Затопит все! — уверенно сказал Олег.

Ребята прошли между рядами ржавеющих машин и оказались на холме. Справа и впереди был густой хвойный лес, слева внизу текла река.

— Вон запятая. — сказала Вероника.

Мирон проследил за ее взглядом и увидел небольшое изогнутое озеро, с высоты, и правда, напоминающее запятую. Спустившись с холма, Мирон подошел к озеру. Оно было не глубоким и сквозь чистую, прозрачную воду было видно поросшее травой дно. Наклонившись, Мирон потрогал воду рукой:

— Теплая. — сказал он.

— Я же говорила. — улыбнулась Вероника. — Мы тут как-то даже в мае купались.

— Давай сюда рюкзак. — сказала Настя Мирону. — Мы пока устроимся, а вы костер разведите.

Олег и Чарли пошли в лес набрать сухих веток для костра, а Мирона отправили обратно к березовой роще, набрать бересты на растопку.

— Нужно было сразу нарвать, не подумал. — виновато сказал Олег.

Мирон поднялся на холм и пошел к роще. Одному идти сквозь ржавое поле было не по себе. Даже днем, при ярком свете солнца, место казалось пугающим и жутким. Что-то во всех этих механизмах, когда-то приносивших людям пользу, кормившем их, а теперь врастающих тут в землю, навело Мирона на мысли о смерти. Он подумал о матери, о том, как она нежно дотрагивалась теплой ладонью до его головы, когда поднимала по утрам. Как улыбалась, встречая его из школы, и ему стало нестерпимо больно от мысли, что этого больше никогда не будет. Он ускорил шаг, хотел поскорее вернуться к ребятам, которые спрячут его в своей праздной болтовне от этих мыслей.

Дойдя до рощи, он нашел поваленную березу, и с помощью перочинного ножа, который дал ему Олег, снял большой кусок бересты. Решив, что для растопки этого хватит, Мирон поспешил назад. Вновь оказавшись на холме, Мирон заметил Соню, которая шла по противоположенной стороне поляны в сторону леса в компании своей верной собаки. Он набрал воздуха в легкие чтобы окрикнуть ее, но передумал. «Слишком далеко» — решил он. — «Все равно не услышит. Интересно, куда она пошла?» Он смотрел за Соней пока та не зашла в лес и не скрылась за деревьями.

— Ты чего так долго? — недовольно спросил Олег, когда Мирон спустился с холма.

Мирон пробурчал в ответ что-то нечленораздельное и протянул ему бересту. Девчонки уже скинули одежду и стояли в купальниках подставляя голые плечи палящему солнцу. На Насте был закрытый черный купальник с яркой зеленой полосой на узкой талии, которая

привлекала внимания к ее широким, загорелым бедрам. Вероника была в раздельном сиреновом купальнике, который позволял подробно рассмотреть ее стройное тело. Мирон подумал, что живи они в городе, у Олега не было бы шанса заполучить себе такую невероятно красивую девушку. Он смущенно отвел глаза от Вероники «Ты пришел сюда с Настей» — строго сказал он себе.

— Чего стоим? Пошли купаться! — сказал Чарли. Он тоже успел скинуть майку и шорты и стоял в одних плавках.

— Мы будем загорать — сказала Вероника и легла на расстеленное покрывало.

Настя села рядом и начала втирать крем в загорелые ноги.

— Не смотри — смеясь сказала она Мирону. — Я стесняюсь.

— Костер горит. — сказал Олег.

Он скинул футболку и стоял в длинных ярко-красных трусах с завязками, почесывая, густо покрытый волосами, большой живот. Глядя на него, Мирону, стало немного стыдно за свое безволосое, бледное тело. Он быстро разделся и побежал к озеру. Чарли пронесся мимо него, и с разбегу плюхнулся в воду подняв кучу брызг, заискрившихся на солнце. Мирон, аккуратно вошел в озеро по пояс, побрызгал водой на плечи и окунулся с головой. Он никогда раньше не купался в подобных водоемах. Дно рек или озер было песчаным или покрыто илом, тут же под водой росла обычная луговая трава. По сути, это была огромная лужа, которая должна была скоро высохнуть. Запятая оказалась совсем не глубокой, Мирон мог спокойно пройти по дну от одного ее края до другого. В самом глубоком месте, на середине озера, вода поднималась ему до подбородка.

— Нырляку бы сюда. — мечтательно сказал Чарли.

— Можешь нырнуть с меня. — предложил ему Мирон. — Залезай на плечи.

Он зашел на глубину и когда Чарли подплыл к нему, зажав нос нырнул под воду. Дождавшись, когда Чарли встал ногами ему на плечи, Мирон со всей силы оттолкнулся от дна. Чарли высоко взлетел над водой и хохоча плюхнулся прямо на середину озера.

— Круто, давай еще! — радостно сказал он, вынырнув из воды.

— А меня слабо? — спросил присоединившийся к ним Олег и, встретив испуганный взгляд Мирона, добавил — Да я шучу. Давай его вместе подкинем.

Они с Мироном, взялись за руки и присели в воду, чтобы Чарли смог на них залезть. Когда он встал ногами им на предплечья, а руками взялся за их плечи, Олег сказал:

— На счет три! Раз! Два! ТРИ!

Раскачавшись, парни подбросили Чарли вверх, он взлетел на пару метров над водой, и, перекрутившись в воздухе, плюхнулся спиной об воду.

— Ух — поморщился Олег. — Все почки себе отбил.

— Еще! — показавшись над водой закричал Чарли. — Еще!

Мирон вышел из воды уставший, но довольный. Он давно так весело не проводил время, и искренне радовался моменту.

— Не спите? — спросил он лежащих на покрывале девчонок.

— Солнце не загораживай! — недовольно сказал Вероника.

— Вытрись, с тебя капает. — Настя протянула ему полотенце. — Как вода?

— Теплая. Вы бы тоже искупались, а то тучи собираются, дождь будет. — сказал Мирон.

Вытираясь, Мирон смотрел по сторонам и заметил на дальней стороне поляны

человеческую фигуру, двигающуюся в сторону леса. Присмотревшись, Мирон узнал в ней того парня, что кричал на Соню пару дней назад.

— Это кто? — спросил он Настю.

Настя села на покрывале и приложив ладонь ко лбу козырьком, посмотрела туда куда указывал Мирон.

— Это Серега. — сказала она. — Чего он там забыл?

— Он за Соней идет. — предположил Мирон. — Я видел, как она туда полчаса назад прошла.

— Зачем она ему. — удивилась Настя.

— Может у них тайное свидание? — весело сказала Вероника. — Запретная любовь, которую они скрывают от мира под сосновыми ветками?

— Нет. Я видел, как он угрожал ей позавчера. Он хочет что-то с ней сделать. — тревожно сказал Мирон. — Я пойду проверю.

Девушки молча переглянулись.

— Да брось ты. — сказала Настя. — Ничего твоей Соне не угрожает. — с обидой, добавила она.

Мирон услышал ревность в Настинном голосе, но у него не было времени убеждать ее в том, что причин ревновать его нет. Он одел штаны и уже натягивал кроссовки, когда к ним подошли Олег с Чарли и спросили куда он засобирался. Когда Олег услышал, что Мирон намерен пойти в лес за Сергеем, он сказал:

— Хреновая идея, Мирон. С ним лучше не связываться, он с головой не дружит.

— Тогда тем более нужно идти. — ответил Мирон. — Пошлите вместе, нас много, что он нам сделает?

Мирон оглядел ребят, и увидел неуверенность на их лицах.

— Пожалуйста — отчаянно сказал он.

— Я пойду. — заявил Чарли и быстро начал одеваться.

«Конечно он пойдет. После того что случилось с его сестрой, он не простит себе если останется в стороне, когда кому-то нужна помощь.» — подумал Мирон. По лицам ребят, он увидел, что они подумали о том же.

— Все пойдем, — сказала Вероника. — Давайте, быстро, одеваемся. Олег, потуши костер.

Одевшись, ребята оставили вещи валяться у озера и быстрым шагом пошли в сторону леса. Мирон с трудом сдерживал себя, чтобы не перейти на бег. У него было чувство, что в лесу прямо сейчас происходит что-то ужасное, непоправимое. И нужно, во что бы то ни стало, помешать этому.

Дойдя до того места, где Сергей вслед за Соней скрылся за деревьями, ребята увидели тропинку, что петляла между соснами. Они пошли по ней, быстро углубляясь в лес. В тени деревьев было прохладно и пахло хвоей. Мирон шел первым, за ним Чарли, Настя и Вероника, последним шел Олег. Сосновые иглы, плотным, толстым ковром покрывающие землю, не давали прорости траве, и хрустели под ногами.

Трусы Мирона, после купания, не успели высохнуть и на его штанах выступило большое, темное, мокрое пятно, но ему не было дела до того, как это выглядит и на что похоже. Все его мысли были только о том, что нужно успеть, успеть помешать Сергею сделать то, что он задумал. А что он задумал? Мирону пришлось признаться самому себе, что несмотря на все свои современные взгляды и убеждения, он считает Сергея

преступником, способным на самые ужасные поступки. «Но это ведь не только из-за его отца. Я видел, с какой ненавистью он смотрел на Соню тогда.» — думал Мирон.

Тропинка огибала холм и дальше шла по дну оврага, заросшего шиповником.

— Сейчас все ноги себе обдеру. — проворчала Вероника.

— Держи — Олег протянул ей свою олимпийку, которую нес в руках. — Повяжи на пояс, как юбку.

Вероника, завязала рукава олимпийки вокруг бедер, так что та укрыла ее ноги до самых щиколоток.

— Спасибо. — сказала она и ласково улыбнулась Олегу.

Они шли по тропе уже около получаса. Мирон слышал, как ребята испуганно шептались у него за спиной. Он почувствовал, как маленькая, узкая ладонь крепко сжала его локоть.

— Мирон — сказала Настя. — Нужно возвращаться. Мы не найдем их.

— Еще немного. — ответил он.

— Я никогда не заходил так далеко в этот лес. — сказал Олег. — Можем заблудиться.

— Мы идем по тропе, по ней вернемся — ответил Мирон. — Пожалуйста, давайте пройдем еще десять минут хотя бы?

Но, не прошло и пяти минут, как они вышли на поляну, покрытую сухой крапивой и борщевиком. В центре поляны был невысокий в человеческий рост холм. Обойдя его, Мирон увидел, что из холма выходит бетонный бункер, вход в который перекрыт проржавевшей металлической дверью.

— Я же говорил, тут под землей целый город зарыт. — сказал Чарли.

— Может они внутри — сказала Вероника. — Мирон, можешь открыть?

Мирон подошел к двери и потянул за ручку. Дверь не поддавалась.

— Олег помощи. — попросил он.

— Не знаю. — замялся Олег. — Может не стоит?

— Да давай, открывай, интересно же. — настаивала Вероника.

Олег, нерешительно приблизился к двери и взялся за ручку.

— На счет три? — посмотрел он на Мирона. — Ладно, взяли.

Парни изо всех сил начали тянуть дверь на себя и та неохотно, с громким скрипом, начала открываться. Когда проем стал достаточно широким чтобы в него можно было протиснуться, они остановились. Все столпились около двери и с интересом вглядывались в темноту бункера.

— Тихо. — сказал Мирон, — Я что-то слышу.

— ААААА! — раздался крик за спинами ребят.

Вздрагнув, они обернулись и увидели перед собой Сергея, который стоял в двух шагах от них и громко смеялся.

— Испугались? — спросил Сергей. — Вижу, что испугались. Кое-кто даже в штаны надул я смотрю.

— У меня просто трусы мокрые. — сказал Мирон, поняв, что Сергей говорит о нем.

— Так я про то и говорю. Обоссался вот и мокрые. — усмехнулся Сергей. — Вероника, ты все с Олежей гуляешь? Ты не думала, что, если у вас дочь родится, она будет — ОЛЕГОВНА? Зачем оно тебе надо? Давай со мной гулять?

— Я и сама Олеговна, так-то. — вызывающе сказала Вероника. — Так что в жопу иди Баран.

— Точно, я забыл совсем. — протянул Сергей. — Вы чего здесь забыли? А?

— Я видел, как ты пошел за Соней — сказал Мирон. Он чувствовал себя не уверенно говоря с Сергеем, но Настя, которая стояла рядом и крепко сжимала его ладонь придавала ему сил. — Где она?

— Я откуда знаю, где эта сволочь. А тебе она зачем? Что, влюбился? — сказал Сергей и Мирон почувствовал, как Настины пальцы сильнее сжали его ладонь.

— Я видел, как ты угрожал ей, тогда у почты, и сейчас за ней пошел. Так что, это она тебе нужна. — строго сказал Мирон.

— Да сдалась она мне.

— Что ты тогда здесь делаешь? — спросила Настя.

— Корова у нас потерялась. Вот ищу. — ответил Сергей. — Ладно, раз ты Вероника гулять со мной не хочешь, то мне от вас больше не надо ничего. Бывайте.

Сергей развернулся и пошел по тропе в сторону деревни.

— Козел. — крикнул ему вслед Чарли. — Ну что пошли назад? — обратился он к ребятам.

— Может еще Соню поищем? — с надеждой спросил Мирон.

— Не, — сказал Олег. — Вон тучи собираются. Не знаю зачем она в лес пошла, но сама выйдет. Пошлите пока дождь не начался.

Пока они возвращались через лес, небо вновь стало ясным, и ярко светило солнце. Они решили остаться и, как и планировали в начале, посидеть у костра. Чарли тут же побежал купаться, а Вероника скинула сарафан и продолжила загорать. Настя после похода в лес была грустной и молчаливой, Мирон подошел и тихо спросил у нее что случилось.

— Сергей угадал? — робко спросила она. — Ты влюбился в Соню?

— Нет, ты что. Я просто, чисто по-человечески за нее переживал. — успокоил ее Мирон. — Мне ты нравишься. Давай, со мной гулять? — сказал он, передразнивая интонации Сергея.

Настя рассмеялась и, не больно, стукнула его по плечу.

— Я подумаю — игриво сказала она.

Когда начало темнеть и костер прогорел, ребята стали собираться домой. Лимонад давно закончился и всем хотелось пить. Через ржавое поле они прошли так быстро как могли, внимательно смотря под ноги, чтобы ни на что не напороться и не пораниться. Даже впятером, в сумерках, находиться на кладбище машин было неудобно. Появились первые звезды, похолодало.

Войдя в деревню, ребята попрощались и разошлись. Чарли побежал домой, Олег с Вероникой сказали, что хотят еще погулять вдвоем, а Мирон пошел провожать Настю.

Когда они подходили к ее дому, Настя взяла Мирона под руку и сказала:

— Ты знаешь, что Сергей сын Владимира Хромова? Того что убил Машу и сейчас в бегах?

Мирон кивнул.

— Я думаю, он не корову искал. Чего ей делать в сосновом лесу? Иголки жевать? — наклонившись к Мирону поближе, сказала она. — Я думаю, он хотел встретиться с отцом.

Мирон замер.

— Ты думаешь убийца там, в лесу?

— Да. Не зря же его участковый ищет по всей округе. Думаю, он в том бункере и сидит, а мы Серегу спугнули и не дали им встретиться.

Поразмыслив, Мирон, решил, что Настя права. Он сказал, что нужно срочно сообщить

обо всем участковому, но Настя возразила.

— Он нам не поверит. — сказала она. — Или пойдет к Сереге все узнавать, а тот ему байку про корову скормит и потом нам отомстит. Он очень жестокий и злопамятный. — она крепко прижалась к его груди.

Мирон погладил ее по волосам и спросил:

— Что же нам делать?

— Нужно вернуться туда, и найти какие-нибудь улики. Чтобы нам поверили. — сказала Настя.

Мирон удивился, как много смелости было у этой маленькой хрупкой девушки. Они обнялись на прощание, договорившись, что завтра попробуют уговорить ребят вернуться с ними в бункер и все там осмотреть.

Подходя к дому, Мирон, увидел толпу людей, стоящих около него. Он, не понимая почему все собрались у их дома и что происходит, вбежал во двор. Сквозь толпу взволнованных людей он увидел бабушку, с растерянным видом стоящую на крыльце.

— Мирон! — закричала бабушка Поля, заметив его. — Мирон! Беда! Дед пропал!!!

Глава 4

Полина грязно выругалась, когда бригадир отправил ее работать топтуном на грузовик. Но он не мог поступить иначе, ведь за час покоса, Полина, уже трижды вгоняла литовку глубоко в землю, после чего ее приходилось очищать от грязи и подолгу затачивать.

— Матвей Саныч, прошу! Надо мной и так мужики смеются, что я жопу за зиму отрастила, а вы меня на толстущечью работу отправляете! — причитала Полина — Мне житься не дадут!

Бригадир, крепким словом, дал понять Полине, что ему плевать на ее девичьи переживания, и лучше бы ей поскорее скрыться с его глаз. Злая и недовольная, она пошла вверх по холму, туда, где у березовой рощи, стояли грузовики. Солнце пекло нещадно. Полина провела ладонью по шее, которая показалась ей пугающе горячей. У Полины не было никаких сомнений в том, что завтра кожа с шеи и плеч начнет слезать, и все это будет страшно болеть.

Поднявшись на холм, она увидела три грузовика, в которые мужики грузили свежескошенное сено. На одном работала Клавдия, толстая склочная женщина. Она медленными, тяжелыми шагами двигалась по кругу внутри кузова грузовика, задрав повыше широкую красную юбку. Ее толстые, загорелые ноги покрылись капельками пота и на них налипли обрезки стеблей и листьев белоуса и другой луговой травы. Клавдия громко пыхтела, закусив губу и, то и дело, смахивала пот со лба внешней стороной ладони, не выпуская при этом из нее подол юбки, отчего та задиралась так высоко, что все вокруг могли видеть ее белые панталоны.

— Клава! — крикнула Полина. — ПодвигАйся! Подмога пришла!

— Подмога не помешат — пропыхтела Клавдия. — А что, потолковей кого не могли прислать?

«Змея!» — подумала Полина, но отвечать не стала. Она подошла к кузову грузовика, и попыталась закинуть на него ногу, но, несмотря на откинутый борт, у нее никак не получалось до него дотянуться.

— Стой! Ты куда это? — закричал на нее подбежавший незнакомый мужик. На нем была серая рубаха с подвернутыми рукавами, и шоферская фуражка, сдвинутая на бок. Рубаха была расстегнута, так что все желающие могли видеть его волосатую грудь и небольшой загорелый живот.

— Чего орешь?! — огрызнулась Полина. — Подсади лучше. Видишь, сама не могу залезть.

— Никуда ты не полезешь. У меня грузовик от вас двоих развалится. Он эту то — мужик кивнул на Клавдию — еле держит.

Полина оторопела от его грубости. Она забежала по нему глазами стараясь найти недостаток, на который можно было бы указать и задеть его. Она заметила, что сдвинутая фуражка обнажала глубокую залысину на его черной кудрявой голове.

— А ты лысый! — сказала она. — Плешивый! Плешивый!

— А ты толстожопая! — ничуть не смутившись ответил мужик.

У Полины задрожала нижняя губа, и она поняла, что вот-вот заплачет. От мысли, что все увидят, как она, такая сильная и современная, ревет оттого, что ее назвали толстожопой, Полине стало стыдно. И она, спрятав лицо руками, побежал в глубь березовой рощи. Когда

Полина отбежала достаточно далеко, чтобы люди на покосе ее не видели и не слышали, она, упав на колени возле толстой березы, начала громко и безудержно реветь. Как только она начинала успокаиваться, ей в голову приходила мысль, о том, как это стыдно, вот так плакать в лесу, и что нужно будет возвращаться назад и что-то говорить людям, и она начинала рыдать с новой силой.

— Дура, зачем убежала? — сказал незаметно подошедший к ней мужик в фуражке.

Полина, всхлипнув, вытерла слезы, глубоко вздохнула, и с упреком посмотрела на мужика.

— Ладно тебе — смущенно начал он. — Я же пошутил. Хорошая у тебя жопа.

Полина демонстративно от него отвернулась. Он обошел ее, она отвернулась снова. Так он и бегал вокруг нее, пока ему не надоело. Тогда он схватил ее за плечи и развернул к себе.

— Хорош реветь. — строго сказал он. Мужик долго смотрел в заплаканное лицо Полины. Он отпустил ее плечи, и своими, покрытыми мазутом, большими, мозолистыми руками, поправил ее съехавший с головы платок.

«Я ж теперь его не отстираю» — подумала Полина.

— Сегодня ко мне жить пойдешь. — сказал мужик. — Понятно?

Полина выпучила на него глаза, и хотела уже послать подальше, но, сама, не понимая почему, согласно кивнула.

— Пошли, умоем тебя, — сказал мужик и, взяв ее за руку повел из рощи назад на поляну.

Полина робко шла за ним не решаясь сказать ни слова. Почему-то, от его шершавой ладони, крепко сжимающей ее руку, было тепло и спокойно. Полина осмелилась заговорить, только тогда, когда они уже выходили обратно на поляну.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Егор. — сказал мужик.

«Егор — бугор» — улыбнувшись подумала Полина.

Мирон, расталкивая, столпившихся во дворе людей, прорвался к бабушке.

— Что случилось? — растеряно спросил он. — Как так — пропал?

Бабушка, схватившись за плечо Мирона, медленно опустилась на крыльцо и заплакала. Мирон еще раз спросил ее о дедке Егоре, но та только еще сильнее разрыдалась.

— Да, она корову пошла доить, вернулась, а его нету. — сказала, стоящая рядом женщина лет пятидесяти.

— Так чего реветь? Он рядом где-то должен быть. — сказал Мирон. — Нужно идти искать. Баб, не переживай, сейчас найдем его.

Толпа людей за спиной Мирона начала расступаться, пропуская кого-то к крыльцу. В тусклом свете горящей над крыльцом лампочки, Мирон увидел приближающуюся фигуру в полицейской форме. Он узнал в ней участкового, что останавливал их с отцом на въезде в деревню. Мирон попытался вспомнить как же его звали...

— Сержант Сланцев — представился полицейский знакомым ленивым жестом приложив ладонь к фуражке. — Что случилось?

Мирон посмотрел на бабушку, та все еще плакала и была не в состоянии разговаривать.

— Отведите ее домой и посидите с ней, пожалуйста. — сказал он той женщине, что говорила с ним минуту назад.

Мирон подошел к полицейскому, и как мог рассказал, что случилось.

— Я думаю нам нужно разбиться на пары и обойти округу. — предложил Мирон. — У деда ноги больные, он далеко никак бы не ушел.

— Так он, когда пропал? — спросил участковый Сланцев. — Может сам придет?

— У него с памятью плохо. Может дорогу не найти. — ответил Мирон.

— Хорошо. — сказал участковый и, повернувшись к толпе, громким командным голосом продолжил. — Внимание! Внимание! Итак, у нас пропал дед Егор. Он болен, и ему может понадобиться наша помощь. Поэтому, сейчас мы организуем его поиски. Разделитесь на пары, кто живет поблизости — забегите домой возьмите фонарики. Сначала обойдем деревню, если не найдем, будем расширять область поиска. Чтобы не ходить по одним и тем же маршрутам, подойдите ко мне, я вам задам направления поиска. Давайте-давайте! Чего стоим?

Мирон, почувствовал, что уверенные действия участкового его успокаивают. Когда он смотрел на плачущую бабушку, и на лица столпившихся вокруг людей, никто из которых не спешил брать инициативу на себя, ему было страшно. Он понял тогда, что он вовсе не такой взрослый и самостоятельный, каким себя считал. И сейчас, когда появился человек, который, пусть лишь озвучивал его идею, но при этом брал на себя ответственность, Мирон почувствовал сильное облегчение.

— Ты с бабушкой останешься? — спросил его сержант Сланцев. — Или тоже искать будешь?

— Искать буду, — ответил Мирон.

— Хорошо. Найди с кем пойдешь. Одного не отпущу.

Мирон растеряно оглядел толпу. Люди быстро расходились в разные стороны, видимо шли за фонариками, а может просто возвращались домой, потеряв интерес к происходящему. На противоположенной стороне улицы Мирон увидел Сергея. Тот стоял на обочине и, не отводя взгляда, смотрел прямо на него. Мирон почувствовал, как от этого взгляда на затылке у него начинают шевелиться волосы, а по спине пробегает холодок. Сергей отвернулся и ушел. Мирон выдохнул. Он увидел, что к нему приближается Олег и очень обрадовался знакомому лицу.

— Капец! — сказал Олег. — Вот сегодня денек у тебя.

— Не говори. А Вероника где? — спросил Мирон. — Вы же гулять собирались?

— Домой отвел. Мы на качели пошли, смотрю народ куда-то прет. Спросил, чего случилось, и вот я тут. Искать то идем?

— Идем.

— У тебя фонарик есть?

— Не знаю даже. А у бабушки спрашивать не буду. В телефоне есть фонарик, им обойдемся.

Вместе они подошли к участковому, чтобы тот определил для них маршрут.

— Мелковаты вы одни идти. — с сомнением сказал он. — А, ладно. Ничего не будет, поди. Идите по дамбе и до опушки. В лес не заходить! — строго добавил он.

— Веди. — сказал Мирон Олегу. Он плохо знал деревню, и вообще не представлял о какой дамбе говорил участковый.

Они вышли со двора и пошли по темной улице. Ночного освещения в деревне практически не было. Фонарные столбы были только на перекрестках и света давали совсем не много. Но на небе была растущая луна, и много, невероятно много звезд. Мирон знал, что

в космосе бесконечное количество звезд. Но знал он это из учебников и научно-познавательных шоу в интернете. А сейчас он видел это своими глазами, но не мог насладиться зрелищем. Все его мысли были с дедушкой. «Скорее, скорее нужно его найти.» — думал он.

— Олег, можешь рассказать мне что-нибудь? — попросил Мирон, когда они проходили мимо старой деревянной церкви. — Отвлеки меня, а то я с ума сойду, от нервов.

— Так. — задумался Олег. — Мы как-то, пацанами, гуляли за Старым озером. Сейчас, кстати, покажу его тебе, мы мимо проходить будем. И видим посреди луга стоит тунгуска. Это печь такая, для бани. Просто посреди поля. Чего она там делает? Фиг пойми. Выглядит — жутко. Мы еще тогда все, по телеку, «Секретные материалы» смотрели, поэтому сразу про инопланетян подумали. Ну и Се... — Олег замялся.

— Ну и Серега. — подсказал ему Мирон. — Говори не стесняйся.

— Да, Серега. Мы дружили с ним, пока отца его не посадили. Он после этого совсем кукухой поехал. Хотя, до этого тоже без башки, считай, был.

— Ну, что дальше было?

— Дальше, Серега, подходит к этой печке, открывает ее, а там внутри совята. Три штуки. Там типа гнезда что-то было, солома какая-то. И они там сидят, крохотные такие, головами на 360 градусов вертят. Нам на лево — прервался Олег.

Они свернули на улицу, на которой Мирон раньше не был. Дорога уходила с холма вниз и шла по дамбе, которая разделяла одно большее озеро на два. Потом снова поднималась на высокий холм, на котором стоял одинокий двухэтажный, деревянный дом, похожий, как показалась Мирону, на маленький средневековый замок.

— Слева Старое озеро, справа Новое. — сказал Олег. — А воооон там! Тот самый луг, на котором мы совят нашли.

— А что с ними стало потом? — спросил Мирон.

— Мы родителям рассказали, что нашли их. Они разорались. Говорили, что сова теперь птенцов бросит, раз мы их нашли. Мы упрашивали себе их забрать, но нам не разрешили. Орнитолога из города вызывали, он их забрал куда-то.

— Обидно — сказал Мирон. — А так бы была у тебя своя сова. Как у Гарри Поттера.

— Ага. — усмехнулся Олег.

Они уже шли по дамбе и смотрели на воду, которая, покрытая мелкой рябью, красиво сверкала в лунном свете. На середине озера, сквозь дамбу проходили две большие толстый трубы. Старые и ржавые они, с обеих сторон, изгибались и уходил глубоко под воду.

— Через них воду из Старого озера в Новое сливают, чтобы дамбу не размыло в паводок. — сказал Олег.

Они пошли дальше, и подходя к концу дамбы слышали крик.

— ПОМОГИТЕ! — кричал мужской голос у них за спиной. — НА ПОМОЩЬ! КТО НИБУДЬ?!

Парни побежали на крик. Недалеко от трубы, прямо на дамбе, росла чахлая, перекрученная ирга, корнями уходящая к водам Старого озера. И там, у ее корней, Мирон увидел Сергея. Тот с испуганным, бледным лицом, что есть силы кричал и звал на помощь. Шея его покраснелась, а вены на ней вздулись от крика. Спустившись к воде, Мирон увидел, что Сергей сидит в грязи, с окровавленной головой деда Егора на коленях.

— Что ты с ним сделал! — закричал Мирон. Он, с разбегу, налетел на Сергея, и столкнул его в воду.

— Дебил! — крикнул Олег — Он плавать не умеет!

Олег пронесся мимо Мирона, на ходу скидывая кроссовки, и бросился в воду вслед за Сергеем.

Миرونу же было не до них. Он наклонился над дедом, и пытался понять жив ли он, или Мирон опоздал, и нашел его слишком поздно. Ему показалось что он слышит, как дед дышит. Он попытался поднять его, отчего дед громко застонал. Мирон огляделся в поисках помощи, но ни Олег, ни Сергей не показывались из-под воды.

«Твою мать! Что я натворил!» — думал Мирон. Он подошел к воде, скинул кроссовки и уже начал стягивать штаны, когда Олег показался над водой. Он выбросился на берег, похожий на большого уставшего тюленя, и вытянул за собой Сергея. Минуту они лежали в грязи, мокрые, замерзшие и, отхаркивая воду, пытались отдышаться.

— Ничего я с ним не сделал. — тяжело дыша сказал Сергей. — Нашел его, и сразу на помощь начал звать. — он откинулся на спину и раскинул руки в стороны.

— Помогите деда на дорогу поднять, — попросил Мирон. — Один, боюсь, что только хуже ему сделаю.

Олег с Сергеем переглянулись и начали тяжело подниматься.

— Вы под руки берите, а я за ноги возьму. — сказал Сергей.

Они, как могли, аккуратно подняли деда на дорогу, и посадили на обочине, оперев о ствол ирги. Мирон достал телефон и набрал номер бабушки. После первого гудка она взяла трубку, и Мирон рассказал ей, что они нашли деда. Уже через пару минут на холме, с которого они пришли, появилась машина и поехала в их сторону. Это оказался полицейский УАЗик с участковым за рулем и бабушкой Полей на пассажирском сиденье. Машина резко остановилась напротив ребят.

— Ой господи! Господи. — шептала бабушка Поля, быстрыми шагами подходя к ним.

Мирон перегородил ей путь к деду и сказал:

— Баб, он выглядит плохо, но помни он жив, с ним все хорошо.

— Хорошо — повторила за ним бабушка.

Мирон отошел в сторону. Бабушка Поля приблизилась к деду, и, увидев его окровавленную голову, рухнула перед ним на колени и зарыдала.

— Ой, дурак! — кричала она, — И чего тебе дома не сиделось, дурак старый!

— Грузите его на заднее сиденье. — приказал участковый. Сержант подошел к бабушке и взяв ее за локоть отвел в сторону.

Парни быстро подняли деда и бережно положили его на заднее сиденье УАЗика.

— Полина Николаевна, хватит рыдать. — говорил участковый. — Дед живой, скорая уже в пути. Идемте в машину.

— Можно с вами? — спросил Олег. — А то я околею.

— А ты чего мокрый? — спросил сержант Сланцев. — Ладно, полезай в кенгурятник.

— А мне можно тоже? — спросил Сергей.

— И тебе можно, Хромов. — сказал полицейский.

Для Мирона места в машине не оставалось. Когда все уселись по своим местам, бабушка подозвала его к себе и сказала:

— Сходи за бабой Софой, Мирон. Скажи, что деду помощь ее нужна. Пусть придет.

— Где она живет? — спросил Мирон.

— Да вот на холме. Ее дом там один единственный стоит. — ответила бабушка. — Только быстрее давай, прощу.

УАЗик быстро набрал скорость и, заехав на холм, скрылся за поворотом. Мирон проводил его взглядом и развернувшись посмотрел на одинокий дом, на противоположенном холме. На втором этаже дома в одиноком окне горел свет. «Интересно чья это комната? Сони или старухи? Зачем, вообще, ее нужно звать? Как она сможет помочь деду? Неужели бабушка верит во всю эту чушь с магией?» — у Мирона не было ответа ни на один из этих вопросов.

Вблизи дом совсем не был похож на замок. То, что издалека Мирон принял за башню дворца, оказалось криво сделанным балконом, который, судя по виду, должен был рухнуть если не сегодня, то уж завтра точно. Сад перед домом весь зарос крапивой, а сам дом, под самую крышу, был покрыт вьюном. Старые, деревянные ставни на окнах рассохлись, петли их заржавели. Перила на высоком крыльце были сломаны, а новая, стальная дверь с глазком выглядела инородно.

Мирон прошел сквозь распахнутую, вросшую в землю калитку и замер. Он почувствовал, как на его плечи навалилась вся тяжесть сегодняшней ночи. Его колени задрожали, и, чтобы устоять на ногах, ему пришлось ухватиться за стальную проволоку, натянутую от крыльца до забора и предназначенную для сушки белья. В глазах у Мирона заплясали фиолетово-черные круги. Защемило в висках и заложило нос. Ворот футболки показался ему удушающе тесным, и он пытался разорвать его, с хрипом, жадно глотая воздух, до боли в горле.

Стальная дверь напротив Мирона открылась, и на крыльцо выбежала Соня. В длинной ночной рубашке, с распущенными волосами, она подбежала к Мирону и крепко обняла его.

— У тебя паническая атака. — сказала она ему на ухо, крепко прижимая к себе. — Постарайся успокоиться, и дышать ровнее.

Соня взяла Мирона за мочку уха и начала сильно тереть ее, так что та разогрелась и начала болеть. Мирон медленно выдохнул и, подождав пару мгновений сделал глубокий вдох. Паника, охватившая его, начала уходить. Он обнял Соню в ответ, и прижав голову к ее щеке, рассказал, как нашел деда без сознания.

— Это было так же, как тогда когда я нашел маму, — сказал Мирон. — Только ее я не терял, я знал, что она лежит в постели у себя в комнате. Но я нашел ее... Нашел ее смерть.

Слезы заскользили по его щекам к подбородку и, срываясь с него, исчезали в Сониных волосах.

— Ты земляничкой пахнешь. — сказал ей Мирон.

Он отпустил Соню, и вытер слезы.

— Бабушка попросила бабу Софу срочно прийти к нам. Она говорит, что та может помочь деду.

— Хорошо. Я приведу ее, как можно быстрее. — пообещала Соня, сочувственно глядя в покрасневшие глаза Мирона.

Они задержались на мгновение, глядя друг на друга. Потом, Соня, ни говоря ни слова побежала в дом, а Мирон, тряхнув головой и окончательно придя в себя, поспешил домой. Беспокойство за деда, отступившее на время, пока он стоял в объятиях Сони, снова начинало быстро расти внутри, но он успокаивал себя мыслью, что сделал все, что от него зависело.

Добравшись до дома, Мирон, обнаружил сидящих на крыльце Сергея и Олега укутанных в шерстяные покрывал.

— Как дед? — спросил Мирон.

— Без сознания. — ответил Олег.

— Вы чего на улице? Замерзли же.

— Да согрелись уже. Там бабка твоя ревет без конца, тяжело с ней сидеть. — сказал Олег.

Мирон чувствовал, что Сергей ждет от него извинений, но не мог заставить себя сказать ему хоть слово. Он вызывающе посмотрел на Сергея, отчего тот скривился.

— Ладно, я пошел домой, пока тубик не заработал. — сказал он. Сняв покрывало, он протянул его Мирону и ушел.

— Зря ты так. — упрекнул его Олег. — Он ведь может жизнь ему спас.

— Или он деда по голове и огрел. Не верю я ему.

Олег вздохнул. Он начал было собираться уходить, но Мирон попросил его остаться до приезда скорой, посидеть с ним.

Мирон зашел в дом. Дед лежал на диване, с пугающе бледным, ничего не выражающим лицом. Бабушка сидела рядом с ним, и шепча что-то неразборчиво, протирала ему лоб влажным, махровым полотенцем. На кухне, за столом, сидел участковый и заполнял какие-то документы.

— Подойди, — сказал он Мирону.

— Сейчас. — ответил Мирон. Он подошел к бабушке и положив руку ей на плечо спросил — Баб, ты как?

— Все хорошо внучек. — тонким, слабым голосом ответила бабушка Поля. — Софа придет?

— Соня обещала привести ее с минуты на минуту.

— Хорошо. — сказала бабушка, и вновь промокнула деду лоб.

— Что-то нужно? — спросил Мирон участкового подходя к нему.

— Протокол подпиши. — ответил сержант Сланцев, пододвинув Мирону бумаги над которыми сидел. Мирон, не читая, поставил подписи, там, где ему указали и вернулся к Олегу на крыльцо.

Во дворе вновь собрались люди, с интересом обсуждая подробности сегодняшней истории. Настя и Вероника тоже были тут, они подошли к Мирону, начали гладить его плечи и убеждать что все будет хорошо.

— А меня, может тоже кто погладит? — обиженно сказал Олег.

— Конечно, конечно. — пролепетала Вероника, и обняв Олега, ласково потрепала его короткие мокрые волосы. — Ты мой герой, человека спас.

Олег расплылся в горделивой улыбке.

— Ты как? — тихо спросила Настя.

— Все хорошо. — ответил Мирон, и крепко обнял Настю.

Люди, столпившиеся во дворе, разом замолчали и почтительно расступились, когда к дому подошла старуха Софья. За ней шла Соня и несла в руках, большой потрёпанный кожаный портфель, а, замыкала процессию, огромная лохматая собака, которая, чувствуя тревогу собравшихся, скорбно повесила хвост и опустила уши. Настя, недовольным взглядом, провожала Соню, пока та не зашла в дом.

— А она чего тут забыла? — спросила Настя.

— Бабушка попросила позвать. — ответил Мирон.

На крыльце появились участковый и бабушка Поля.

— Попросили оставить их. — сказала бабушка. Она выглядела гораздо спокойнее чем была еще пару минут назад.

Собравшиеся, замерли в ожидании глядя на дверь дома. Кто-то стал тихо молиться. Собака, оставшаяся сидеть у крыльца, широко зевнула и начала чесать за ухом.

Подъехала машина скорой помощи, из которой вышел врач в белом халате, не многим старше Мирона. Войдя во двор, он спросил:

— Где больной?

— В доме, — ответил кто-то.

Врач пошел к дому, но на его пути встала бабушка Поля.

— Подождите. — сказала она. — Там работают.

— Кто работает? — удивился врач.

— Знахарка.

— Вы что с ума посходили все! — возмущился он. — Пропустите!

Врач попытался обойти бабушку, но та, расставив руки в стороны, отказывалась пропускать его. В этот момент дверь открылась и на крыльце показались старуха Софья с внучкой. Бабушка Поля подбежала к ним и, молитвенно сложив руки на груди, спросила, что с дедом.

— Жить будет. — ответила Старуха. Она протянула бабушке банку, наполненную какой-то коричневой массой, с бумажкой, стянутой резинкой на крышке. — Пазухи ему смазывай, три раза в день, и забегает как молодой козленок. — сказала она.

Молодой врач, забежавший в дом, как только бабушка отступила в сторону, выглянул во двор и крикнул:

— Носилки! Нужна срочная госпитализация.

Из машины скорой помощи вышел водитель, и достав носилки прошел в дом, по пути кивком позвав с собой участкового. Через минуту они вынесли деда, рядом с носилками шел врач, держа в руках капельницу.

— Я с вами. — крикнула бабушка. — Мирон, я не знаю когда вернусь, — сказала она, притянув внука к себе. — С утра коров подои, и выпусти их пастись. И куриц, куриц покорми!

Деда быстро погрузили в машину. Бабушку посадили на пассажирское сиденье рядом с водителем, а врач устроился сзади рядом с дедом.

— Я позвоню, дам тебе инструкции. — сказала бабушка Мирону, когда машина уже тронулась.

После того как скорая помощь скрылась за поворотом, люди начали расходиться. Мирон огляделся в поисках Сони, хотел поблагодарить ее, что та так быстро привела бабку Софу, но она уже ушла. Настя заметила его ищущий взгляд и недовольно прикусила губу.

— Я пойду. — сказала она. — Вероника, пошли.

— Я тоже пойду. — сказал Олег. — Можно покрывало, завтра занесу?

Мирон кивнул.

— Ты не переживай. — обернулся Олег, выходя со двора. — Все нормально будет. Дед у тебя крепкий. А коров я тебе помогу доить. У меня опыт есть.

Мирон остался во дворе один. Он почувствовал, что у него начинают дрожать руки. Он крепко сжал кулаки, потом разжал и сжал снова. Повторил несколько раз пока дрожь не прекратилась.

«Ну и ночка» — подумал он.

Разбудил, Мирона, телефонный звонок.

— Алло, — сонно сказал он в трубку.

— Внучик! Внучик, доброе утро! — прокричал динамик голосом его бабушки.

— Привет, баб. — Мирон быстро сел на кровати, от чего у него закружилась голова. —

Как дед?

— Не очнулся еще. Доктора говорят, что состояние у него стабильное, жить будет. А последствия пойдем, говорят, когда проснется. — сказала бабушка Поля.

Говорила она спокойно и даже бодро, отчего Мирон почувствовал растущую глубоко в груди уверенность в том, что все будет хорошо.

— Ты проснулся? Коров нужно подоить, — продолжала бабушка. — Я на вечер договорилась с соседкой, а утром, внучик, тебе придется. Ты умеешь?

— Откуда? — ответил Мирон. — Я никогда раньше этого не делал.

— Ничего, я тебе все расскажу. — сказала бабушка. Она принялась долго и подробно рассказывать, о том, как к корове подойти, как начать ее доить, какое для этого использовать ведро и кучу других подробностей. Мирон старался все запомнить, но в какой-то момент совсем запутался и прервал бабушку.

— Баб, мне Олег обещал помочь, — сказал Мирон. — Он, вроде, умеет.

— Это какой? Федоров? — спросила бабушка.

Мирон понял, что не знает фамилию Олега.

— Да, — ответил он, надеясь, что не обманывает старушку.

— Хорошо. Он парень толковый, — сказала бабушка. — Как закончите выпусти их из стайки, пастишь. И куриц, куриц выпусти в загон. И крапивы им нарви, да побольше.

— Хорошо.

— В холодильнике кастрюля супа стоит, накорми Олега и сам поешь.

— Хорошо.

— И сходи к бабушке Софе после обеда.

— Зачем? — удивился Мирон.

— Она просила, чтобы ты ей помог компьютер настроить, — сказала бабушка. — Нужно отблагодарить ее за то, что деда спасла.

— Деда врачи спасли, а она шарлатанка старая, — возразил Мирон.

— Много ты понимаешь. Сходи, сказала. И отцу позвони, расскажи про деда. Я сама не хочу с ним разговаривать.

Они попрощались, и Мирон повесил трубку. Он откинулся на подушку и потянулся. День обещал быть тяжелым, и ему хотелось оттянуть его начало. Лежа на кровати и глядя в потолок, Мирон подумал о том, что он рад тому, что встретиться с Соней сегодня, и сможет поблагодарить её за помощь прошлой ночью. В магические способности ее бабки он не верил, но за то, что она помогла успокоить бабушку Полю был признателен. А еще он подумал, что у него нет телефонного номера Олега, и где тот живет Мирон не знает. Но стук в дверь оборвал его мысли.

Быстро натянув штаны и футболку, Мирон подошел к двери и спросил:

— Кто там?

— Сто грамм. — Мирон узнал сонный голос Олега. — Открывай давай!

— Ты чего так рано? — спросил Мирон, впуская друга в дом.

— Рано? Семь часов уже. Это поздно даже. Я хотел к шести прийти, да чет проспал. — зевая сказал Олег.

— Если бы ты в шесть пришел, я б тебя убил. — проворчал Мирон. — Чай пить будешь?

От чая Олег отказался, и они, выйдя во двор, направились в стайку к коровам.

Коровы было две. Зорька и Боня, обе белые с черными пятнами, они стояли в своих стойлах, взмахами хвостов отгоняя от себя мух.

— Холмогорские — сказал Олег, посмотрев на коров.

— Эта безрогая — Боня, а та — Зорька, — неуверенно сказал Мирон. — Или наоборот.

Воздух, в стайке, был влажным и тяжелым, сильно пахло навозом. Свет проникал внутрь через единственное, невысокое узкое окно под потолком. Было темно и душно.

— Тут лампочки нет что ли? — недовольно пробубнил Олег, оглядываясь по сторонам.

Он заметил висевший на стене кабель, с вилкой на конце, и, взяв его в руки, принялся за поиски розетки. — Вона куда запрятали. — сказал он, обнаружив розетку в самом углу, за повешенной на гвоздь фуфайкой.

Под потолком загорелась облепленная сухим навозом лампочка, и стало заметно светлее. Олег, взял стоявшую в стороне табуретку и поставил ее сбоку от Зорьки.

— Ведро давай — сказал он Мирону.

Тот передал ему большее оцинкованное ведро, накрытое марлей. Олег сел на табуретку и поставил перед собой ведро. Мокрой тряпкой, непонятно откуда взявшейся у него в руках, он протёр Зорьке вымя, и начал легонько похлопывать его ладонью.

— Это нужно чтобы корова подумала, что это теленок титьку ищет. Тогда доиться легче будет, — пояснил он. — Подай вон ту баночку.

Мирон, проследил за его взглядом и увидел стоящую на подоконнике банку с каким-то кремом. Он передал ее Олегу, тот щедро зачерпнул крем тремя пальцами и растер им ладони. Потом он втер крем с ладоней в Зорькино вымя и, взявшись за два ближайших к нему соска стал сжимать их, оттягивая и направляя в сторону ведра. Мощные узкие струйки молока летели прямо в ведро шумно ударяясь о его стенки.

— Смотри внимательно. — сказал Олег. — Берешь повыше, и как бы выдавливаешь. Понял?

Мирон кивнул.

Через пару минут все было сделано. Олег встал и, протянув ведро Мирону, сказал:

— Твоя очередь.

Мирон нерешительно приблизился к Боне. Со стороны все выглядело просто, но он понимал, что так же ловко как у Олега у него подоить корову не получится. Мирон сел на, заботливо подставленный Олегом, табурет и, взяв тряпку, неловко стал протирать коровье вымя.

— Тщательнее, тщательнее нужно. — подсказывал Олег.

Боня испугано замычала и начала топтаться на месте. Мирон потянулся за ней и тогда корова больно лягнула его в плечо, опрокинув при этом ведро с молоком. Зорька, видя, что ее молоко пролилось, тоже забеспокоилась и негодуя замычала.

— Так, это бойкая оказывается, — весело сказал Олег, не обращая внимания на то, как Мирон морщился, потирая ушибленное плечо. — Тут нужен антибрык.

Олег взял висевшую на стене длинную алюминиевую трубу, согнутую в скобу. Он надел антибрык на бедро Боне, так, что та не смогла бы лягнуть Мирона еще раз, не вогнав скобу

себе в ногу.

— А сразу нельзя было так сделать? — недовольно спросил Мирон.

— Кто ж знал? — развел руками Олег. — Продолжай давай. Теперь она спокойно стоять будет.

Дальше Боня стояла тихо и спокойно. Мирон удивился тому, как физически сложно оказалось её доить. Вымя, на ощупь, оказалось теплым и мягким, но из-за жирного крема покрывающего руки дотрагиваться до него было неприятно. Когда Мирон закончил у него так болели руки, что он с трудом нес, наполненное наполовину, ведро. «Как у бабушки получается это делать каждый день? Даже два раза в день?» — думал Мирон.

Выйдя из стайки, Мирон еще раз предложил Олегу выпить с ним чаю, но тот отказался, сославшись на важные дела.

— Спасибо тебе. — сказал Мирон с благодарностью. — За сегодня и за вчера. Особенно за вчера. Не знаю, как бы я справился со всем один.

— Никак бы не справился — беззаботно сказал Олег, махнув рукой. — Но, на то и нужны друзья, правильно? Ну пока, увидимся.

Олег ушел, а Мирон, оставив ведро с молоком на крыльце, пошел рвать крапиву для бабушкиных куриц.

Перед тем как пойти к старухе-ведьме, Мирон решил забежать на почту, поздороваться с Настей. Людей на улице было непривычно много. Они собирались в группы по два — три человека, и что-то увлеченно обсуждали. По взглядам, полным жалости, которыми они провожали, проходящего мимо Мирона, он понял, что обсуждают все вчерашнее происшествие. Он узнавал лица людей, которые вчера толпились у него во дворе и помогали искать деда. Мирон был готов к тому, что ему будут задавать вопросы, справляться о здоровье бабушки, но никто к нему так и не обратился.

Войдя в отделение почты, Мирон поздоровался с Настей и, облокотившись на стойку, за которой она сидела, навис над девушкой.

— Чего делаешь? — спросил он.

— Работу работаю. — ответила Настя. — Как дед Егор?

Мирон рассказал ей все что узнал от бабушки.

— Хорошо. — сказала Настя. — Если врачи говорят, что скоро очнется, значит так и будет. Вы узнали, что с ним случилось? На него кто-то напал?

— Не знаю. Участковый говорит, что похоже он сам упал. — сказал Мирон. — Он в тот день на рыбалку собирался, может поскользнулся, когда к озеру спускался.

— А ты что думаешь? — спросила Настя, взяв его за руку.

Мирон, в задумчивости поглаживая большим пальцем ее маленькие костяшки, пожал плечами.

— Я, как увидел Сергея, решил, что это он деда по голове треснул. Но я не представляю зачем это ему. Может и правда упал просто. У него ноги больные.

— Я сегодня говорила с Вероникой, — видя, как тяжело Мирону говорить о деде, Настя решила сменить тему. — Она тоже думает, что Хромов старший может в том бункере прятаться. Она Олега уговорит, и завтра пойдем проверять.

— Это не опасно? Если он и правда там? — засомневался Мирон.

— Да что он нам сделает? — усмехнулась Настя. — Нас четверо — он один. И потом мы же не ловить его пойдем, а просто посмотрим, тихонько. И если чего найдем сразу к

Сланцеву побегим докладывать.

— Мне кажется это плохая идея. — сказал Мирон.

— Ты что испугался? — Настя отстранилась от него и выдернула руку из его ладони. —

Вчера таким смелым был, когда бежал Соньку спасать. — добавила она, нахмурившись.

— Не испугался. Если осторожно и только посмотрим, то я согласен. — сказал Мирон. — Кстати, насчет Сони...

Мирону не хотелось рассказывать Насте о том, что ему нужно идти сегодня к старухе-ведьме и ее внучке. Но он понимал, что она узнает об этом сразу же, как только Мирон переступит порог Сониного дома. Решив, что лучше, чтобы она узнала все от него лично, а не в виде сплетен несколько раз пересказанных и перевертываемых, он рассказал ее все, подчеркнув, что сам туда идти не хочет, и делает это только по просьбе бабушки Поли.

— Ладно, сходи. — выслушав его сказала Настя. Ей была неприятна мысль, что Мирон будет проводить время с Соней, к которой она жутко его ревновала. Но, испугавшись отпугнуть его своей ревностью, она решила не выставлять ее на показ.

— Увидимся вечером? — с надеждой спросил Мирон.

— Не могу, обещала маме помочь. — увидев, как Мирон расстроился, Настя быстро добавила — Завтра весь день вместе проведем.

— Так мы по лесу с ребятами будем ходить, а я с тобой хотел побыть. Но да ладно, успеем еще. — грустно улыбнулся он.

Поднявшись на холм к ведьминому дому, Мирон увидел большой черный Land Cruiser, стоящий у распахнутой калитки. Недалеко от машины стоял Чарли, все в той же рваной майке и грязных джинсовых шортах, и, с любопытством, смотрел на нее. Заметив Мирона, он взмахом руки позвал его к себе.

— Привет. Слышал про твоего деда. Как он? — спросил Чарли. — Дед у тебя крепкий, все нормально будет, сто пудов. Ты видал? — он с ухмылкой кивнул в сторону крузака. — Вот это, я понимаю, автомобиль!

— Да, здоровый. Это чей? — спросил Мирон.

— Опять бандиты какие-то к бабке Софье приехали порчу снимать, наверно. — бросил Чарли. — Она колдунья на всю область известная, к ней кто только не ездит. А ты чего тут делаешь?

— Да к ней как раз и иду. Бабушка сказала нужно зайти, отблагодарить за то, что деду помогла.

— Смотри аккуратнее там. — тихо сказал Чарли, вплотную пододвинувшись к Мирону. — Ляпнешь чего не то, она тебя сглазит, будешь косо-кривой ходить.

— Ерунда это все. — раздраженно отмахнулся Мирон.

— Ну смотри, я тебя предупредил. — сказал Чарли и пошел вниз по улице, на ходу хлестая прутом растущие на обочине лопухи.

Мирон пошел к дому старухи. При свете дня, тот выглядел заброшенным и готовым в любую минуту обрушиться на голову тех, кому не посчастливилось находиться внутри. Звонка на двери не было. Замявшись, на секунду, Мирон робко постучал в дверь. Он услышал, как внутри заскрипели половицы и, через мгновение дверь открылась.

На пороге стояла старуха Софья, одетая в плотное черное платье с рукавами, с шерстяной шалью на плечах и плотно собранными в узел седыми волосами. Она смотрела на Мирона сверху вниз, и молчала. Ее тонкие бледные губы изогнулись в отталкивающую

ухмылку.

— Добрый день. — вежливо сказал Мирон. — Бабушка сказала вам нужна помощь с компьютером?

— Ты вовремя, юноша. — холодно сказала старуха. — Его как раз доставили. Входи. Она развернулась и ушла вглубь дома, оставив дверь открытой.

«Это все ерунда. Ерунда!» — повторял про себя Мирон не решаясь войти. Сделав над собой усилие, он переступил порог и оказался в узком темном коридоре с покрытыми тканью стенами. В коридоре были три двери. Одна справа от Мирона, толстая деревянная, без ручки, была плотно закрыта. Вторая слева, шла на кухню, заглянув в нее, Мирон увидел сидящего за столом крупного мужчину с кружкой чая в руке. Он был одет в строгий черный костюм и белую рубашку. Его лицо напоминало подмороженную тыкву, словно он давно злоупотребляет алкоголем. У него была короткая стрижка, большой в рытвинах красный нос и маленькие бегающие глазки. «Наверное, это его машина у дома.» — подумал Мирон. — «Может Чарли был прав, он похож на бандита».

Взглянув на Мирона, мужчина спросил:

— Комп собирать?

Мирон кивнул.

— Он в комнате. — мужчина кивнул в сторону третьей двери, которая была прямо по коридору, и сделал глоток из кружки.

Мирон подошел к двери, на которую указал ему похожий на бандита незнакомец. Войдя в нее, он оказался в большой темной комнате с лестницей на второй этаж справа от входа. На покрашенном коричневой краской, деревянном полу были разбросаны вязанные коврики. У стены стояли большие, старые, напольные часы с маятником, стрелки которых давно замерли. На стенах висело несколько полок, с выцветшими фотографиями в толстых рамках. Там же, на полках, стояли свечи и вазы с сухими цветами. Слева, Мирон увидел лежащую на полу кучу запечатанных коробок, в которых узнал комплектующие для компьютера.

— Приступай, не стесняйся. — сказала старуха, спускаясь с лестницы. — Я хотела позвать Соню, чтобы ты сразу научил ее пользоваться этим агрегатом, но ей не здоровиться. Она спустится позже.

— Это будет очень хороший компьютер. — сказал Мирон, указав на коробки.

— Для моей любимой внучки — только лучшее! — холодно улыбнулась старуха. — Это ей для учебы. Ты, наверное, слышал, что я обучаю ее на дому. Но она так быстро растет, моих знаний уже не хватает. Алгебра и физика, мне самой давались не легко, нам без репетитора не обойтись.

— Тогда вам нужен интернет — заметил Мирон. — А в деревне его нет ни у кого.

— Все тут. — сказал мужчина в костюме, войдя в комнату. Он указал Мирону на одну из коробок.

— Спутниковый? — удивился Мирон, прочитав надпись на коробке. — Это очень дорого.

— Не твоя проблема, — строго сказал мужчина. — Бабушка Софа, я погнал. Мне к вечеру нужно в городе быть. Спасибо за чай. Очень вкусный.

— Да, чай хороший. Соня сама травы собирала. — старуха улыбнулась, и в этой улыбке Мирон почувствовал теплоту, которой не замечал в старухе прежде. — Спасибо, Александр, что так быстро все привезли. Передайте Федору Степановичу, что я займусь его проблемой уже сегодня.

Мужчина в костюме неловко поклонился старухе и поспешил на выход. По его нервным движениям было видно, что он рад наконец покинуть этот странный дом.

— Федор Степанович — это ваш богатый клиент? — поинтересовался Мирон.

Старуха одарила его долгим оценивающим взглядом, от которого у Мирона по спине побежали мурашки.

— Любопытство — не та черта, которая красит мужчину. — надменно сказала она. — Приступай к работе.

Старуха присела на диван, стоящий напротив лестницы, и, скрестив ноги и сложив руки в замок на коленях, пристально смотрела на Мирона.

— А вы здесь будете, да? — пробубнил он. — Ладно.

Мирону было неудобно чувствовать на себе ее холодный взгляд. Но, начав распаковывать коробки с новыми комплектующими для компьютера, он так увлекся этим, что вскоре забыл о старухе у себя за спиной. Распаковав ярко оранжевый корпус, Мирон невольно улыбнулся, представляя, как нелепо он будет смотреться в этом темном доме. Ему пришлось долго возиться с проводами, в попытках уложить их как можно аккуратнее. Все-таки опыта сборки ПК у него было не много. Когда все было сделано, и крышка системного блока была установлена на место, Мирон обернулся к старухе, которая, казалось, не одним мускулом не пошевелила за все это время, и спросил:

— Куда ставить?

Старуха указала на большой письменный стол, стоящий в углу у задернутого плотными шторами окна. Мирон поставил системный блок под стол, сверху установил большой широкоформатный монитор, который один стоил больше, чем весь его компьютер, оставшийся в городе, и принялся за коробку со спутниковой антенной.

— Ее на крышу нужно ставить. — сказал он.

— На крышу можно попасть через окно на втором этаже. — сказала бабка Софья. — Поднимись, Соня тебе покажет.

— Еще инструменты нужны.

— Там должно быть все необходимое. — старуха указала на кучу пустых коробок, которые Мирон аккуратно составил у стены. Порывшись среди них, он нашел пакет, который не заметил раньше, с шуруповертом и плоскогубцами внутри.

С пакетом в одной руке и спутниковой антенной в другой, Мирон поднялся на второй этаж. Он думал, что старуха поднимется следом, но она осталась сидеть на диване.

Второй этаж оказался намного меньше первого. С лестницы Мирон попал на маленькую площадку, с которой можно было выйти на балкон, который прошлой ночью он принял за дворцовую башню. Напротив, была приоткрытая дверь, из которой падала яркая полоса солнечного света. Заглянув в нее, Мирон увидел маленькую, залитую светом спальню, с большой кроватью, которая занимала большую часть комнаты. На кровати, под несколькими слоями из одеял и пледов лежала Соня. Глаза ее были припухшими, а нос красным, длинные русые волосы были беспорядочно разбросаны по подушке.

— Привет. — тихо сказал Мирон. — Ты заболела?

Соня приподняла голову и прищурившись посмотрела на него.

— Привет. — сказала она низким дрожащим голосом. — Нет, просто переутомилась. Как твой дедушка?

— Нормально. Пока без сознания, но врачи говорят, что все будет хорошо.

— Я рада это слышать. Значит не зря вчера к тебе бегали.

Мирон решил не говорить Соне, что не верит во всю эту магию, и что благодарить, по его мнению, нужно врачей, а не безумную старуху.

— Я тут, компьютер тебе собрал. Бабушка Софа сказала, ты заниматься на нем будешь? — спросил он, войдя в комнату.

— Ну да, заниматься. — Соня, откинув одеяла в сторону села на кровати. Она была в той же ночной рубашке, в которой выбегала вчера встречать Мирона.

— Мне на крышу нужно как-то попасть. — сказал Мирон, показав Соне спутниковую антенну.

Соня встала с кровати и подойдя к окну открыла его.

— Лезь. Там к углу дома лестница приколочена, по ней забирайся.

Когда Мирон подошел к ней, он не почувствовал запах земляники, который уже плотно ассоциировался у него с Соней, это показалось ему странным, и встревожило его. Он, неловко перелез через подоконник и оказался на крыше первого этажа, покрытой, поросшим мхом шифером.

— Смотри не навернись.

— Угу.

На углу дома, как и сказала Соня, была приколочена лестница. Она выглядела сгнившей и ненадежной, как и весь остальной дом. Зажав пакет с инструментами в зубах, Мирон стал аккуратная подниматься по ней. Когда Мирон поставил ногу на третью ступеньку, та с громким треском надломилась под ним. Он больно ушиб колено, но смог удержаться на лестнице. Переведя дух, Мирон продолжил подъем. Взобравшись на крышу, Мирон, используя компас, который был в комплекте с антенной, и следуя инструкциям, быстро прикрутил спутниковую тарелку. Он хотел как можно быстрее слезть с этой крыши и уйти из этого странного дома. Сбросив вниз кабель, который он собирался протянуть в дом через окно на первом этаже, он начал спускаться. Из-за сломанной ступеньки на лестнице, он никак не мог нащупать ногой на что опереться, а смотреть вниз ему было страшно, поэтому он просто спрыгнул с лестницы. Шифер под его кроссовками треснул, но Мирона это не волновало. Дом находился в таком плачевной состоянии, что еще одну маленькую протечку никто бы и не заметил.

— Готово. — сказал Мирон, забравшись через окно в комнату Сони. — Пошли, проверим будет работать или нет.

Соня, успевшая, за время пока Мирон был на крыше, переодеться в широкую зеленую футболку и джинсы, и собрать волосы в хвост, первой пошла вниз.

— Блин, — сказал Мирон, спустившись следом. — Я рано тебя позвал. Еще винду устанавливать. Это где-то полчаса.

— Ничего. — ответила Соня. — Бабушка, сделаешь нам чай?

Мирон посмотрел на старуху, которая с недовольным видом, начала подниматься с дивана.

— Конечно. — сухо сказала она. — Юноша, ты там ничего не сломал? Я слышала треск.

Мирон отрицательно замотал головой.

Старуха строго посмотрела на него и ушла на кухню.

Когда на экране монитора появилась окно с установкой, и оставалось только ждать, Мирон посмотрел на Соню и спросил:

— Ты умеешь пользоваться компьютером?

— Умею, — ответила она с грустной улыбкой. — У меня был ноутбук, когда я жила с

родителями.

— А давно ты здесь, в деревне?

— Уже два года. Тут хорошо, но одиноко, без друзей.

— А почему ты ни с кем не общаешься? Ты, вроде, прикольная, не думаю, что тебе сложно подружиться с кем-нибудь.

— Я дружила с Машей. Пока она... — Соня тяжело вздохнула. — Пока с ней не случилось то, что случилось.

Она надолго замолчала.

— Знаешь, я тут всего пару дней, но кажется Настя и Вероника отличные девчонки. — сказал Мирон. — Уверен, они с радостью возьмут тебя в свою компанию.

— Они боятся моей бабушки, как все и остальные, — сказала Соня. — Хотя, ты мог бы мне помочь подружиться с ними.

— Легко. — ответил Мирон, а сам подумал, что Насте это не понравится. Но если она узнает Соню получше, может перестанет воспринимать ее как соперницу.

— Вы когда встречаетесь? — воодушевленно спросила Соня.

— Завтра, — ляпнул Мирон, и тут же пожалел об этом. — Но завтра я не могу тебя взять с собой, прости.

— Понятно, — обиженно сказала Соня и уставилась в монитор компьютера.

— Да нет же, — начал Мирон. Он пододвинулся к ней и прошептал. — Завтра мы убийцу Маши искать идем. Никого скорее всего не найдем, но брать тебя с собой, было бы безответственно.

— Я хочу! — взволнованно сказала Соня.

— Нет. — строго сказал Мирон.

— Я же только что сказала, что Маша была моей подругой. Неужели ты не понимаешь, как это для меня важно!

Мирону показалась, что Соня готова заплакать. «Интересно, что сделает старуха, когда вернется с чаем и увидит плачущую внучку» — подумал он.

— Ладно. — нехотя сказал он. — Но, если что случится, сама будешь виновата. И бабке своей ни слова.

Соня, улыбаясь, изобразила как застегивает свой рот на замок.

Они договорились о месте и времени завтрашней встречи и замолчали, как раз тогда, когда старуха вошла в комнату с двумя кружками чая в руках.

Чай был выпит, операционная система установлена, интернет работал медленно, но стабильно. Мирону больше нечего было здесь делать, и он засобирился уходить.

— Я сообщу Полине, если мне еще понадобится твоя помощь, юноша. — сказала старуха вместо «спасибо».

— Ясно. — пробурчал Мирон. — Кстати, если вам интересно, дед все еще без сознания в больнице.

— Я знаю это. — недовольно ответила бабка Софья. — Он очнется послезавтра.

Мирон недоверчиво посмотрел на нее.

— Понятно, — сказал он. — Ладно, до свидания, спасибо за чай, очень вкусный.

— Я провожу тебя — сказал Соня и они вместе пошли к выходу.

На крыльце Мирон задержался и сказал Соне:

— Ты уверена? Там, ведь, и правда может быть опасно.

— Уверена, — ответила Соня. — Я собаку с собой возьму. Ты видел, она сможет нас

защитить, если что.

Мирон кивнул.

По дороге домой он вспомнил, что обещал бабушке позвонить отцу. Они не разговаривали с того дня, когда Валерий оставил Мирона в деревне. Мирон не знал, хочет ли он говорить с отцом, и испытал облегчение, когда женский механический голос в трубке сказал, что абонент временно недоступен.

«Считаю, что я позвонил» — подумал он.

Сегодня был тяжелый день.

Завтрашний тоже должен был быть не простым.

Настя проклинала себя за то, что поддавалась на уговоры Вероники заняться бегом. К ее вспотевшему лбу прилип непослушный локон волос, который она безуспешно пыталась сдуть. От этого у нее сбилось дыхание и закололо в боку.

— Все, я больше не могу, — пропыхтела она и, уперев руки в бедра, перешла на шаг.

— Ты чего? Мы же только начали! — весело сказала Вероника.

Настя ненавидела её в этот момент. Она смотрела на спину своей, убегающей вперед, подруги и ей хотелось кинуть в нее чего-нибудь тяжелое. Вероника была всеобщей любимицей. Она принимала участие во всех конкурсах и олимпиадах, выступала на деревенских праздниках с песнями и танцами, участвовала в лыжных гонках на областных соревнованиях и, при всем при этом, была просто неприлично красивой. Настю же, все считали брюзгой и смеялись над ее широкими бедрами. Все кроме Мирона. Настя тепле улыbnулась, подумав о нем.

— Не стой, походи. — бросила ей Вероника. Она успела оббежать вокруг школы, пока Настя пыталась отдышаться и унять боль в боку.

— Отстань! — крикнула ей Настя. Она легла на траву, положив руки под голову. — Все, меня нет! Я умерла.

— Нельзя так говорить, — серьезно сказала Вероника, наклонившись над ней. — Тем более сегодня.

Вероника, быстрым шагом, активно работая руками, стала наматывать круги вокруг лежащей на траве Насти.

— Если сегодня мы встретим убийцу, ты как от него убежать будешь? Нужно тренироваться, — с увлеченностью, которую легко было принять за одержимость, сказала Вероника.

— Тренироваться нужно было месяц назад начинать. — отмахнулась Настя. — Если я еще хоть круг пробегу, у меня все будет так болеть, что я вообще никуда не пойду!

Вероника остановилась.

— Может ты и права. — задумчиво сказала она, и села в траву рядом с Настей.

— Наконец-то! — выдохнула Настя. Она перевернулась на живот и, ткнула Веронику в бедро. — Скажи, лучше, как тебе Мирон? Он вчера так расстроился, когда я ему сказала, что не пойду с ним вечером гулять, ты бы видела. Я перед сном это вспоминала, и мне так сладко спалось. Хотя, может это от того, что мама загоняла меня. Заставила кафель на кухне отмывать.

— Не, это точно из-за Мирона. Мать, тебя всегда гоняет, — сказала Вероника.

— Ну, хороший, да? — не унималась Настя.

— Хороший.

— И красивый!

— Красивый.

— Не то, что твой Олег.

— Эй! — Вероника стукнула подругу по плечу. — Мой Олег лучше всех на свете! Понятно?

Настя рассмеялась и встала на ноги.

— Я пошла. — сказала она. — Хочу бутербродов наделать в дорогу.

— И купальник возьми. — посоветовала Вероника. — Позагораем потом.

— Думаешь успеем? — спросила Настя.

— Конечно. Там делов-то, на полчаса. — беззаботно ответила Вероника.

Настя чувствовала себя как никогда уверенно. Она надела самые узкие джинсы, в которые смогла влезть. Обтягивающая черная футболка подчеркивала ее узкую талию, а рюкзак за спиной и собранные в хвост черные волосы отлично дополняли ее образ искательницы приключений.

Бодрым, пружинящим шагом, она шла к старой, заброшенной церкви, где должна была встретиться с ребятами. Было тепло и солнечно. Над одуванчиками, растущими вдоль дороги, кружились пчелы и порхали бабочки. В высохшей луже, зарывшись носами в грязь, валялись поросята под присмотром мамы-свиньи. Рядом бегала дворняга, которой хотелось поиграть с поросятами и погонять их по округе, но залезть лапами в грязь она не решалась и лишь, робко, облаивала их с почтительного расстояния.

Подойдя к церкви, Настя увидела Мирона. Он стоял перед высокой рассохшейся деревянной дверью, и ковырял ржавый, навесной замок, на который та была заперта.

— Я же говорила — туда не попасть, — крикнула ему Настя. — Привет. Как дед?

— Все еще без сознания. — ответил Мирон, оставив попытки вскрыть замок.

— С той стороны окна тоже заколочены. — услышала Настя голос Сони, которая вышла из-за угла церкви.

Настя в недоумении посмотрела на девушку, которую никак не ожидала увидеть сегодня.

«Что происходит?» — нервно думала она. — «Почему Соня здесь? Ее Мирон позвал? Что происходит?»

— Привет. — сказала ей Соня, скромно улыбаясь.

Настя взяла, подошедшего к ней Мирона за локоть и отвела в сторону.

— Она почему здесь? — строго спросила Настя.

— Хочет с вами подружиться. — сказал Мирон. — Вчера, напросилась, я не мог отказать ей. Она дружила с Машей...

Настя задумалась. Ей хотелось, попросить Мирона чтобы тот отправил Соню домой, или прогнать ее самой если он откажется. Она не понимала их отношений. «Если ему нравлюсь я, то почему он привел ее?» — размышляла Настя. — «Если ему нравится она, то почему он предлагает встречаться мне? Не может же быть, что он настолько жесток, что просто издевается надо мной?»

— Неси. — грубо сказала она Мирону, протянув ему рюкзак.

— Опять тяжеленный. В этот- то раз, в нем что? — спросил он.

— Бутерброды и вода. Привет, Соня. Ты с нами хочешь пойти? Тебе Мирон рассказал, что мы собираемся делать?

Соня кивнула.

— Это может быть опасно. Ты не боишься? Может, передумаешь? — спросила Настя с нескрываемой надеждой в голосе.

— Нет. — твердо ответила Соня. — Моя собака нас защитит.

Услышав, что о ней говорят, собака выбежала из кустов и начала тереться о Сонину ногу, высунув длинный красный язык. Она была такой большой и тяжелой, что девушке пришлось приложить усилие, чтобы устоять на ногах.

Подошли Олег с Вероникой. Вероника поздоровалась с Соней, и вопросительно посмотрела на Настю.

«Что она здесь делает?» — будто бы спрашивала она.

— Соня решила помочь нам в поисках Хромова старшего. — сказала Настя. — И собака тоже будет помогать.

Вероника подбежала поближе к подруге и зашептала ей на ухо:

— Тебя не смущает, что Мирон ее привел? Ты, как? Держишься? Если хочешь я буду с ней построже, чтобы она понимала, что ей не рады. Я на твоей стороне, подруга.

— Спасибо, — сказала Настя.

Олег, в это время, подошел к собаке, и присел рядом с ней на корточки.

— Кавказская? — спросил он Соню. — Красотка! Иди сюда.

Он притянул собаку к себе и стал чесать ей бока, отчего та начала бить задней лапой по воздуху.

— Вероника, подойди, погладь. — позвал он.

Настя посмотрела на Веронику. Та стояла в нерешительности, глядя на то, как ее парень играет с огромной лохматой зверюгой. Настя увидела, как глаза подруги наливаются умилением и поняла, что долго Вероника терпеть не сможет.

— Да иди, уже, — сказала она. — Гладь.

Вероника, тут же сорвалась с места и приземлившись на колени перед собакой, крепко обняла ее за шею.

— Кто здесь хорошая девочка? Кто здесь такая красавица? — засюсюкала Вероника. — Такая ты гигантская! Будешь нас охранять? Да?

Настя тяжело вздохнула, глядя на все это безобразие.

— Идем, — громко сказала она. — Хватит дурака валять.

Они медленно пошли в сторону ржавого поля, растянувшись на всю ширину дороги. Соня с Мироном шли рядом и о чем-то увлеченно разговаривали. Насте это не понравилось, и она, подойдя к ним поближе, обратилась к Соне:

— Мирон сказал, что ты дружила с Машей?

— Да, — грустно сказала Соня. — Она часто приходила к бабушке, и была так добра ко мне. А я чувствовала себя такой одинокой, когда приехала сюда. Маша была замечательной. Я очень скучаю по ней.

Соня замолчала. Она шла, опустив голову, погруженная в воспоминания о погибшей подруге. Насте стало жаль ее, но увидев, как Мирон, заботливо положил руку на плечо Сони, она прогнала это чувство. Крепко сжав зубы, она ускорила шаг и обогнала ребят.

— Ты куда торопишься? — спросил Мирон.

— Не отставайте, хлюпики! — прокричала Настя. — Пока мы тут плетемся, все убийцы разбегутся!

Когда Настя вышла на ржавое поле, оставив ребят далеко у себя за спиной, она снова почувствовала боль в левом боку. Она оперлась спиной о перевернутый на бок ржавый автобус и, приложив руку к больному месту, тяжело дышала. «Узкие джинсы, были плохой идеей», — подумала она.

Через минуту на поле вышел Мирон, а за ним и все остальные.

— Сколько можно вас ждать! — недовольно сказала Настя.

— Прости, — сказал Мирон. — Рюкзак у тебя очень тяжелый, с ним не побегаешь.

Он подошел к Насте и протянул ей руку.

— Пойдем вместе?

Настя, с благодарностью, взяла его за руку. «Он хочет показать, что я его девушка», — решила она. Они пропустили ребят вперед, и когда те отошли достаточно далеко, Настя сказала:

— Я тебя приревновала, чуть-чуть.

— Чуть-чуть? — усмехнулся Мирон.

— Ну, может, больше, чем чуть-чуть, — смутилась Настя.

— Тебе не стоит переживать, — сказал Мирон, приобняв ее за плечи. — Я просто не мог отказать Соне, когда она попросила помочь подружиться с тобой. Я же знаю какая ты классная.

Настя покраснела.

Они вошли в лес, вслед за ребятами, и пошли к бункеру по знакомой тропе, петляющей между соснами. Несмотря на то, что никто из ребят до конца не верил, что они кого-то встретят, шли медленно, напряженно вслушиваясь в каждый шорох.

Собака первой выбежала на поляну и начала оббегать ее по кругу. Ребята столпились у входа в бункер, Олег достал фонарик и осветил им в приоткрытую дверь.

— Ничего не видно. — сказал он. — Ну что, кто первый?

Все в нерешительности переминались с ноги на ногу.

Обнюхав всю поляну, собака вернулась к своей хозяйке. Её внимание привлек высохший цветок торчащий неподалеку. Она ткнулась в него носом и звонко чихнула. От неожиданного, громкого звука все подскочили на месте.

— Так, что-то мы все на нервах, — сказал Мирон. — Если еще немного тут постоим, вообще туда не зайдём.

Он включил фонарик на своем смартфоне и подошел к двери. Проем был совсем узкий, и ему пришлось снять рюкзак чтобы протиснуться внутрь.

— Я вообще, похоже не пролезу, — сказал Олег. — Мирон, подтолкни изнутри, а я тянуть буду. Нужно пошире дверь открыть.

Он взялся за ручку двери и, упершись ногой в бетонный косяк, укрепленный стальной полосой, потянул дверь на себя. С громким скрипом, который поднял в воздух птиц, что сидели на ветках ближайших деревьев, дверь начала открываться.

— Другое дело. — сказал Олег, когда проем стал достаточно широким, чтобы он мог в него пролезть.

Вслед за Олегом в дверь прошла Вероника, положив руку ему на плечо.

— Мирон! — крикнула Настя в темноту бункера. — Далекo не уходи, у меня фонарь в рюкзаке.

Она вошла в бункер.

Перед ней был темный бетонный коридор. В нем было холодно и пахло сыростью. Настя видела свет фонариков в руках у ребят, которые успели отойти от входа на несколько метров. Свет от проема за ее спиной потускнел, обернувшись она увидела Соню, которая, стоя в проходе пыталась уговорить собаку зайти с ней.

— Не идет, — сказала Соня.

— Оставь ее. — сказала Настя и эхо от ее слов разлетелось по темному коридору, отражаясь от стен.

— Сторожи! — строгим голосом приказала Соня собаке и вошла в бункер.

Обернувшись, Настя не увидела ничего кроме темного, пустого коридора. Ребята не

стали их ждать и ушли далеко вперед.

— У меня есть фонарь, — сказала Соня. — Возьми меня за руку, чтобы не так страшно было.

— Да я и не боюсь! — фыркнула Настя. — Пошли так. Иди вперед, я за тобой.

Они медленно пошли вперед, нервно вглядываясь в темноту бункера. Небольшой кусок бетона отвалился от стены и, с глухим стуком упал Насте под ноги. Настя, вскрикнув схватилась за Соню, и прижалась к ней всем телом.

— Если хочешь, можем вернуться, — осторожно предложила Соня.

— Нет. Пойдем, — взяв ее за руку, ответила Настя. Соня, ласково улыбнулась ей и аккуратно пошла дальше.

Пройдя около двадцати метров, девушки увидели, что коридор раздваивается. Они замерли перед двумя, абсолютно одинаковыми темными тоннелями, не в силах решить по какому из них двигаться дальше.

— Пошли на лево, — сказала Настя. — Парни, сто процентов, пошли туда. — добавила она с грустным смешком.

— Не знаю, — засомневалась Соня. — Я оттуда ничего не чувствую.

— А с права чувствуешь?

Соня покачала головой.

— Ну так и какая разница тогда? Пошли, — она легонько подтолкнула Соню вперед.

Девушки прошли по тоннелю несколько метров и увидели, что дальше проход завален. Потолок обрушился и перегородил тоннель. Соня с упреком взглянула на Настю.

— Я же говорила. — сказала она.

— Ага. Ты прям провидица, из двух вариантов смогла угадать верный. МАГИЯ! — закривлялась Настя.

— Ладно, пошли назад. — сказала Соня, отпустив Настину руку.

— Ты чего, обиделась что ли? Ну прости. Давай руку назад, мне страшно.

— Ты же говорила, что не боишься! — съязвила Соня.

— Соврала. Вот такая я. Привыкнешь еще. — пробурчала Настя, вновь схватив Соню за руку.

Они вернулись к развилке и пошли в другой тоннель. Здесь, глубоко в бункере, было очень холодно и пыльно. Настя присмотрелась к бетонному полу и увидела следы ребят в толстом слое пыли, которые прошли тут незадолго до них. Она указала на них Соне, и с грустью сказала:

— Вот такие мы с тобой сыщики. Сразу не догадались под ноги посмотреть.

Девушки рассмеялись. Их смех громким эхом разнесся по бункеру.

— Настя! Соня! — услышали они крик Вероники. — Идите скорее, мы вас потеряли!

Девушки ускорили шаг и вскоре дошли до места где тоннель уходил вниз длинной лестницей с укрепленными стальными пластинами ступеньками. Спустившись, они увидели свет фонариков впереди.

— Мирон! — зло сказал Настя. — Я же просила подождать! У тебя мой фонарик!

— Я же кричал, что оставил рюкзак на входе? — удивленно ответил он. — Ты не слышала?

— Не слышала! — передразнила его Настя. — Сходишь со мной за ним?

— Долго. Света и так хватит. Ты только не отходи от меня далеко, хорошо?

— Вы чего так долго? — спросила Вероника.

— Мы не в ту сторону пошли сначала, — с упреком глядя на Настю сказала Соня.

— А мы тоже, — махнула рукой Вероника. — Но я даже зайти в тот тоннель не успела парни уже вернулись, наткнувшись на завал.

Настя, с торжествующим видом, расправила плечи и посмотрела на Соню.

— Нашли что-нибудь? — спросила она ребят.

— Там еще одна дверь. — сказал Мирон. — Олег смотрит как ее открыть. И есть еще кое-что.

— Что? — хором спросили девушки.

— Лучше сами посмотрите.

Мирон отошел в сторону пропуская девчонок вперед. Они обошли его и увидели Олега, который с сосредоточенным видом изучал стальную дверь, очень похожую на ту через которую они вошли в бункер. Справа внизу, сквозь узкую, еле заметную щель, росло незнакомое девушкам растение, отдаленно напоминающее то ли мох, то ли лишайник.

— Вы про этот кустик, что ли? — разочарованно спросила Настя.

— Олег выключи фонарь. — сказал Мирон, и сам выключил фонарик на своем телефоне.

Когда Соня, последовала примеру парней, и они остались в полной темноте, Настя увидела еле заметное, голубое свечение, исходящее от странного растения. Чем дальше она смотрела на него, тем ярче он ей казался. Она даже смогла разглядеть, подсвеченные кустом, пылинки, которые парили в воздухе вокруг него.

— Что это? — испуганно спросила Настя.

— Радиация! — изобразив зловещий голос ответил Олег. Он включил фонарик и подставил его к подбородку, отчего его голова, казалось, парит над полом.

— Дурак? — поинтересовалась у него Настя. — Ты что не видишь, что нам страшно? Давай потом пугать нас...

Её прервал громкий лай собаки снаружи, сменившийся душераздирающим воем. Соня, вздрогнув посмотрела в сторону входа, и не задерживаясь ни на секунду побежала на вой своей собаки. Мирон бросился за ней. Настя, то ли приняв совет Мирона держаться к нему поближе слишком серьезно, то ли от растерянности, побежала следом. Она взбежала по лестнице и оказалась в полной темноте.

— Мирон! — кричала она. — Подожди!

Ничего не видя вокруг себя, она бежала так быстро как могла. Вдруг она почувствовала как что-то с чудовищной силой ударило ее прямо в лоб. Настя упала на пыльный, бетонный пол бункера, больно стукнувшись о него затылком. Она дотронулась до лба и невольно вскрикнула, когда попала пальцем на быстро растущую шишку, которая отозвалась на ее неосторожное прикосновение яркой вспышкой боли. Встав на корточки, она попыталась подняться, но голова сильно кружилась, и она снова упала на пол. У нее перед глазами расплывались яркие, разноцветные круги, похожие на растекшийся по воде бензин.

Вероника наклонилась над ней и взяла под руку. С другой стороны, Настю подхватил Олег, и они быстро понесли ее к выходу. Настя хотела помочь друзьям и пыталась перебирать ногами, но только замедляла их.

Когда Настю вынесли на воздух, она увидела Мирона и Соню, которые удерживали собаку, рвущуюся из их рук. Собака оскалила клыки и истошно лаяла в сторону леса. Ее пасть была вымазана кровью, которая взбилась в темно-красную пену, стекающую на руки Мирону.

— Что случилось? — растерянно спросила Настя, но ее никто не услышал.

Олег посадил ее возле бункера и пошел помогать успокаивать собаку. Вероника достала бутылку из рюкзака, что лежал в траве у входа в бункер и, смочив водой ладонь, умыла Насте лицо.

— Как ты? — заботливо спросила Вероника. — На, попей.

Она подставила горлышко к Настиным губам и помогла сделать ей пару глотков. В голове у Насти сразу же прояснилось. Но, вместе с ясностью сознания, она почувствовала сильнейшую головную боль, которую до этого не замечала из-за волнения и страха.

— Что случилось? — повторила она громче.

Ребятам наконец удалось успокоить собаку, и на поляне посреди леса повисла зловещая тишина.

— Что случилось? — прокричала Настя, злая, что никто не обращает на нее внимания.

— Мы не видели. — ответил Мирон. — Когда вышли она уже была с кровью на пасти, и убежала бы в лес если бы мы ее не схватили.

— На нее кто-то напал. — уверенно сказала Соня. — Она сама бы не стала никого кусать.

— Что это? — задумчиво произнес Олег, глядя куда-то себе под ноги. Он наклонился и поднял маленький кусок окровавленной ткани. Рассмотрев его получше, он смог разглядеть на нем несколько белых цифр. — Ребят, я знаю, что это. Это тюремная роба.

Сланцев был участковым на три поселения. Территория, которую ему вверили для охраны порядка, занимала более пятисот квадратных километров. Он, еще в первую рабочую неделю, понял, что исполнять свой долг так, как ему подсказывала совесть, на таких масштабах совершенно невозможно. Поэтому совесть была отправлена им в отставку, за профнепригодность.

— Сколько можно терпеть? — вопрошала, сидящая перед Сланцевым, женщина лет сорока. — Каждую ночь, идут и идут! И трезвонят, воротами хлопают! У меня дети маленькие, понимаете? Я боюсь их на улицу выпускать, с такими соседями!

Женщину звали Вера Павловна. Она приехала к Сланцеву из другой деревни, чтобы, в очередной раз, пожаловаться на своих соседей, торгующих паленой водкой. Около их дома, каждый вечер собирались опустившиеся личности, и распивали контрафактный алкоголь, часто устраивая пьяные драки.

— Я штрафовал их на прошлой неделе. — устало сказал Сланцев. — В следующем месяце приходите. Еще раз оштрафую.

— Да что им эти штрафы? — возмущалась Вера Павловна. — Заплатят, на денек затихнут, и по новой. Сажать их нужно! Сажать!

— Законом не предусмотрено. — отмахнулся Сланцев. — Я же вам уже сотню раз все объяснял. И не лень вам, мотаться в такую даль?

Выслушав все, что Вера Павловна думает о законах и о Сланцеве лично, он проводил ее к выходу. Поставив чайник, он вернулся за свой рабочий стол, и достал из нижнего ящика завернутый в газету бутерброд.

Чайник еще не успел закипеть, когда дверь в кабинет Сланцева распахнулась и на пороге показалась толпа запыхавшихся подростков.

— Там в лесу... — шумно втягивая воздух в легкие начал говорить лохматый парень, в котором Сланцев узнал внука Егора Савицкого, того, что треснулся головой и попал в больницу несколько дней назад.

— Вы почему без стука? — строго спросил Сланцев, не выпуская бутерброда из рук. — По какому вопросу?

— Там в лесу, — начал снова лохматый парень. — Хромов. Убийца, сбежавший.

Сланцев чуть не подпрыгнул на стуле от неожиданности. Он быстро отложил бутерброд и предложил подросткам войти в кабинет и запереть дверь.

— Рассказывайте! — приказал он.

Ребята, перебивая друг друга, начали рассказывать Сланцеву о бункере, и о том, как нашли кусок тюремной робы.

— Где он? Давайте сюда! — сказал Сланцев.

Олег протянул участковому клочок окровавленной ткани.

— И правда на робу похоже... — задумчиво сказал Сланцев повертев ткань в руках. — А что вы делали в том бункере, то? Ладно ты, лохмач, недавно здесь, но остальные то? Вам никто не говорил, что опасно там шататься? Мало ли что после военных могло остаться. Подорвались бы на гранате какой, или еще чего.

— Мы там Серегу видели, пару дней назад. Хромова. — сказал Олег. — Подумали, может он с отцом на встречу ходил.

— Хм. Резонно, — сказал Сланцев. Он в задумчивости постучал пальцами по столу. — Давайте-ка навестим его.

— Что, прямо сейчас? — удивилась Вероника.

— А чего тянуть?

— А мы вам зачем нужны? Он нас потом прирежет, за то, что мы настучали на него. — слабым взволнованным голосом сказала Настя. Головокружение от удара головой в бункере, так и не прошло, и теперь ее начинало подташнивать.

— Глупости. — ответил Сланцев. — Но ты можешь остаться, если испугалась. Девчонки, вы вообще домой идите, парней хватит.

— Нет! — хором закричали девушки. — Мы с вами!

— Ладно. Тогда идите, подождите меня на крыльце. — сказал Сланцев. Когда дверь за ребятами закрылась, он подошел к сейфу, достал из него табельный пистолет и сунул его за пазуху. На глаза ему попался, оставленный на столе, бутерброд. «Пять минут у меня есть», — подумал Сланцев, и откусил от бутерброда большой кусок.

Мирон стоял на крыльце дома культуры, в котором находился участковый пункт, и смотрел, как Соня, у колонки напротив, отмывает собаку от засохшей крови. Его руки дрожали от нервов и страха, и он спрятал их в карманы джинсов, чтобы друзья не заметили.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Мирон у Насти, которая сидела на ступеньках перед ним.

— Плохо. — ответила она.

— Тебе нужно в больницу. — ласково поглаживая Настину голову сказала Вероника. — У тебя может быть сотрясение.

— У меня, совершенно точно — сотрясение. — ответила Настя. — Но сначала я хочу посмотреть, что скажет Сергей.

— Я вызываю скорую помощь. Нужно, чтобы тебя врач посмотрел, — настойчиво сказал Мирон.

— Не смей! — со страхом в голосе, громко сказала Настя. — Меня мать на месяц дома запрет, если узнает.

— Сотрясение — это очень серьезно. Тебя должен осмотреть врач.

— Мне уже лучше. Правда! — Настя с мольбой в глазах смотрела на Мирона.

— Хорошо. — сказал Мирон. Он спустился с крыльца и, носком кроссовка, прочертил на земле линию длиной в три метра. — Если сможешь пройти по ней, я не буду никуда звонить.

Настя медленно поднялась на ноги и неуверенно подошла к краю линии.

— Что-то у тебя совсем криво получилось. — сказала она Мирону.

— Ничего, так тебе сложнее будет, а значит тест точнее получится.

Настя поставила ногу на черту и, сильно покачиваясь, пошла по ней, переставляя ступни пяткой к носку.

— Вот! — закончив, сказала она. — Видишь? Никуда звонить не нужно.

— Как же?! — рассердился Мирон. — Тебя качает, словно ты бутылку водки выпила и пивом запивала. Я звоню!

— Нет! — Настя подошла к Мирону и вырвала телефон у него из рук. — Меня бы не качало, если бы ты не бросил меня там, и не побежал спасать свою Соню! Опять! — зло сказала она.

Усердно работая челюстями, на крыльцо вышел сержант Сланцев.

— Собрались! — громко сказал он. — От меня не отходить, рот без моего разрешения не открывать. Ясно? Тогда выдвигаемся.

Процессия двинулась к дому Хромовых. Первым шел участковый, Вероника с Олегом прямо за ним. Чуть поодаль шла Соня со своей собакой, а в самом конце, Настя с Мироном. Мирон обеспокоенно посматривал на Настю, боясь, что та может в любой момент упасть. Он попытался взять Настю за руку, но она оттолкнула его ладонь.

Когда Олег с Вероникой замедлили шаг и стали понемногу отставать от сержанта, Мирон понял, что дом Хромовых близко. Вскоре сержант свернул с обочины и пошел в сторону большого дома, сложенного из бруса, с пластиковыми окнами и красной металлочерепицей на крыше. С одного края крыша накрывала собой двор и переходила на большой гараж с железными воротами. Палисадник перед домом был огорожен забором из сетки рабицы, выкрашенной в зеленый цвет. Под окнами росли пышные кусты сирени и крыжовник.

— Рот без моего приказа не открывать. — напомнил участковый и постучал в большую железную дверь, перекрывающую проход во двор.

— Нормально убийцы живут, — шепнул Мирон Насте.

— Единственная семья в деревне, у которой деньги есть. — ответила Настя. — Они даже на Алтай отдыхать ездили пару раз. И на море, вроде бы, собирались, как раз перед тем, как Хромова посадили.

— У Сониной старухи тоже деньги есть. — возразил Мирон. — Я ей компьютер собирал, который как половина этого дома стоит.

Соня обернулась и с упреком посмотрела на него. «Прости» — беззвучно сказал он ей, выставив перед собой руки ладонями вперед.

Дверь во двор приоткрылась, и из нее выглянула симпатичная женщина средних лет. У нее были высокие скулы и острый подбородок, длинные черные волосы были собраны в толстую косу, которая доставала ей до пояса.

— Привет Степан! Какими судьбами? — игриво спросила она участкового, приятным, тонким голосом.

— Привет Марина. Сына позови. Вопрос к нему есть. — деловым тоном ответил ей Сланцев.

— Так я тебя к сыну своему и пустила, как же. Вопрос свой, мне сначала задавай. — сказала она строго.

— Так не пойдет. Он у тебя несовершеннолетний, и ты, конечно, можешь присутствовать, но поговорить мне с ним все равно придется. — мягко сказал участковый. — Позови Сергея.

— Вопрос у тебя какой?

— Марина, если будешь упираться, вызову по повестке! — рассердился полицейский.

— По какой повестке? Не смей меня! Ты кем себя возомнил Степа? Следователем? Я за последний год, спасибо уроду мужу моему, натаскалась с вашими разговаривать. Не хочешь со мной разговаривать? Иди отсюда тогда. И шпану свою с собой забирай, пока весь газон мне не вытоптали. Тимур и его команда, блин.

— Мам! — громко сказал Сергей из-за спины Марины. — Все хорошо. Я поговорю с ними. Иди в дом, пожалуйста.

Марина еще мгновение злобно смотрела прямо в глаза участковому, но все-таки

поддалась на уговоры сына и ушла в дом.

Сергей вышел на улицу и закрыв за собой дверь во двор, жестом пригласил участкового, отойти, для разговора, от дома. Он внимательно посмотрел на каждого из ребят, задержав взгляд на Соне.

— Привет всем! — сказал он. — Чего хотели?

— Отца твоего нашли. — сказал Мирон.

— Цыц! — прикрикнул на него сержант Сланцев.

Глаза Сергея беспокойно забегали.

— Это правда? — спросил он участкового с дрожью в голосе.

— Не нашли. Но найдем. Эти детки, — участковый указал на ребят, которые столпились у него за спиной. — Видели, как ты по лесу шатался. А потом на том месте на их собаку кто-то напал, и оставил в ее пасти это. — он показал клочок окровавленной робы Сергеем. — Узнаешь?

Сергей отрицательно замотал головой.

— Это кусок тюремной робы. — пояснил Сланцев. — Сергей, по-хорошему прошу, ответь — виделся с отцом? Он на связь выходил с тобой?

— Нет.

— Не ври мне.

— Не вру. Не видел его, и не слышал от него ничего. — сказал Сергей.

— Последний шанс тебе даю. Говори, где Володька?!

— Не знаю я! — настаивал на своем Сергей.

— Смотри, — угрожающе произнес Сланцев. — Сегодня же отrapортую в город про эту находку, — он потряс клочком робы перед носом Сергея, — И уже завтра, здесь будет рота солдат, с автоматами, болота прочесывать. Они его арестовывать не будут. Пристрелят и все! Правду скажи, спаси отца!

Сергей подошел к участковому в плотную, так что они чуть не стукнулись лбами, и медленно, четко выговаривая каждое слово произнес:

— Я. НЕ. ЗНАЮ. ГДЕ. ОН. Понятно?

— Да не страдай ты херней! — сорвался Сланцев.

Тут на улицу выбежала Марина и схватив Сергея за руку потянула его в дом.

— Он все сказал, Степа! — крикнула она. — Проваливай!

Дверь во двор, с противным, металлическим звоном, закрылась за Хромовыми. Участковый, в расстройстве, плюнул себе под ноги и пошел в сторону дома культуры. Ребята, переглянувшись, засеменили за ним.

— Так, для чего мы-то вам нужны были?! — раздосадовано, спросила Настя.

— А мне откуда знать? — огрызнулся Сланцев. — Не слышала, что ли, я не следователь.

— Так и знала! — ворчала Настя. — Так и знала, что ничего хорошего не выйдет. Ходи теперь, оглядывайся, высматривай этого Серегу, чтобы он тебя не придушил.

— Все нормально будет. — спокойно сказал Олег. — Не нужно оглядываться. Если Сергей говорит, что про отца не знает ничего, я ему верю.

Настя посмотрела на Мирона, недовольно скривив лицо, давая ему понять, как она относится к наивности Олега.

— А все-таки, Степан, простите, не знаю как вас по отчеству, что делать будем? — спросила сержанта Соня.

Участковый резко остановился, так, что Соня не успела среагировать и врезалась в него.

— Что делать? — повторил он задумчиво. — Что мы будем делать?

— Солдат будете вызывать? — спросила Вероника.

— Ага, как же. Никого к нам не пришлют. — раздраженно ответил Сланцев.

— Почему? — хором спросили ребята.

— Потому! Сам буду ловить. Вероника, скажи отцу, чтобы он зашел завтра с утра. Скажем, часов в восемь. И пусть ружье возьмет. И еще, мне кто-то из вас нужен, чтобы показал, где все это было. А то бункеров этих по округе разбросанно...

— Я пойду! — сказал Мирон и сделал шаг вперед.

— Нет. У тебя ответственного взрослого нет, который мог бы тебя отпустить. Олег пойдет, — сказал участковый. — У родителей отпросись. А еще лучше, чтобы отец твой с нами пошел. И пусть тоже ружье возьмет.

Олег кивнул.

— Если отпускать не будут, набери мне, я зайду сам с родителями твоими переговорю. Понял?

Олег кивнул снова.

— А, чего ждать, пошли прямо сейчас. — сказал Сланцев и, не дожидаясь ответа, пошел в сторону дома Олега.

Олег посмотрел на друзей.

— Пока, что ли? — неуверенно сказал он и побежал за участковым. — Вероника, зайду к тебе вечером?

— Буду ждать! — крикнула ему вслед Вероника.

Мирон не мог понять своих чувств. Он был расстроен тем, что его участие в поимке беглого убийцы было окончено, но вместе с этим чувствовал облегчение, от того, что все это осталось позади.

— Как ты? — спросил он Настю. — Ты, все еще, бледная.

— Все хорошо. — ответила она. — Правда. Голова еще немного кружится, но тошнота уже прошла.

— Пойдем, я провожу тебя до дома. — предложил Мирон.

— Мы все проводим. — сказала Соня.

— Точно! — поддержала ее Вероника.

Они медленно пошли по улице к Настиному дому. Шли молча, пока Соня не нарушила тишину сказав то, о чем все думали:

— Никого они не найдут. Этот сержант, дурень какой-то крикливый, не на что не способный.

— Вот-вот. — сказала Вероника. — Хорошо, хоть, отец с ними пойдет, иначе я бы Олега не отпустила с ним.

— А почему он позвал твоего отца? — поинтересовался Мирон.

— Он местный лесник. — ответила Вероника. — Все здешние леса знает. Он за ними присмотрит.

— А что мы будем делать? Пока они по лесу ходить будут? — спросила Соня. — У меня есть план.

Мирон, Настя и Вероника остановились и с интересом посмотрели на нее.

— Бабушка научила меня, кое-чему. — тихо сказала Соня. — Если сможем раздобыть личную вещь убийцы, я смогу его найти.

— Это, магия какая-то, что ли? — скептически улыбнулся Мирон.

— Ворожба. — серьезно ответила Соня.

Мирон не заметил в ее лице и намека на шутку.

— А как мы достанем его личные вещи? — спросила Вероника.

— Залезем к ним в дом и найдем что-нибудь.

— Это незаконно. — возразил Мирон. — Нас поймают, и отдадут под суд. И будут правы.

— Нас никто не поймает. Я все придумала. — продолжила Соня. — Настя и Вероника устроят скандал в магазине, и, когда Марина пойдет туда разбираться, мы с Мироним залезем к ним в дом.

— Ты ничего не забыла? — сказала Настя. — Нужно еще от Сергея как-то избавиться.

— Не забыла. Мы загоним к нему на огород корову Мирона, у него минут двадцать уйдет, чтобы ее прогнать. Нам этого должно хватить.

— Нет. — сказал Мирон. — Мы не будем так рисковать. Если бы у них в доме точный адрес Хромова лежал, еще куда не шло. Но вламываться в дом, в надежде, что магия поможет его найти, я не буду.

— Ворожба! — поправили его девушки.

— Без разницы. Я против. — сказал Мирон, скрестив руки на груди.

Он видел, как предложение Сони воодушевило Веронику и Настю, и, как они расстроились, услышав категоричный отказа Мирона.

— Поймите, — попытался объяснить он. — Мы не должны ничего делать. Мы не полицейские, даже не волонтеры. Мы уже помогли и сделали больше, чем кто-то мог от нас требовать. То, что Олег завтра пойдет с участковым на поиски, уже перебор. Такого не должно быть.

— Но ты же видел Сланцева! — не унималась Соня. — Этот, дурень, никого не поймает.

— Может и так. — сказал Мирон. — Но это не наша проблема.

— Не твоя. — с горечью сказала Соня. — Маша была моей подругой, а не твоей.

— Мы тоже любили ее. — сказала Настя.

— Да! Мы тоже ее любили, и хотим помочь! — присоединилась к ним Вероника.

— Мы уже помогли. — отрезал Мирон.

Он подошел к Насте и взяв ее за плечи поцеловал в лоб.

— Ауч! — всхлипнула она. — Аккуратнее! Прямо в шишку поцеловал!

— Прости, — смутился Мирон. — Хорошенько отдохни сегодня дома, и постарайся не спать подольше. Я слышал, что при сотрясении спать нельзя.

— Хорошо. — жалобно ответила ему Настя, потирая лоб.

Вероника тоже обняла подругу на прощание. Последней к Насте подошла Соня. Она быстрым шепотом проговорила что-то неразборчивое, и легко коснулась губами Настиного лба, в том месте, куда только что поцеловал девушку Мирон.

— Прошло. — удивленно сказала Настя. — Спасибо.

Соня с победным видом посмотрела на Мирона.

— Видишь, работает. И найти Хромова, я тоже смогу. — сказала она.

Мирон подошел к своему дому, когда уже начинало темнеть. На пороге его ждало ведро молока, надоенного соседкой по просьбе бабушки, и несколько свежих яиц. Войдя в пустой, холодный дом, Мирон почувствовал, как усталость мелкими острыми лапками забегала по

его ногам, поднимаясь от щиколоток к коленям.

Проинспектировав холодильник, Мирон обнаружил в нем остатки вареной колбасы. Он зажег конфорку, синие газовое пламя немного осветило темную кухню, и поставил на нее сковороду, которую, перед этим, пришлось помыть. Мирон поторопился плеснуть растительного масла на еще влажную сковороду, отчего оно затрещало, распыскивая раскалённые брызги во все стороны. Он кинул на сковороду, несколько ломтиков колбасы, обжарив, с одной стороны, перевернул их, и выбил сверху три куриных яйца. Щедро посолил, добавил немного черного перца и накрыл сковороду крышкой. Затем он поставил кипятиться электрический чайник, нарезал хлеб, достал из холодильника сливочное масло, и отключил конфорку с яичницей. Яйца еще не до конца были готовы, но, жара раскаленной сковороды должно было хватить, чтобы они дошли и, при этом, не подгорели.

С большой кружкой чая в одной руке, и тарелкой с яйцами, и куском хлеба с маслом, в другой, Мирон прошел в комнату с телевизором. Поставив свой ужин на журнальный столик, Мирон устроился на диване и огляделся в поисках пульта. За годы, прожитые со скоростным интернетом в квартире, он успел отвыкнуть от эфирного ТВ. Пощелкав каналами, Мирон удивился знакомым лицам, на которые смотрел еще тогда, когда не умел завязывать шнурков. Он отложил пульт и принялся за свой нехитрый ужин. Поедая яичницу, под звуки автоматных очередей, на экране тучный мужчина с длинными волосами, собранными в хвост, сотнями уничтожал террористов, Мирон задумался о прошедшем дне.

«Соня права», — думал он. — «Никого они не найдут. Но и я тоже прав. Влезать в чужой дом, в расчете на то, что магия ее старухи сработает — глупость. Завтра, когда участковый ничего не найдет, они снова насядут на меня с этой глупой идеей. Надеюсь, Олег будет на моей стороне».

Мирон не заметил, как уснул. Усталость и стресс от пережитого сегодня сжали его с обеих сторон и заставили провалиться в сон. Мирон проспал около двух часов, пока его не разбудил телефонный звонок.

— Алло? — сказал он в трубку пересохшим ртом.

— Мирон, звонил мне?

— Привет, пап. Да, звонил.

— Случилось что?

— Дед в больницу попал.

— Что случилось?! С ним все в порядке?!

— Уже все нормально. Пошел на рыбалку, поскользнулся и ударился головой. Бабушка сейчас с ним.

— А с тобой кто?

— Никого. Я один.

— ...

— Все хорошо. Бабушка должна приехать завтра. Я сыт, здоров, не переживай.

— Хорошо. Позвони как будут новости о деде.

— Хорошо.

— Мирон?

— Что?

— Больше ничего не случилось?

— ...

— Мирон?

— Нет. Больше ничего не случилось. Пока. Спокойной ночи.

Мирон убеждал себя, что не сказал отцу про свои приключения, потому что не хотел, чтобы тот приехал и забрал его обратно в город. Но глубоко внутри понимал, что ничего не сказал, потому что боялся, что он за ним не приедет.

Пора было ложиться спать, но прежде, нужно было сходить в туалет. Со стоном, встав с дивана, Мирон вышел на веранду. Лампочка на веранде перегорела, и он потратил кучу времени, пока нашел в темноте дедушкины галоши. На улице было холодно, пар шел изо рта. Вернувшись из туалета, Мирон задержала на крыльце, и, задрав голову смотрел на звезды. Он почувствовал, что кто-то смотрит на него из темноты, и по его спине пробежали мурашки. Мирон всматривался в темноту улицы и ему показалось, что напротив, через дорогу, он видит темную высокую человеческую фигуру.

«Сергей?», — подумал Мирон. — «Владимир?». Руки его предательски задрожали. Мирон быстро огляделся в поисках топора, лопаты, или хотя бы палки какой-нибудь, подошло бы что угодно, чем он смог бы себя защитить, но ничего не попадалось ему на глаза. Решив, что лучше всего его защитит дверь, Мирон забежал на веранду и закрылся изнутри. Присев у окна, он с напряжением смотрел на ту сторону улицы, но темная фигура просто исчезла.

На крыльце дома культуры Олега ждала Соня, со своей верной собакой у ног.

— Ты чего здесь? — удивился Олег.

— Хочу, чтобы она пошла с тобой. — сказала Соня, указав на собаку. — Так мне будет спокойнее.

— Врать не буду — мне тоже. — сказал Олег. Он присел перед собакой и почесал ее за ухом. — Привет, лохматая! Пойдешь со мной гулять?

— Твой отец с вами не пойдет? — спросила Соня.

— Не. Он сказал, что Сланцев и Олег Михалыч без него справятся. Мне кажется, он вообще не верит, что мы кого-нибудь сможем найти.

— Мы тоже не верим, если честно. — сказала Соня. — Но мне ночью такие сны, нехорошие, снились... В общем, еще одна пара глаз вам не помешает.

— Определенно! Пара глаз, два десятка когтей и три десятка зубов нам пригодятся! — улыбнулся Олег. — Спасибо!

Соня наклонилась над собакой и, посмотрев ей в глаза, строго сказала:

— Слушайся Олега, и никуда от него не отходи. — она выпрямилась и спустилась с крыльца, собака осталась на своем месте, грустным взглядом провожая хозяйку. — Я побежала. Хочу вернуться домой, пока бабушка не проснулась. Удачи.

До назначенного участковым времени оставалось еще двадцать минут, и Олег, от нечего делать, начал ходить по крыльцу из стороны в сторону, пиная резиновыми сапогами, с толстой рифленой подошвой, мелкие камешки в сторону дороги.

Утро было холодным и пасмурным, и плохо подходило для прогулок по лесу. Но Олега это не беспокоило. Он основательно подготовился к сегодняшнему походу. Помимо высоких резиновых сапог, надетых на шерстяной носок, на нем были теплые, армейские штаны цвета хаки с карманами на коленках, и плотная армейская куртка с капюшоном, светло-коричневого цвета. За спиной у него висел рюкзак, с фонарем, термосом со сладким кофе и парой бутербродов с сыром. Олег, засунул руку в карман куртки и сжал в ладони небольшой раскладной нож. Прикосновение к теплой, пластиковой рукоятке ножа, придавало ему уверенности.

— Не пропадем! — бодро сказал он зевающей собаке. — Это совершенно не справедливо, что у тебя нет настоящего имени. После вчерашнего, ты заслужила настоящее имя, собака. И я тебе его дам, только Соне не рассказывай, хорошо?

Олег задумался. «Имя должно быть героическое. Чтобы внушало страх и уважение», — рассуждал он. Как назло, ничего героического в голову ему не приходило. Но он уже обещал собаке имя, и отказываться от своих слов был не намерен.

— Гроза! Как тебе? Не-не-не. Вьюга! Нет. Рокси! Нравится? Знаешь, была бы ты кобелем, назвали бы тебя Рексом и всего делов. Чего ты не кобель?

Дверь в дом культуры открылась, и на крыльцо вышел сержант Сланцев, зевая и лениво потягиваясь. Его полицейская форма была сильно помята, а фуражка съехала на затылок. Сланцев, зажмурившись, почесал свое левое бедро и поздоровался с Олегом.

— Это чё? — спросил он, показав на собаку.

— С нами пойдет. — ответил Олег.

— Как звать?

— Рокси, — неуверенно ответил Олег.

— Это ж она Хромова покусала? Молодец, зверюга. След брать умеет? — спросил участковый.

— Не знаю. Это Сониная собака. — честно ответил Олег.

— Она тебе в охранники дала, что ли? Переживает, — сказал сержант. — Красивая она девчонка, длинноногая.

«Какого, ты на ее ноги смотришь, старый?» — подумал Олег, но ничего не сказал. Он любил Веронику, но, как и все остальные подростки, очень ревностно относился ко всем девушкам своего возраста, особенно, когда к ним проявляли интерес взрослые мужчины.

— Здорово Олежек! — громко крикнул, подошедший к крыльцу, отец Вероники. Это был высокий, лысый мужчина с большим животом, в зеленом, охотничьем плаще. На его правом плече висело большое двуствольное ружье, прикладом вверх. Из кармана плаща торчала вязаная шапка. Он остановился напротив крыльца и стоял, почесывая густую рыжую бороду. — Где твой батек, обормот? На печи сидит, пока сын убийцев по лесам ловит?

— Его жена не отпустила. — съязвил Сланцев.

— Мужа не отпустила, а сына отпустила?! — наигранно удивился Олег Михайлович.

— Так, если что, еще родит. А мужика хорошего, где сейчас найдешь. — противно ухмыляясь сказал полицейский.

Мужчины громко рассмеялись.

— Олег Михалыч, не стыдно вам над будущим сватом смеяться? — спросил Олег.

Отец Вероники закричал, будто подавился чем-то, и сказал:

— Не каркай! Может мне повезет, и Хромов тебя сегодня в болоте утопит. — сказал он, с суровым видом. — Ладно. Шучу я. Не обижайся, Олежек. И Веронике не рассказывай. — добавил он с опаской.

Олег нервно сглотнул. Он не обиделся на шутку Олега Михайловича, но, непроизвольно, сунул руку в карман и сильно сжал лежащий в нем нож.

— Выдвигаемся. — сказал участковый.

— Пошли, Рокси! — сказал Олег собаке, спустившись с крыльца. Собака даже не пошевелилась. — Ладно! Пошли, собака.

Собака встала и, быстро догнав Олега, пошла справа от него.

Опустившийся на деревню туман понемногу рассеивался. Он сгустками скапливался на обочинах, из-за чего, казалось, будто дорога парит в воздухе, в метре над землей.

— У тебя другой обувки не было? — спросил Олег Михайлович участкового, указав на его кожаные туфли. — Ноги промочишь.

— Нормально. — отмахнулся участковый.

Они прошли через березовую рощу и оказались на ржавом поле. Остатки техники, окутанные туманом, представлялись Олегу скалами, возвышающимися над поверхностью холодного северного моря, которое ему предстояло пересечь. Он вообразил себя викингом, отправившемся в поход в поисках славы и богатства.

— Хельга. Как тебе такое имя, собака? — спросил он свою молчаливую спутницу. Собака звонко чихнула и замотала лохматой головой. — Не нравится? Буду дальше думать.

— Чего бубнишь? — спросил его Олег Михайлович.

— Да, это я сам с собой разговариваю. — соврал Олег.

— Дурень. И чего доча в тебе нашла? Толстый, ленивый дурень. Ничё, в следующем году поедет в институт, найдет себе там, кого, потолковастее.

— Я с ней поеду. — сказал Олег.

— Кто тебя, дурня, туда возьмет? — рассмеялся Олег Михайлович. — Ты школу закончи, сначала, двоечник!

— Закончу! — зло ответил Олег. — И в институт поступлю! А как его закончу, уедем, вместе с Вероникой, на море жить и будем вам открытки слать.

Олег с уважением относился к отцу Вероники. Он потратил кучу времени на то, чтобы понравиться Олегу Михайловичу, но тот, на отрез, отказывался воспринимать парня в серьез. Около года назад, Олег Михайлович, видя, что дети проводят все больше времени вместе и расставаться не собираются, предпринял попытку сойтись с ухажером дочери и позвал его на охоту. Олег согласился, но, когда подошла его очередь стрелять в, летящую над водой, утку, он не смог заставить себя нажать на спусковой крючок. Слишком сильно любил животных. После этого случая, Олег Михайлович, относился к нему с нескрываемым пренебрежением.

Они подошли к опушке леса, где начиналась тропа, ведущая в бункер.

Сланцев, пока шел через поле, собрал своими ботинками всю росу с травы, и уже жалел о том, что поленился надеть сапоги. Он вышел вперед и, поправив фуражку, первым вошел в лес. Олег шел прямо за ним, собака не отходила от него ни на шаг.

— Куда теперь? — спросил Сланцев, когда они углубились в лес.

— Вниз, в овраг. — ответил Олег. — Почти пришли.

Вскоре они вышли на поляну с бункером. Участковый, медленно, прокрался ко входу в бункер, пока Олег с отцом Вероники и собакой замерли на краю поляны.

— Олег, иди сюда. — тихо сказал Сланцев.

Олег сделал шаг вперед, но тяжелая, волосатая рука одернула его за плечо.

— Это он мне. — сказал Олег Михайлович и, взяв в руки ружье, бесшумно подошел к участковому.

Олег смотрел на двух взрослых мужчин, стоящих у входа в бункер, и чувствовал, как сердце его начинает биться от страха.

«Что, если он там?» — думал Олег. — «Что, если они не смогут с ним справиться? Что если кого-то из них убьют? Что если убьют отца Вероники? Что я скажу Веронике?» Олег изо всех сил, сжал нож у себя в кармане.

Мужчины скрылись в бункере. Олег напряженно вслушивался в звуки леса, готовый, в любой момент, услышать их крики. Он обернулся на шум и увидел, как собака, задрав заднюю лапу, поливает ближайшую сосну.

«Спокойная. Если бы чего учуяла, вела бы себя по-другому», — решил Олег и, немного, успокоился.

Через пару минут из бункера вышел Олег Михайлович, а, следом за ним, и сержант Сланцев.

— Нету никого. — раздосадовано сказал он. — Дверь, там в конце, намертво заварена. Не мог Хромов за нее попасть.

— А кусты, светящиеся, видели? — спросил Олег, подбежав к ним.

— Неа. Не видели. — ответил Сланцев. — Не охота с пустыми руками возвращаться. — протянул он.

Участковый заходил по поляне, внимательно глядя себе под ноги.

— Тут тряпку нашли? — спросил он Олега, наткнувшись на участок с примятой, забрызганной кровью травой.

— Вроде.

Сланцев присел на корточки и внимательно осмотрел землю перед собой.

— Михалыч, подойди, глянь, видишь следы какие-нибудь? — сказал он, без особой надежды в голосе.

— Я отсюда вижу. — ответил Олег Михайлович. — Вон там он в лес ушел. Видишь, как трава примята?

Участковый посмотрел в сторону куда указывал лесник и задумчиво почесал подбородок.

— Ладно. Олег, ты иди домой. А мы, с Михалычем, по следу пойдем. — сказал он поднявшись.

— Можно с вами? — спросил Олег. Ему было страшно возвращаться одному.

— Нет. — отрезал участковый.

Олегу нужно было срочно придумать причину, чтобы остаться. В этот момент собака потерлась о его ногу и, посмотрев на нее, он сказал:

— Там, в лесу, все иголками хвойными засыпано. Вы никаких следов не найдете. А собака может след взять.

— Ты же говорил она не умеет? — удивился участковый.

— Умеет, наверное. Это же собака.

— Так оставь ее и иди. — сказал Олег Михайлович. — Меня Вероника прибьет, если с тобой случится чего.

— Соня сказала ей от меня не отходить. Без меня она не останется.

Сланцев вопросительно посмотрел на Олега Михайловича.

— В бору тяжело следы искать. — сказал отец Вероники. — С собакой сподручнее будет.

— Ладно. — сказал Сланцев. — Попробуем. Давай ее сюда.

Олег подошел к месту, где трава была забрызгана кровью и, встав на одно колено, позвал к себе собаку.

— Давай, подруга, — сказал Олег, обняв собаку за шею. — Ищи.

Олег сорвал пучок травы и сунул под нос собаке, которая посмотрела на него непонимающим взглядом. Шея у Олега вспотела от напряжения. Он не понимал откуда в нем взялось это знание, но был уверен, что стоит ему отойти от участкового и Олега Михайловича на десяток другой метров, как на него тут же набросится убийца Хромов.

— Родная, пожалуйста! — отчаянно шептал он. — Ищи, ищи!

Поначалу собака упрямо воротила нос от подсунутого ей пучка испачканной кровью травы, но потом, будто прислушавшись к мольбам Олега, втянула ноздрями воздух и низко зарычала.

— Взяла след! — радостно сказал Олег.

Собака вырвалась из его объятий и, подняв хвост, подбежала к опушке леса, как раз туда куда указал Олег Михайлович.

— Молодец, дурень. — сказал Олег Михайлович. — С такой псиной, быстро управимся!

Втроем, они подошли к собаке, которая повела их в сосновый лес, изредка останавливаясь, чтобы понюхать землю у своих лап. Шли быстро, пристально вглядываясь в пространство между деревьями вокруг себя. Заморосил мелкий, холодный дождь. Ветви сосен надежно укрывали их от непогоды, но, редким каплям, удавалось пробиться сквозь хвою. Олег спрятал голову под капюшон, Олег Михайлович надел свою вязанную шапку, а

участковый негромко выругался, проклиная себя за то, что не подготовился к походу как следует. Его фуражка, то и дело, цеплялась за низкие ветви сосен и падала на землю. Сланцеву надоело с ней бороться, и он убрал ее за пазуху, подставив открытую макушку дождю.

— К железной дороге ведет. — тихо сказал Олег Михайлович. — За ней болото начинается. Если, Хромов, туда ушел, собака след потеряет.

Начался долгий, крутой подъем. Олегу было тяжело взбираться на холм в своих высоких резиновых сапогах. Из-за надетого на голову капюшона, который с каждым шагом немного смещался и терся об уши, он не слышал ничего кроме собственного тяжелого дыхания. Увидев конец подъема, в нескольких метрах впереди, Олег решил преодолеть это расстояние как можно быстрее, и отдышаться уже на вершине. Он ускорил шаг, но Олег Михайлович грубо схватил его за локоть.

— Не беги! — тихо сказал он. — Слышишь?

Олег снял капюшон и прислушался. Собака сбросила темп, шла медленно и низко рычала.

— Чует что-то? — спросил Олег.

Они поднялись на холм, и увидели перед собой заброшенные железнодорожные пути, идущие с запада на восток. Кюветы густо заросли кустами, между утопленными в гравий шпалами торчали чахлые деревья. Подойдя к насыпи, Олег хотел подняться к путям, но отец Вероники, снова, остановил его.

— Наверху тебя за километр видно будет. — сказал он.

Рычание собаки стало громче.

— Михалыч, видишь что-нибудь? — спросил Сланцев.

— Кто-то есть, — задумчиво ответил Олег Михайлович. — Пистолет доставай.

Сланцев достал табельное оружие, снял пистолет с предохранителя и взвел курок. Олег достал из кармана нож и, раскрыв его, крепко сжал в правой руке. Он испуганными глазами смотрел на мужчин, которые в тревожном ожидании вглядывались в лес на той стороне железной дороги. Высокие кусты, разросшиеся вдоль путей, перекрывали им обзор.

— Будь готов, — сказал участковый Олегу. — Если что, беги назад, не тормози.

Олег нервно сглотнул.

Сланцев, с пистолетом наготове, поднялся на насыпь, Олег Михайлович, вскинув заряженное ружье, шел за ним.

Собака, внезапно, с громким лаем, сорвалась с места, и вбежала на насыпь. Олег, не думая, что делает, побежал за ней. Он увидел, как собака спустилась с насыпи и скрылась в кустах на противоположной стороне.

— Стой! Назад! — закричал Олег и побежал за ней.

Он успел подбежать к кустам, когда участковый перехватил его и отбросил назад.

— Стой на месте дура... — не успел договорить он. Кто-то схватил его и утянул в кусты. Через мгновения, за кустами раздались выстрелы.

Олег поднялся на ноги. Отец Вероники подбежал к нему, и схватив за локоть оттянул за насыпь. Они, со страхом, вслушивались в звуки дождя, в надежде услышать голос участкового. И они его слышали. Громкий, полный боли и ужаса, крик разлетелся над лесом, подняв с веток тех немногих птиц, что оставались там после недавних выстрелов. От этого крика у Олега на спине выступил холодный пот, а колени задрожали.

— Бежим! — крикнул Олег Михайлович и потянул Олега с холма.

Они бежали, не разбирая дороги. Капюшон Олега, зацепился за низко висящую ветку сосны, которая сломалась с сухим, громким треском. Олег обернулся на звук, и не заметил торчащий из-под земли корень. Он зацепился за него сапогом и кубарем покатился вниз с холма.

«Это конец! Я покойник!» — думал Олег, скатываясь вниз и прикрывая голову руками. У подножия холма он остановился, неудачно ударившись спиной о ствол сосны. Удар сбил дыхание. Олег пытался сделать вдох, но легкие отвечали на его попытки острой болью. В глазах помутнело.

Олег увидел, как в его сторону с холма спускается темная фигура, в каких-то лохмотьях. Когда, в голове прояснилось, он смог разглядеть лицо. Это был Хромов. Он выглядел мертвенно бледным, кожа на его лице была синеватого оттенка, болезненные круги под глазами были почти черными. Его правая щека была разодрана, сквозь нее виднелись пожелтевшие зубы. Хромов, медленно, хромя на левую ногу, приближался к Олегу. С каждым его шагом, Олег все отчетливее слышал странный гул в ушах, который становился все громче и навязчивее. Когда его от убийцы, отделяло не больше трех метров, перед Олегом появился отец Вероники с ружьем в руках.

— Стой! — крикнул он. — Стой, кому говорю!

Хромов сделал еще шаг вперед.

Ружье, с оглушительным грохотом, выплонуло дробь в грудь приближающегося убийцы. Хромов покачнулся, но остался стоять на ногах. Олег Михайлович снова нажал на спусковой крючок. Второй выстрел угодил Хромову в шею, было видно, как дробь вырвала кусок плоти убийцы. Кровь брызнула из раны густым фонтаном. В ноздри Олегу ударил крепкий запах сероводорода.

Хромов не останавливался и продолжал надвигаться на них. Олег Михайлович, трясущимися руками, пытался перезарядить ружье, но ему не хватало времени. В конце концов, он бросил эти попытки, и замахнулся на Хромова ружьем как палкой. Убийца, которому страшные раны, нанесенные выстрелами, казалось не доставили никаких хлопот, легко заблокировал удар. Он схватил отца Вероники за плащ на груди и отбросил в сторону.

— Не подходи! — закричал Олег, выставив маленький раскладной нож прямо перед собой.

На изуродованном лице Хромова, появилось что-то, отдаленно похожее на ухмылку. Он протянул к Олегу руку, с которой капала черная, сильно пахнущая серой жижа. Олег, опираясь спиной о ствол сосны, приподнялся и вонзил нож в тянущуюся к нему ладонь убийцы. Тот этого даже не заметил. Хромов схватил Олега за шею, поднял над землей, и, прижав к сосне, начал душить.

Олег колотил его кулаками по голове и плечам, пинал ногами в живот и грудь, но никакого эффекта на Хромова это не оказывало. Олег чувствовал, как силы уходят. Легкие начинали гореть, требуя немедленно сделать вдох. В глазах его темнело. Гул в ушах стал нестерпимо громким, заглушив собой все остальные звуки. Хромов поднял Олега выше, оцарапав сосновой корой затылок парня.

«Больно!» — подумал Олег. — «Как больно!»

Новость о том, что сегодня из леса не вернулись Олег с участковым Сланцевым, поставила всю деревню на уши. Глава поселения, редко появлявшийся на публике, который предпочитал своим обязанностям, тихо заниматься самогонварением в своем гараже,

объявил, что лично поедет в райцентр, и не вернется оттуда без отряда полиции, который будет прочесывать лес пока не найдет пропавших людей.

Олег Михайлович, вернувшийся из леса с выбитым плечом, стал самым обсуждаемым человеком в округе. Все перетирали различные сплетни о его чудесном спасении. Кто-то говорил, что он рисковал жизнью, чтобы спасти товарищей, кто-то, вспоминая его отношения к парню дочери, обвинял его чуть ли не в убийстве.

Мирон, в ожидании Сони, беспокойно ходил по комнате. Вероника сидела в углу и тихо плакала. Настя была рядом, и заботливо поглаживала плечи подруги.

— Нужно что-то делать! — всхлипнула Вероника. — Отец говорит, Хромов Олега живым с собой утащил. Нужно идти искать его!

— Что мы можем сделать? — спросил Мирон. — Нужно ждать, когда прийдут полицейских и организуют поиски. Ты же слышала, Хромова пули не берут. А если бы и был от них толк, у нас все равно оружия нет.

— Полицейские будут только послезавтра, в лучшем случае. Сланцев рассказал отцу, что вместе с Хромовым из тюрьмы авторитет какой-то сбежал. Они все его ищут. А на нас всем насрать! — Вероника задохнулась в новом приступе плача.

Мирон понимал, что она права. Олега нужно было начинать искать уже сейчас, пока оставались шансы на то, что он все еще жив. Промедление могло стоить слишком дорого.

В дом вошла Соня. Она кивнула Мирону, и прошла к девушкам.

— Вероника, как ты?

Вероника ответила ей новой порцией слез.

— Соня, ты говорила, что можешь найти Хромова, а с Олегом получится? — спросила ее Настя. — Вероника принесла его кепку, для тебя.

— Получится, но я не думаю, что стоит это делать. — ответила Соня.

— Почему? — хором спросили девушки.

— Мне тяжело это говорить, но... — Соня замаялась.

— Скажи, как есть. — настойчиво сказал Мирон.

— Я не могу делать это часто. — сказала Соня. — Это требует слишком много сил. И это не работает, если человек которого ищешь... Если Олег...

— Если он мертв? — сказал Вероника, посмотрев Соне в глаза.

Соня кивнула.

— Нужно искать Хромова, то, что он жив, мы знаем наверняка.

Мирон вздохнул. Ему не нравилась мысль, что им придется вламываться в чужой дом. Но он смотрел на девушек, на заплаканное лицо Вероники, и понимал, что они сделают это с ним или без него.

Его сотовый телефон завибрировал в кармане.

— Алло? — сказал он в трубку.

— Внучик, дед очнулся! — радостно сказал бабушка Поля.

— Отлично! — Мирон закрыл микрофон телефона рукой и прошептал девушкам: — Бабушка звонит, говорит дед очнулся.

— Здорово! — сказали Настя и Соня, а Вероника, только слабо всхлипнула.

Мирон прошел на кухню, чтобы спокойно поговорить с бабушкой.

— С ним все хорошо. Но врачи хотят его еще денек посмотреть. — рассказывала бабушка. — Послезавтра выпишут, и мы приедем домой, наконец-то! Как ты там? Все хорошо?

— Да, все нормально. — ответил Мирон, решив не пугать бабушку рассказами о недавних событиях. — Дед объяснил, что с ним случилось?

— Объяснил. — вздохнула бабушка. — Говорит пошел на рыбалку, а на него леший напал.

— Леший? — переспросил Мирон.

— Ага! Представляешь? Леший говорит, или водяной! Совсем с ума сошел старик! Я говорю ему: «Ты поскользнулся и головой шендорахнулся, старый!», но он настаивает, что нет. Леший, говорит.

Мирон почувствовал, как злость заполняет его изнутри. Он, вспомнив как Олег Михайлович описывал Хромова, сразу понял, кто напал на деда. Попрощавшись с бабушкой, он вернулся в комнату и рассказал все девушкам.

— Сергей точно виделся с отцом. — сказал Мирон. — Он на озеро к нему и шел, я уверен. Наверняка, помогал ему на деда нападать. Хорошо мы с Олегом их вовремя нашли.

— Нужно идти к Хромовым. — сказала Настя.

Мирон посмотрел в окно. На улице начинало темнеть, и времени у них совсем не оставалось.

— Нужно. — согласился он.

Глава 9

Когда Чарли зашел в темную прихожую, в его ноздри ударил противный, кислый запах кошачьей мочи. Не разуваясь, (они не снимали обуви в доме уже около года), он прошел на кухню. На маленьком столике, накрытом засаленной клеёнкой, громоздилась неустойчивая башня из немытой посуды. Найдя в этой куче свою любимую кружку, Чарли сполоснул ее над раковиной, и поставил кипятиться чайник. Он не ел с самого утра, и был страшно голоден. Открыв холодильник, он не нашел в нем ничего кроме банки из-под огурцов, на треть заполненной рассолом, и пачки дешевого майонеза. Взяв пачку, он достал из подвешного шкафчика булку подсохшего хлеба, и, отрезав толстый кусок, щедро полил его майонезом. Чай закончился, но он заметил лежащий на пластиковой крышке, использованный, чайный пакетик, который можно было заварить еще раз.

Из коридора слышались пьяные крики матери.

— Коля! Коля,пусти! Не делай глупостей! — кричала мать.

«Опять отец в Машинной комнате закрылся и грозитя вены вскрыть», — догадался Чарли.

— Уйди, змея! — кричал отец через закрытую дверь. — Сил больше нет тебя терпеть! Не могу больше!

— Коля, брось! Впусти меня! — мать, в отчаянии, застучала кулаками по двери. — Не оставляй меня, Коль! Слышишь! Ты нам нужен!

— Кому?

— Сыну, нужен! Мне нужен! — кричала мать, заливаясь слезами.

Чарли скривился. Мать вспоминала о нем только тогда, когда нужно было надавить на отца. В остальные дни, он для них словно не существовал.

Когда Маша погибла, мать с отцом, и без того большие любители выпить, ушли в беспробудный, бесконечный запой. На работу ходить перестали. Первые пару месяцев, из жалости к их утрате, на прогулы закрывали глаза и исправно платили им зарплату, но потом все-таки уволили. Они пошли бы по миру, если бы не бабушка, которая приносила им еду, и, изредка, подкидывала родителям денег, которые те, тут же, тратили на дешевый алкоголь. Бабушка предлагала Чарли уйти жить к ней, но он отказался, веря в то, что родители возьмут себя в руки к весне. Но когда соседи начали засаживать свои огороды картошкой и капустой с кабачками, а их участок так и остался стоять невспаханым надежда покинула Чарли. Он хотел переехать к бабушке, но та заболела и перебралась в город к дочери. Она продолжила присылать им несколько тысяч рублей с каждой пенсии. Получив очередную подачку, родители забивали холодильник продуктами, и клялись взяться за голову, но всегда срывались и пропивали все оставшиеся деньги.

— Сына! Ты дома? Иди сюда скорей! — услышал Чарли крик матери.

Он, не торопясь, дожевал кусок хлеба, допил несладкий чай, и неохотно пошел к матери.

— Сына! — упав перед ним на колени плакал мать. — Поговори с папкой! Он убьет себя! В этот раз, сердцем чувствую, точно убьет!

— Да что ж ты делаешь, тварь! — кричал из закрытой комнаты отец. — Зачем привела его?!

— Сын имеет право попроситься с отцом! Даже с таким куском говна, как ты!

Чарли вздохнул.

— Мне это надоело. — сказал он, устало. — Вы же взрослые, а ведете себя, как дети. Даже хуже. Как животные!

— Как ты смеешь, так с матерью разговаривать! — закричал отец. Он открыл дверь и, в два шага, оказавшись перед Чарли, схватил его за грязную майку и потряс. — Извинись, сучоныйш!

От грубой тряски, у Чарли закружилась голова и заболела шея. Он вырвался из хватки отца, и пнул его под коленку.

— Ухожу! — крикнул он. — Не могу больше вас терпеть!

Чарли выбежал из дома и, сломя голову, помчался вниз по улице. Слезы стекали по его щекам, скапливались на подбородке и тяжелыми каплями срывались вниз. Он бежал, не разбирая дороги, пока силы не оставили его. Оглядевшись, Чарли обнаружил себя на дамбе, идущей между Старым и Новым озерами.

Чарли вытер слезы.

Он почувствовал невыносимую тоску, внезапно навалившуюся на его плечи. Он скучал по сестре. По нормальной жизни. «Если бы она была жива», — думал он. — «Все было бы хорошо. Отец не ругался бы с матерью, а я мог бы ужинать чем-то горячим».

Его взгляд упал на одинокий, двухэтажный дом, стоящий на холме.

«Ведьма! Она сможет закодировать родителей, если у меня получится уговорить ее!» — подумал он.

Быстро поднявшись на холм, Чарли решительно подошел к двери дома старухи. Он громко постучал в дверь и, набрав воздуха в грудь, подбирая слова, которые будет говорить. Он был готов рыдать у ведьмы в ногах, если потребуется. «Если она откажет, мне некуда идти». - думал он.

— Бабушка Софа! Бабушка Софа! — заговорил он сразу как дверь начала открываться. — Спасай! На одну тебя надежда!

Старуха, сердито посмотрела на его чумазое лицо.

— Иди домой, дитя. — сухо сказала она, закрывая дверь.

Чарли, набравшись смелости, а, может, от отчаяния своего положения, протиснулся в закрывающийся проем, и оказался за спиной у старухи.

— Бабушка Софа, погибну! Без вашей помощи, все! Кабзда! Выручайте бабушка Софа!

— Гаденыш, мелкий! — разозлилась старуха. — Я что, приглашала тебя войти?!

Старуха схватила Чарли за ухо, и притянула к себе.

— Иди, говорю! — прошипела она, подталкивая Чарли к двери.

Чарли, отчаянно, пытался вырваться из ее крепкой хватки, но каждое движение отдавалось острой болью в налившимся кровью ухе. Его спас телефонный звонок, донесшийся из комнаты. Старуха, нехотя, выпустила Чарли и сказала:

— Ладно. Посиди на кухне, пока. А потом, я научу тебя уважению к старшим, дитя.

Чарли, растирая пульсирующее ухо, сел на табурет за кухонным столом. «Не выгнала, значит пол дела сделано», — рассуждал он. — «Сейчас пушу слезу, и растрогаю старуху. Не откажет». Он в первые был в этом доме. Местная детвора с опаской обходила дом старухи стороной. Считалось, что она заманивает маленьких деток, и приносит их в жертву демонам и злым духам, которые помогают ей творить её магию. Чарли, никогда не верил в эти сплетни, но старухи побаивался.

— Да, Федор Степанович, я про вас не забыла. — услышал он голос старухи,

разговаривающей по телефону в соседней комнате. — Нет еще не готово... Вы же знаете, что в последний год мне стало сложнее выполнять столь... столь специфические просьбы... Да я знаю... Да... Нет я помню...

Голос ведьмы звучал кротко, даже испуганно. Чарли не представлял, что эта властная, пугающая женщина, может вести себя так робко. Так, неуверенно.

— Нет, я благодарна... Я помню все, что вы для меня сделали... Хорошо... Хорошо... Нет, не нужно никого присылать... Хорошо... Я обещаю... В ближайшее время, хорошо... Я поняла.

Чарли услышал, как старуха положила трубку. Какое-то время в доме было совершенно тихо. Чарли молча сидел на кухне, стараясь не производить никаких звуков. Он услышал шаркающие шаги старухи, которая шла к нему на кухню.

— Итак, — устала сказала старуха. — Что ты хотел?

Бабка Софья села напротив Чарли, выглядела она вымотанной и постаревшей на несколько лет.

«Что это за Федор Степанович, такой? Что так ее расстроил?» — подумал Чарли. Он чувствовал, что момент просить о помощи сейчас не подходящий, но другого шанса у него, возможно, не будет.

— Бабушка Софа, — начал он. — Помогите! Заколдуйте маму с папой, чтобы пить бросили? Они меня со свету сживут своими пьянками, или друг друга поубивают. Сегодня, отец, самоубиваться собрался, опять! И ведь он сделает! По глазам его видел, что в этот раз сделает! Буду я безотцовщиной! А если мать, как обещает, за ним следом, того... То круглым сиротой, буду! Не позволяйте, случиться несчастьем, пожалуйста!

— Что дитя, не заботятся они о тебе? — с внезапно появившимся интересом спросила старуха.

— Какой там, заботятся! Они вообще забыли, что я у них есть! — наигранно всхлипнул Чарли.

— Что ж. Надо бы тебя выпороть, за то, как ты сюда ворвался. Но я помогу тебе. Так и быть. Вставай!

Старуха поднялась из-за стола и вышла в коридор. Чарли, радостный оттого, что ведьма не отказала в помощи, быстро пошел за ней. Старуха стояла около запертой двери, напротив кухни, и ждала Чарли. Посмотрев на дверь, Чарли не заметил на ней ручки, и не видел, чтобы старуха толкала ее, или что-то еще, но дверь сама начала медленно открываться. Чарли почувствовал сильные запахи трав и чего-то еще, напоминающего запах больничных палат.

— Входи, дитя, — сказала старуха. — Смелее.

Плотные, низкие тучи скрывали луну и звезды. Ночи в деревне, из-за малого количества фонарей и светящихся окон, и так были достаточно темные, но сегодняшняя окутала все вокруг абсолютно непроглядной тьмой. Это было на руку Мирону и Соне, которые притаились у дома Хромовых.

— Что-то девчонки не торопятся. — поежившись от холода, сказала Соня. — Как думаешь, что они придумают?

— Не знаю. Устроят скандал, наверное. — ответил МIRON.

Согласно их плану, Настя и Вероника должны были отвлечь мать Сергея, и выманить ее из дома, устроив диверсию в принадлежащем ей магазине. После чего, МIRON, загонит в

огород Хромовых одну из своих коров, выбор пал на Боню, которую они заранее привязали постись у них за домом.

На крыльце загорелся свет. Из открытой двери во двор вышла растрепанная женщина. Она побежала по мокрой, после недавнего дождя, траве в сторону магазина. Один из ее шлёпанцев, от быстрой ходьбы, слетел с ноги. Она не сразу это заметила, и сделала пару шагов, наступая босой ступней на мокрую землю, после чего, чертыхаясь, вернулась за непослушным тапочком.

— Мам! — услышал Мирон голос Сергея. — Ты на долго?

— Не знаю. Эти дурёхи уронили прилавок с алкоголем. Нужно проследить, чтобы они заплатили за каждую разбитую бутылку. — раздраженно ответила Марина.

Мирон посмотрел на Соню.

— Этот отвлекающий маневр влетит нам в копейчку, — недовольно прошептал он.

— Скинемся, — отмахнулась Соня.

Выждав несколько минут, Мирон, пригнувшись, оббежал дом. Боня была привязана к стальной спице, глубоко воткнутой в землю, за участком Хромовых. Она неторопливо описывала круги, выедавая всю траву, до которой могла дотянуться. Мирон подошел к забору и, взявшись за толстую, верхнюю жердь, вынул ее из скобы, вколоченной в сухой деревянный столб. Отложив жердь в сторону, Мирон отвязал корову и, шлепком ладони по крупу, направил ее в сторону огорода. Боня резво перепрыгнула две оставшиеся на месте нижние жерди и, глубоко утопая копытами в земле, пошла в сторону дома.

Мирон быстро вернулся назад к Соне.

— Готово, — прошептал он.

Время тянулось медленно. Казалось, прошла целая вечность, ребята уже переживали, что Марина вот-вот вернется, а Сергей все никак не замечал коровы в своем огороде.

— Может обойдешь дом еще раз, и кинешь ему камень в окно? — предложила Соня.

— Нет, будет слишком подозрительно.

— Но нужно что-то делать! — настаивала Соня. — Его мать скоро придет.

Не успела она договорить, как на крыльце вновь зажегся свет, и раздались торопливые шаги Сергея.

— Пошли! — скомандовал Мирон и направился в сторону дома.

Дверь во двор оказалась закрыта, но, просунув в щель металлический прут, к которому была привязана корова, и который Мирон все еще держал в руках, они смогли откинуть крючок и попасть внутрь. Стараясь не шуметь, они быстро прошли по освещенному крыльцу в дом, аккуратно прикрыв за собой дверь.

В доме было темно. Свет горел только в маленьком, тесном коридоре, а комнату слабо освещал мерцающий экран телевизора. Мирон присел напротив окна и посмотрел наружу. На огороде Сергей, раскинув руки в стороны, пытался направить Боню прочь со своего участка. Та, упорно, не понимала, что он от нее хочет и металась по огороду из стороны в сторону, не подпуская к себе Сергея.

— Молодец Боня! — сказал Мирон. — Две минуты у нас есть. Нашла что-нибудь?

Мирон повернулся к Соне, которая стояла перед открытым бельевым шкафом, разглядывая что-то на полках.

— У нас проблема. — сказала она. — Как понять какая вещь Владимира? Они с сыном одинакового размера.

— Схвати что под руку попадет и побежали! — прошипел Мирон.

— Нельзя. У нас будет только одна попытка!

Мирон осмотрелся. В комнате был беспорядок. Ковер на полу был пыльным и весь в пятнах, на журнальном столике стояли чашки с недопитым чаем и грязные тарелки. Повсюду валялись скомканные обертки от шоколадных батончиков. Помимо большого шкафа у которого стояла Соня, в комнате был диван и широкий комод, на котором стоял телевизор.

— Это гостиная. — сказал Мирон. — Нам нужно поискать в хозяйской спальне.

Он вышел в коридор, из которого был проход на кухню и маленькую комнату с односпальной кроватью. «Комната Сергея», — догадался Мирон. Больше комнат в доме не было. Мирон вернулся в гостиную. Соня стояла у комода, в ее руках был прозрачный целлофановый пакет с документами.

— Тут есть его водительские права. — сказала она Мирону.

— Отлично! Хватай и пошли!

— Не уверена что они подойдут. — засомневалась Соня. — Это не личная вещь. Я еще поищу.

— Только быстро.

Мирон подошел к окну и выглянул в огород. Снаружи никого не было.

— Черт! — сказал Мирон. Он подбежал к Соне и схватил ее за руку. — Времени нет! Он сейчас вернется!

— А ну стоять! — раздался взволнованный голос Сергея. Он стоял в проходе в комнату, сжимая в руке длинный охотничий нож. Сергей, не глядя, дотянулся до выключателя свободной рукой, и, под потолком, засветила лампочка.

Мирон, сощурившись от яркого света, заслонил собой Соню и сделал шаг назад.

— Давай без глупостей, — сказал он, выставив перед собой металлический прут, крепко, до белых костяшек, зажатый в его правой руке.

— Вы чего здесь забыли?! — закричал Сергей. — Говорите! А то прирежу!

Он несколько раз взмахнул ножом прямо перед собой, показывая, как расправиться с незванными гостями. Мирон видел, что Сергей напуган не меньше, чем они, но, с каждым взмахом ножа, внутри Мирона что-то сжималось от страха.

«Прирежет» — мелькнула мысль в голове Мирона. — «Прирежет и ничего ему не будет. Как я согласился на эту авантюру? Что со мной происходит, вообще?!»

— Спокойно, — сказал Мирон.

— Хватит меня успокаивать! Я спокоен! — прокричал Сергей еще громче. — Чего вам надо?!

— Мы хотим найти Олега! — сказала Соня, и попыталась обойти Мирона, но тот, не оборачиваясь, грубо оттолкнул ее обратно себе за спину.

— Так его здесь нет! — Сергей, с глупым видом, развел руки в стороны. — Давайте проверим. Олег! Олежек, выходи! Видите?! Нету его.

— Не придуривайся, мы знаем, что твой отец похитил его и участкового сегодня днем. И мы уверены, что ты тоже к этому причастен. — строго сказал Мирон.

— Я отца с самого суда не видел! Я уже рассказывал Сланцеву об этом. И вы там были, если я ничего не путаю.

— Не верю я тебе! Мой дед очнулся, говорит твой папаша на него напал. И я уверен, что ты был с ним. А когда нас с Олегом увидел, притворился, что случайно деда нашел! — громко сказал Мирон. «Только отвернись, на секунду, огрею тебя железякой по башке!» —

подумал он про себя.

— Я, деда твоего, не случайно нашел! Я специально его искал! Помочь хотел.

Мирон на секунду смутился. Он снова почувствовал вину за то, что столкнул Сергея в воду в ту ночь. Но, сжав крепче железный прут в руке, прогнал это чувство.

— Так, вы что, думали отец у нас прячется? Под столом смотрели? — съязвил Сергей. Растерянность, которую он испытал, застукав ребят в доме, сменилась верой в свою правоту и придала ему уверенности.

— Я смогу его найти. — сказал Соня. — Бабушка научила меня одному фокусу. Но для этого нужна личная вещь твоего отца.

— И вы, конечно, решили ее украсть? Спросить, вам в голову не пришло? — возмутился Сергей.

— Мы думали ты с ним заодно. — сказала Соня, глядя Сергею прямо в глаза.

Сергей не смог выдержать ее взгляд и отвернулся. Мирон, решил, что это тот момент, которого он ждал. Он начал двигаться в сторону Сергея, но Соня, твердой рукой, остановила его.

— Не надо. — прошептала она одними губами.

— Прирежу вас, и ничего мне не будет. — проскрипев зубами сказал Сергей. — Может даже грамоту дадут. За то, что избавился от воришек.

Он сделал шаг в сторону ребят. Мирон отступил к стене прикрывая собой Соню. «Брошусь на него, тогда она сможет убежать», — думал он. — «Если повезет, выхвачу нож. Блин, надо было дома сидеть!»

Сергей приближался. Он занес нож над Мироном.

«Сейчас!» — подумал Мирон. Но решимость покинула его, а ноги отказывались слушаться. Он почувствовал, что еще секунда, и он свалится без сознания на грязный ковер Хромовых.

— Держи! — сказал Сергей, протянув нож рукояткой вперед. — Это отца. Он его из рук не выпускал. Все время с собой таскал. Остальные его вещи, мать выбросила, или сожгла, когда его посадили. Подойдет?

Соня дрожащей рукой взяла нож из рук Сергея и спросила:

— Он дарил тебе его? Это все еще его нож, или уже твой?

— Нет, не дарил. Он бы мне этим же ножом руки бы и отрезал, если бы узнал, что я его себе забрал. — грустно сказал Сергей. — Да и ножи вообще не дарят. Примета плохая.

— Тогда подойдет.

— Ты правда сможешь его найти? — спросил Сергей.

Соня кивнула.

— И ты в это веришь? — посмотрел на Мирона Сергей.

— Верю. — стараясь звучать уверенно ответил Мирон.

— Хорошо. Значит это правда, что Олег пропал? Я надеялся, что вранье. Как вы могли подумать, что я помогал в этом отцу? — спросил Сергей с обидой в голосе. — Мы же с Олегом дружили. Лучшими друзьями были.

— Извини, — сказал Мирон. — И за то, что вломились к тебе, я тоже прошу прощения. Это было неправильно.

— А в магазине, тоже вы? Ладно, можете не отвечать. Проваливайте! — Сергей махнул рукой в сторону выхода.

Мирон, настороженно глядя на Сергея, начал двигаться к двери, ведя Соню за собой.

Когда они вышли на крыльцо, Сергей окликнул их.

— Я с вами хочу. Олега искать.

— Хорошо, — подумав немного, сказала Соня.

— Вы сегодня будете, этот твой фокус делать? — спросил Сергей.

— Да.

— Где?

— Не решили еще.

— Давайте, в старой церкви. Там никто не помешает. — предложил Сергей.

— Она же заперта? — вспомнил Мирон.

— Это, для кого как. — уклончиво ответил Сергей. — Через два часа, идет?

— Хорошо. — сказала Соня.

— Хорошо. — согласился Мирон.

— Но смотрите мне. Если не сработает... Прирежу.

— Бабушка меня убьет! — обреченно вздохнул Мирон. Им с Соней, сколько они не старались, так и не удалось отыскать Боню. Корова, словно, испарилась.

— Не переживай. Завтра сама придет. — попробовала утешить его Соня.

— Надеюсь.

Они подходили к дому Мирона. На часах было около полуночи, и нужно было спешить в заброшенную церковь, для проведения магического ритуала по поиску Хромова старшего. У них оставалось совсем немного времени, чтобы отдохнуть и перекусить.

— Тебе не нужно забежать домой, взять бубен, или типа того? — спросил Мирон.

— Бубен — это у шаманов. — улыбнулась Соня. — Все что нужно я приготовила и оставила у тебя на веранде.

— Ты, получается, не сомневалась, что мы сегодня колдовать будем?

— Как услышала, что Олега не вернулся, сразу все собрала. Повезло, что успела из дома уйти, пока бабушки не было. Она бы меня не выпустила.

— Она не будет тебя искать? — спросил Мирон. Ему стало не по себе от мысли, что они могут встретиться с разозленной старухой-ведьмой.

— Не. Слишком гордая. Но когда домой приду, мне мало не покажется. На неделю запрет в доме, а то и на месяц. — беспечно ответила Соня.

Настя и Вероника ждали их, сидя на крыльце дома. Обе были одеты в теплые болоньевые куртки. Настя в черную, Вероника в ярко-красную. Рядом с Настей стоял ее вездесущий рюкзак, в котором, как догадывался Мирон, наверняка, было что-то съестное. Увидев подходящих друзей, девушки быстро встали и пошли им на встречу.

— Ну что? — спросила Вероника. — Получилось.

— И да, и нет. — ответил Мирон. — У нас есть нож Хромова, значит Соня, как она обещает, сможет найти его. Но нам придется взять с собой Сергея.

— Что?! — удивились девушки.

— В доме расскажем. Холодно. — сказала Соня.

Пока Соня, укутавшись в шаль бабушки Поли, рассказывала подробности их приключений, Мирон успел пожарить полную сковороду яиц и налить всем чай. Раздав девушкам кружки и вручив каждой по вилке, Мирон поставил горячую сковороду на журнальный столик, и принялся за еду.

— Вам не кажется, что это плохая идея? Брать с собой Сергея? — спросила Настя. — Мы же думали, что он заодно с отцом?

— Сергей говорит, что это не так. — быстро прожевав порцию обжигаяще горячих яиц, сказал Мирон. — Нам остается только довериться ему.

— Но почему?

— Потому, что сами мы с Хромовым не справимся. Трое мужчин с ним не справились. Отец Вероники сколько раз в него выстрелил? Два? Он терминатор что ли? — рассуждал Мирон. — Ну допустим, он приврал, и не попал в Хромова, а только задел слегка...

— Отец бы не стал врать! — возмутилась Вероника.

— Тем более. Как мы его ловить будем? Без оружия? — спросил Мирон и, не дожидаясь ответа продолжил: — Вся надежда на переговоры. С Сергеем, он нас хотя бы выслушает. А одних, поубивает просто, и все.

— Серьезно? — удивилась Настя. — Разговаривать с ним будем? С убийцей?

— Либо так, либо ждем, когда его полиция найдет. — отрезал Мирон.

— А что мы ему скажем? — с сомнением в голосе спросила Вероника.

— Не думаю, что похищение Олега и Сланцева было запланированным. — сказал Мирон. — Скажем, что завтра за ним придут полицейские. Что ему нужно бежать. Если повезет, убедим его, что пленники для него будут обузой.

Все замолчали. Мирон сидел на полу перед остатками яиц и, лениво ковырял их вилкой. Настя с Вероникой, взявшись за руки, сидели на диване и о чем-то переглядывались. Соня, сидя в глубоком кресле, поплотнее укуталась в шаль и тяжело дышала. Она побледнела и выглядела нездорово.

— С тобой все хорошо, Соня? — спросила ее Вероника. — Ты не простыла? Дай температуру проверю.

Вероника подошла к Соне и приложила ладонь к ее лбу.

— Ты горячая. — беспокойно сказала она. — Тебе нужно полежать.

— Этот нож. — слабеющим голосом тихо сказала Соня, вытащив из-под шали руку с зажатым в ладони охотничьим ножом Хромова. — Он, словно, высасывает из меня энергию.

— Дай сюда! — сказал Мирон. Он подошел к Соне и забрал нож из ее руки. Повертев клинок в руках, Мирон, сказал: — Нож, как нож. Я ничего не чувствую.

— Нет, — настаивала Соня. — Он, будто, грязный. Темный.

— Хорошо. Я, тогда, подержу его пока у себя. — сказал Мирон и убрал нож за пояс.

В темноте ночи заброшенная церковь выглядела пугающе. Высокая, покосившаяся колокольня и шесть куполов, один большой и пять маленьких, складывались в зловещую фигуру, вытянувшего шею, дракона. Окна на первом этаже церкви были закрыты кованными решетками, большая деревянная, двустворчатая дверь рассохлась и покосилась.

На развалившемся, сгнившем крыльце, стоял Сергей, сжимая в руках монтировку.

— Наконец-то, — проворчал он и, повернувшись, ловким движением монтировкой, сорвал, висящий на двери замок. — Только после вас. — спясничал он, отойдя в сторону и склонившись в шутливом поклоне.

— Если ты давно нас ждешь, то почему сорвал замок только сейчас? — спросила Настя. — Хотел перед нами покрасоваться?

Мирон хмыкнул. Ему бы и в голову такое не пришло, но глядя на то, как смутился Сергей, он понимал, что Настя попала в цель своей догадкой.

Войдя внутрь, ребята оказались в просторном помещении, заставленном деревянными ящиками. Включив фонарики, они осветили ими обшарпанные стены с обвалившейся штукатуркой, прохудившуюся крышу, зияющую дырами, в которые легко мог бы провалиться человек, сгнивший, покрытый толстым слоем пыли пол.

— Церковь при СССР использовали как склад. — сказал Сергей.

Мирон подошел к одному из ящиков, крышка которого была сдвинута в сторону и посветил в него фонарем.

— Это что? — спросил он, достав из ящика продолговатый алюминиевый цилиндр.

— Деталь от сепаратора. — сказал Сергей. — Сливки от молока отделять.

— Я так и понял, что фигня какая-то. — сказал Мирон и положил цилиндр обратно в ящик.

В углу церкви стояла крутая деревянная лестница с высокими ступенями, ведущая на

колокольню. Соня подошла к ней и, осторожно, поднялась на первую ступеньку, проверяя выдержит ли та ее вес. Лестница закрипела, но с задачей справилась.

— Поднимемся наверх? — предложила она. — Может, там не так пыльно.

Все собрались под лестницей, не решаясь встать на ее ступени, пока Соня не поднимется до конца.

— Тут прикольно! — крикнула Соня, поднявшись на верх, — Поднимайтесь!

Второй подъем начала Вероника. Ей не хотелось пачкать руки о пыльные перила, поэтому поднималась она боком и очень медленно. Следом на верх быстро поднялась Настя.

— Ты первый. — сказал Мирон Сергею, не желая оставлять его у себя за спиной.

Сергей полез на верх, споткнулся об одну из верхних ступенек, и громко выругался.

— Все нормально? — крикнул ему Мирон.

— Да! Тут балка торчит, головой не треснись.

«Какая забота!» — злобно подумал Мирон, но, поднимаясь по лестнице, он сильно вжимал голову в плечи.

Лестница привела Мирона на колокольню. Небольшая восьмиугольная площадка, с высоким окном без стекол на каждой стене. Ветер, свободно обдувал колокольню, поэтому пыли на дощатом полу было заметно меньше, чем внизу. Колокола, ожидаемо, не оказалось на месте, наверное, пошел на переплавку.

— Смотри какая красота! — сказала Настя, подозвав Мирона к окну.

Окно находилось высоко над полом, и Насте приходилось вставать на цыпочки, чтобы посмотреть через него. Мирон подошел к ней сзади и, положив руки на подоконник, так чтобы Настя оказалась между них, заглянул через ее плечо.

Тучи ненадолго разошлись, давая дорогу яркому лунному свету, который искрился на поверхности Старого озера, лежащего далеко внизу. Была видна дамба, с растущей на ней кривой иргой, густой хвойный лес, на поляне перед которым, Олег с Сергеем, когда-то нашли совят внутри печки. Далеко на холме ярко светил окнами похожий на замок дом Сони.

— Красиво! — искренне сказал Мирон.

Настя обернулась и, улыбнувшись, неожиданно поцеловала его в щеку.

— Чем я заслужил? — спросил Мирон, смутившись.

— Не заслужил, — прошептала Настя. — Но, вдруг, потом возможности не будет.

— Будет. — уверенно сказал Мирон, взяв Настю за плечи и пристально глядя в ее темные, сверкающие в лунном свете, глаза.

— Голубки, — грубо прервал их Сергей. — У нас все готово уже, вас ждем.

Пока Мирон с Настей, забыв обо всех, стояли у окна, Вероника успела разложить на полу карту окрестностей, зажгла свечи и расставила их вокруг карты. Соня, опустившись на колени, разогревала какую-то маслянистую жидкость в стальной кружке на переносной газовой горелке. Она, что-то быстро и неразборчиво бормоча себе под нос, ломала в руках сухие листья и стебли сильно пахнущих трав и бросала их в начинающее закипать масло.

— Это что? — спросил Мирон, указав на карту. На ее верхней части, крупными буквами, сделанными из разноцветных блесток, было написано: «Малая родина».

— Это мой проект по географии. — смутилась Вероника. — В пятом классе задавали сделать доклад про родные места. Папа дал мне карту, а я украсила.

— Прикольно. — сказал Мирон.

— Да, да. Прикольно. Долго еще? — нетерпеливо заворчал Сергей.

Соня прервала свое бормотание и поднялась с пола. Вытянув рукав, и используя его как ухватку, она взяла в руку кружку с кипящим, испускающим сильный терпкий аромат, маслом и подошла к карте.

— Мирон, дай нож. — сказала она, протянув руку.

Получив нож от Мирона, Соня поморщилась, словно ей было неприятно держать его в руках. Опустив нож, лезвием вниз, в кружку, она поставила её в центр карты и села перед ней скрестив ноги.

— Сядьте по кругу и возьмитесь за руки. — скомандовала Соня.

Все начали рассаживаться. Мирон поменялся местами с Настей и оказался между ней и Сергеем. Ему не хотелось, чтобы Сергей держал за руку его девушку. Разместившись, они взяли за руки и, вопросительно, посмотрели на Соню.

— Руки не отпускать. — строго сказала она. — Звуков тоже лучше не издавать. Думайте о том, кого мы хотим найти.

— Глаза закрыть? — спросила Вероника.

— Как хочешь. — ответила Соня. — Начинаем.

Соня, беззвучно, зашевелила губами. Через мгновение, зрачки ее бешено задергались из стороны в сторону, словно у нее случился эпилептический припадок. Смотреть на нее было страшно, и, Мирон, поспешил отвести глаза в сторону.

«Владимир Хромов», — повторял он про себя, представляя отца Сергея таким, каким запомнил его на фотографии, показанной бабушкой Полей. Вдруг, сильный порыв ветра поднял в воздух пыль и мелкий мусор, валявшийся на колокольне. Карта затрепетала, прижатая стальной кружкой к полу. Масло в кружке начало кипеть еще активнее, чем когда оно стояло на горелке, пару минут назад. Мирон почувствовал, как Настина ладонь начинает вырываться из его руки, и сжал ее пальцы так сильно, что девушка всхлипнула.

Запах от трав, добавленных в масло, заполнил собой все пространство вокруг. Несмотря на то, что ветер не стихал, терпкий, сладкий аромат трав настойчиво лез в ноздри, вызывая головокружение. Бесшумный шепот Сони, сменился громким бормотанием. Зрачки ее закатились, сквозь дрожащие веки виднелись красные сеточки сосудов на белках глаз.

Мирону стало страшно. Он закрыл глаза и увидел перед собой обезображенное лицо Хромова. Тот невидящим взглядом озирался вокруг, быстро вертя головой. Его левая щека была разодрана. Неровные края рваной раны начинали подгнивать. Желтые зубы, видимые сквозь изуродованную щеку, были так плотно сжаты, что, казалось, сейчас рассыплются мелким песком.

Хромов заметил Мирона, и, перестав трясти головой, посмотрел прямо на него. Его, черные глаза смотрели на Мирона из-под густых бровей, не суля тому ничего хорошего.

— Я тебя знаю! — прокричал он, скрипучим голосом ожившего мертвеца. — Я тебя знаю!

Мирон в ужасе открыл глаза, и попытался встать на ноги, но Настя и Сергей крепко держали его за руки. От его неловкого движения, кружка с ножом и маслом, покачнулась, часть масла пролилось на карту и прожгло в ней дыру.

— Простите! — виновато сказал Мирон. — Простите, я не специально.

— Все нормально! Все получилось, — сказала Соня, как раз в тот момент, когда Сергей уже занес руку для подзатыльника неуклюжему союзнику.

— Правда? — недоверчиво спросили все хором.

— Смотрите. — Соня быстрым движением расправила карту, что было не сложно, так

как ветер тут же стих, и указала на прожжённое пятно. — Он там.

Все наклонились к карте чтобы лучше рассмотреть.

— Как-то не впечатляет. — сказал Сергей. — Просто дырка в карте.

— А ты фейерверков ждал? — съязвила Настя. — Главное, чтобы работало, а не впечатляло.

— А где это, вообще? — спросила Вероника, разглядывая пятно. — Дырка посреди леса... На таком масштабе мы ничего не найдем.

— Вот смотри. — Сергей указал пальцем на пунктирную линию рядом с отверстием. — Это железная дорога. Пойдем по ней, и выйдем куда нужно.

— Точно, — согласилась Вероника. — Ну что, пошли? — она вопросительно посмотрела на ребят.

Мирон вздрогнул, услышав предложение Вероники. Он не успел оправиться от того ужаса, который испытал, закрыв глаза и увидев лицо убийцы перед собой.

— Может, позовем кого-нибудь из взрослых? — с надеждой предложил он.

— Ага, и что скажем? Пошлите туда, куда масло капнуло? Не смеши, меня! — сказал Сергей.

— Он прав, нам никто не поверит. Нужно идти самим. — сказала Настя.

— И прямо сейчас. — настойчиво добавила Вероника. — Родители уже, наверняка нас ищут. И если увидят, посадят под замок.

— Но что мы будем делать, когда найдем их? — растерянно спросил Мирон.

— Попробуем договориться, как ты и предлагал. — сказала Соня.

Мирон начал часто, тяжело дышать, широко открывая рот.

— Что с тобой? — испугалась Настя.

Соня подошла к нему и крепко обняла, поглаживая спину между лопатками.

— Я уже такое видела, — сказала она, изумленно смотрящей на нее, Насте. — Сейчас успокоится.

Настя с бросила недоуменный взгляд на Веронику. Та растеряно пожала плечами, давая понять подруге, что та не сошла с ума, и у них на глазах и правда происходит что-то необычное.

Мирон успокоился, и Соня отпустила его.

— Спасибо. — сказал он, виновато посмотрев на Настю.

— У меня есть план. — вдруг, сказал Сергей. — Если ты так боишься идти, то вот, — он достал нож отца из стальной кружки и протянул его Мирону. — Сделаем вид, что я у вас в заложниках, и обменяем меня на Сланцева с Олегом. А я, потом, сам с отцом разберусь. Меня он не тронет.

— Ты уверен? — спросил Мирон.

Сергей кивнул.

— Хорошо, с твоим отцом, разобрались. Но идти ночью в лес не опасно? Если на нас медведь нападет, или волки? — продолжал упрячиться Мирон.

Сергей вздохнул, было видно, что ему становится тяжело сдерживать себя, чтобы не сорваться на крик.

— Там болото, крупного зверя нет. Одни утки, и змеи. — сказал он.

— Змеи! — хором вскрикнули Настя с Вероникой.

— Ужи, они безобидные. — быстро добавил Сергей.

— Ладно, уговорили. Выдвигаемся, — сдался Мирон.

Когда на колокольне остались только Настя с Мироном, девушка сказала:

— Понимаю, сейчас не время, но мне очень не понравилось, когда Соня полезла к тебе обниматься.

Мирон взял ее за предплечье, и притянул к себе.

— Я заметил, — сказал он. — Прости, у меня была паническая атака.

— Она говорила, что видела это раньше, — сказала Настя, оттолкнув Мирона, — Она и тогда тебя обнимала?

— Между нами ничего нет. Мне нравишься ты. — уже не в первый раз, сказал Насте Мирон. — Тебе не о чем переживать.

— Это я сама, как-нибудь, решу. — бросила Настя и спустилась вниз.

Оставшись один, Мирон подошел к окну. Тучи, вновь, спрятали луну, и не было видно ничего, кроме пугающей, холодной темноты. Мирон сделал глубокий вдох и сжал кулаки, чтобы унять дрожь в руках.

— Что ж, — сказал он в пустоту. — Ты меня знаешь, а я сегодня с тобой с тобой познакомлюсь.

Потушив свечи, Мирон спустился с колокольни.

Кошка, неподвижно сидела у спрятанного за густой травой входа в мышиную нору. Она ждала, когда хозяйка норы, осмелеет и высунется на поверхность, чтобы раздобыть себе немного еды. Кошка не шевелилась уже около часа, она замерзла и тело её онемело, но острый слух подсказывал ей, что мышь уже скребется на выходе. Сжавшись в тугий комок, кошка прыгнула на свою добычу, стоило той высунуть усатый нос из своей норки. Охота закончилась успешно.

Довольная, с теплой мышинной тушкой во рту, кошка возвращалась к месту, где прятала котят. Она окатилась уже второй раз за свою короткую жизнь, но предыдущий помет куда-то пропал, стоило ей отойти на хозяйскую кухню, попить воды из своей миски. Кошка поняла тогда, что в доме держать котят небезопасно, и не повторила своей ошибки. Когда пришло время, она ушла из теплого хозяйского дома сюда, на свалку, где нашла укромное местечко внутри опрокинутого комбайна. Здесь было холодно и сыро, еду приходилось добывать охотой, и никто не брал ее на колени, но зато, уходя на поиски пропитания, она была уверена, что, вернувшись, обнаружит котят там, где их оставила.

Что-то встревожило ее. Кошка замерла на месте, подняв голову над травой и беспокойно двигая ушами. Посторонние у ее логова! Она быстрой, бесшумной тенью промчалась через поле, поднялась на холм и увидела, как несколько человек, громко о чем-то разговаривая, стоят у ржавого комбайна. Кошка, начала осторожно красться в их сторону. Она видела, как один из них, подошел к комбайну и начал дергать за стальную трубы, пытаясь оторвать ее. Громкий, стальной лязг разлетался по округе.

Кошка вспомнила, что уже видела этих людей, несколько дней назад. Тогда с ними была собака, почувствовав запах которой, кошка от страха чуть было не лишилась одной из своих жизней.

Человеку все-таки удалось оторвать трубу, он сказал что-то своим спутникам с довольным видом, и вся толпа пошла вниз по склону. Они прошли в десяти сантиметрах от притаившейся в траве кошки, но не заметили ее.

Проводив людей недовольным взглядом, кошка подбежала к своему логову и, одним прыжком, оказалась внутри комбайна. Котята были на месте и, прижавшись друг к другу, мирно спали. Положив тушку мыши, кошка легла рядом и принялась вылизывать их.

— Объясни, зачем она тебе? — спросил Сергей, показав на ржавую трубу в руках Мирона. — Я же нож тебе дал.

— А если до драки дойдет? Хочешь, чтобы я на отца твоего с ножом кидался? — сказал Мирон. — Лучше трубой его огрею, живой хоть будет.

— Да и зарезали бы, не велика потеря! — зло сказала Вероника.

Настя толкнула подругу под локоть и кивнула в сторону Сергея.

— Прости, — немного смутившись сказал Вероника. — Просто, твой отец столько зла наделал...

— Знаю. — хмуро сказал Сергей. — И понимаю. Раньше не верил, что он виноват в смерти Маши, но сейчас... Сейчас, не знаю, что думать.

— Он же признался? — удивился Мирон. — Я в интернете читал.

— Я думал он себя оговорил, чтобы меньше дали. — пояснил Сергей. — Все из-за ее

бабки. — он указал на Соню.

Мирон вопросительно посмотрели на Соню. Девушка остановилось и, после недолгой паузы, сказала:

— Маша часто бывала у нас. Мы дружили с ней. Она рассказала мне, что Владимир ухаживает за ней, и обещает подать на развод, если та ответит ему взаимностью. — аккуратно подбирая слова рассказывала Соня. — Когда она пропала, я рассказала бабушке об этом. Она рассказала полиции.

— Ты поэтому приставал к ней? — спросил Мирон у Сергея.

Сергей кивнул, отведя глаза в сторону.

— Мама сразу поверила, что это отец Машу убил. Но я думал, что это от обиды, что он ей изменял. Я не верил, что он способен на такое. — сказал он, стараясь скрыть, как тяжело даются ему эти слова. — Я думал, что твоя бабушка оговорила отца. Похоже, я ошибался. Прости.

Соня ободряюще дотронулась до его плеча.

— Все хорошо.

Они подошли к лесной опушке. Мирон, идущий первым, остановился на границе леса, не решаясь вступить в него. Он чувствовал, что здесь, на поляне за ржавым полем, он находится в относительной безопасности. Что, войдя под ветви сосен, он окажется на вражеской территории, где его может ждать все что угодно. Судя по тому, что Мирон видел на лицах девушек, они чувствовали что-то похожее.

— Соня, с тобой все в порядке? — спросила девушку Настя. — Ты плохо выглядишь.

— Ритуалы отнимают много сил. — устало сказала Соня. — Давайте поторопимся, пока я совсем не скисла. — слабо улыбнулась она.

Мирон, услышав это, собрал всю свою решимость, и вошел в лес.

Знакомая дорога до поляны с бункером, ночью, заняла у них больше времени чем обычно. Мирон, шел медленно, освещая фонариком, включенным на телефоне, все вокруг. Сухие сосновые ветки, отходившие от стволов деревьев на уровне человеческого роста, норовили выколоть глаза зазевавшемуся путнику. Торчащие из земли корни готовы были ухватить небрежно поставленную ногу и уронить растяпу на острую хвою. Мирон видел вокруг, вспыхивающие в темноте, огоньки, и воображал себе страшных зубастых хищником, со светящимися глазами, следивших за ними. Он помнил слова Сергея о том, что крупного зверя в этих лесах нет, и списывал эти огоньки на вспышки в, уставших от темноты, глазах.

Выйдя на поляну, Мирон остановился, чтобы дождаться остальных. Трава вокруг была основательно примята, на этом месте, наверное, с момента постройки бункера, не было столько людей, сколько побывало здесь за последние дни.

— Куда дальше? — спросил Мирон, когда остальные нагнали его.

— На север. — махнул рукой за спину Мирона Сергей. — Если я правильно посчитал, до железной дороги два километра по лесу. И по самой дороге, еще, три-четыре.

— То есть, часа полтора? — прикинул Мирон. Он посмотрел на начинающее светлеть небо, все также затянутое тучами, и перевел взгляд на своих спутников. Настя и Вероника держались бодро, Сергей тоже не подавал признаков усталости. Мирона беспокоила Соня. Она выглядела бледной и сильно уставшей. Он хотел предложить ей идти рядом с ним, чтобы она могла опираться на него, при необходимости, но вспомнил о словах Насти на колокольне и передумал. Ему не хотелось вызвать новый приступ ревности. — Сергей, поможешь Соне? — тихо спросил он.

Сергей молча подошел к девушке, и кивнул Миرونу, показывая, что присмотрит за ней. Соню, судя по ее лицу, подобная забота со стороны Сергея, не обрадовала, но она промолчала.

— Кто-нибудь хочет чай? У меня термос с собой. — предложила Настя, сняв со спины рюкзак. — Ну как хотите, а я выпью.

Она достала из рюкзака, небольшой, белый в красный горошек, термос и сняв глубокую крышку налила в нее немного чая. От крышки шел густой пар с соблазнительным запахом лимона. Мирон пожалел, что отказался от напитка, но решения своего менять не стал. Он видел себя лидером группы, а лидер должен быть последовательным.

— Идем. — сказал он, сразу как Настя надела рюкзак.

Как и раньше, Мирон шел первым, Настя и Вероника сразу за ним, Соня под присмотром Сергея в конце. Стало достаточно светло, и Мирон с облегчением убрал телефон в карман. Труба, которую он нес с собой, мешала ему, цепляясь за низкорастущие ветки и кусты, но, без необходимости освещать путь, идти стало заметно проще. Вместе с темнотой пропали и огоньки, которые Мирон принимал за светящиеся глаза животных. Если Сергей не ошибся в чтении карты, идти до места, указанного раскаленным маслом, было еще далеко, и мысли об этом успокаивали Мирона.

Начался долгий подъем на крутой склон. Хвоя была мокрой, после вчерашнего дождя, и ноги скользили на ней словно на льду. Один раз Миرونу даже пришлось опереться рукой о склон, чтобы не упасть. Он с беспокойством посматривал на Соню с Сергеем, которые сильно отстали от группы. Девушке этот подъем давался тяжелее всего, но Сергей взял ее под руку и следил, чтобы Соня не оступилась и не скатилась вниз.

У самой вершины холма, Миرونу на глаза попало кровавое пятно на земле, недалеко от толстой, изогнутой сосны. «Тут отец Вероники стрелял в Хромова?» — подумал он, но остальным показывать не стал, чтобы не задерживаться.

Окончив подъем, они быстро вышли к железнодорожным путям, заросшим кустами и молодыми деревьями. Мирон с разгона, вбежал на насыпь, к рельсам, и осмотрелся. На запад железная дорога шла прямо, насколько хватало глаз, на восток, она, через сотню метров, сворачивала в сторону севера. Мирон пошел туда, стараясь, каждым своим шагом, наступать на следующую шпалу, но, из-за большого расстояния между ними, ему приходилось широко расставлять ноги, и он быстро сдался.

Дойдя до поворота, Мирон почувствовал противный, гнилостный запах серы, принесенный порывом ветра.

— Болотом запахло. — услышал он голос Сергея далеко позади.

Стараясь не обращать внимания на вонь, он быстро шел вперед. С каждым шагом расстояние до цели уменьшалось, а тревога глубоко в груди нарастала. Сверившись со своими внутренними часами, Мирон, прикинул что идти оставалась не более двадцати минут, и нервно сглотнул. Он замедлил шаг, давая возможность друзьям догнать его.

— Смотри! — сказала подошедшая к нему Настя. — Видишь?

— Вижу, — остановившись, ответил Мирон. — Такой же бункер, что на поляне. Только... больше.

В ста метрах от них, слева от железной дороги, из высокого поросшего сухой травой холма торчали бетонные стены бункера.

Вдруг, из кустов справа от них донесся какой-то шорох. Все вздрогнули и обернулись на шум, замерев в нерешительности. Продираясь сквозь густо поросшие, колючие кусты, к ним

выбежала собака Сони. Шерсть на ней свалялась, покрылась грязью и обросла колтунами. Собака, высунув язык, подбежала к хозяйке и уткнувшись ей в ногу, подставила голову для поглаживания.

— Она как здесь? — спросил Мирон.

— Я отправляла ее с Олегом. — сказала Соня, почесав собаку за ухом. — Приказала не отходить от него. Если она здесь, значит и он где-то рядом.

— Понятно где. Там! — Мирон указал в сторону бункера. — Сколько их здесь понастроили? И зачем?

— Кто его знает. — протянул Сергей. — Если они еще тоннелями между собой связаны, представляете, сколько это сил и денег? Капец!

Они медленно подошли к бункеру, остановившись пере распахнутой дверью, точно такой же, как та, что закрывала проход в бункер на поляне.

— Мы вдвоем, с Сергеем, внутрь пойдем, а вы тут подождите. Если не вернемся через тридцать минут — бегите домой и приведите сюда полицию, когда та объявится. — командным тоном сказал Мирон.

— Я тут не останусь! — сказала Вероника. — Там мой парень, я пойду его спасать! И вы меня не остановите!

— Я тогда тоже не останусь! — сказала Настя.

— И я! — поддержала их Соня.

— Так, ты точно никуда не идешь! — строго сказал Мирон Соне. — Ты вон, на ногах еле стоишь. Тебя вообще нужно домой отправить! Если нам убежать придется, ты чего делать будешь? — он повернулся к Насте с Вероникой и добавил. — Оставайтесь с ней, не глупите. Сейчас не как в прошлый раз, когда мы думали, что никого не встретим. Он точно там.

— Я все равно пойду! — настаивала на своем Вероника. — Настя останется, да?

— Хорошо, — недовольно сказала Настя. — Но, если через полчаса не вернетесь, я за вами полезу.

Мирон, обреченно, вздохнул. Все-таки ему не хватало авторитета, чтобы заставить их делать то, что он говорит. Он решил, что спорить дальше бессмысленно и сказал:

— Ладно, Вероника пойдет с нами. Но, Настя, если что, беги в деревню. Прошу.

Поколебавшись мгновение, Настя, нехотя, согласилась.

— Соня, веди сюда собаку, у меня для нее колбаса есть. — сказала она, сняв рюкзак. — Чего стоите? Быстрее войдете, быстрее выйдете.

Всем было страшно, но никто не хотел этого показывать.

Мирон собирался пойти первым, но Сергей остановил его.

— Лучше, пусть меня сначала увидит. — сказал он и вошел в бункер.

Прошло уже двадцать минут, как ребята Сергей, Мирон и Вероника скрылись в бункере. Соня сидела перед дверью, обнимая собаку за шею, и всматривалась в длинный, темный тоннель.

— Чай хочешь? — спросила ее Настя.

Соня покачала головой.

— Для кого тащила только его, спрашивается? — заворчала Настя.

— Я, думала, для Олега и участкового? — повернулась к ней Соня.

— А, ну да.

Настя начала ходить взад-вперед за спиной у Сони и, нервно, щелкала пальцами.

— Перестань, пожалуйста. — попросила ее Соня. — Я так ничего не услышу.

— Что ты хочешь услышать? — не поняла Настя.

— Скорее, боюсь услышать.

Настя остановилась за спиной Сони и пристально посмотрела на ее затылок. Она понимала, насколько неподходящий сейчас момент для тех слов, которые собиралась сказать, но ревность, разъедающая ее изнутри, не оставляла ей выбора.

— Соня, как ты относишься к Миرونу? — стараясь звучать беззаботно, спросила она.

— Он хороший. — ответила Соня, не почувствовав угрозы. — Помогает нам, хотя Машу даже не знал. И с Олегом познакомился совсем недавно. Его ничто не обязывает быть здесь, но он с нами. Это смело.

— Хромов, возможно на его деда напал. — напомнила Настя.

— Да, но дед Егор в порядке, а Мирон не похож на человека, который будет рисковать жизнью ради мести. Он делает это, чтобы больше никто не пострадал. Мне так кажется.

Слова Сони окончательно убедили Настю, она набрала воздуха в грудь и быстро произнесла:

— Соня, я хочу, чтобы, когда все это закончится, ты больше не виделась с Мироном.

Соня, прищурившись, посмотрела на Настю.

— Ревнуешь? — спросила она. — Зря. В этом плане, он мне совсем не нравится.

— Он мне тоже самое говорит. Но, я вижу, что это не так. Он мне нравится, и...

Из бункера донесся страшный металлический звук.

— Что это? — вздрогнула Настя. Она направилась ко входу в бункер, с явным намерением войти внутрь.

— Стой! Ты же обещала Миرونу, ждать их здесь. — сказала Соня. Она поднялась чтобы перегородить путь, но пошатнувшись упала на землю.

— Что с тобой? — склонилась над ней Настя. — Это из-за ритуала?

— Да, и нет. — скривившись ответила Соня. — Это место... Оно какое-то темное. Оно, будто, высасывает из меня силы.

— Как нож Хромова?

Соня кивнула.

— Прости, но я должна посмотреть, что там случилось. — сказала Настя и направилась к бункеру.

— Стой! — крикнула Соня. — Не оставляй меня одну.

— Ты с собакой, она за тобой присмотрит. — ответила Настя. Войдя в бункер, она обернулась, чтобы бросить последний взгляд на девушку, которую считала соперницей, и замерла на месте.

За спиной Сони, из леса, вышла фигура в грязной оборванной одежде. Собака вскочила на лапы и занялась истошным лаем. Фигура медленно двигалась в их сторону. Ноги у Насти онемели, и отказывались слушаться. Её передернуло, когда она смогла разглядеть изуродованное, искривленное злобной ухмылкой лицо Хромова. Девушка стукнула кулаком себя по бедру, пытаясь снять охватившее ее оцепенение. Она выбежала из бункера и встала между сидящей на земле Соней и, приближающимся к ним, убийцей.

Собака сорвалась с места и кинулась на Хромова, пытаясь зубами добраться до его шеи. Тот, резким движением отбросил ее в сторону. Раздался хруст ломающихся костей. Упав на шпалы, собака попыталась подняться на лапы, не смогла и, жалобно, заскулила.

— Не подходи! — закричала Настя. — Мирон! Мирон, он здесь! Сергей! Вероника! Кто-

нибудь!!! Не подходи!

Соня, лежащая у ее ног, что-то быстро зашептала, чертя на земле незнакомые Насте символы. Хромов, увидев это, ускорил шаг и уже через мгновение оказался прямо перед ними. Он схватил Настю за горло и, подняв воздух одной рукой, отбросил в сторону.

— Знакомые рисунки, — прошипел он, склонившись над Соней. — Давно не виделись.

— Помогите! — успела прокричать Соня, перед тем как грязные, мозолистые руки с сорванными ногтями, закрыли ей рот. Она впилась в них зубами, и отчаянно задержала ногами пытаясь пнуть Хромова. Силы быстро покидали ее. Соня чувствовала, что теряет сознание.

С момента, как Сергей, Мирон и Вероника зашли в бункер, прошло ровно полчаса.

— Лучше, пусть меня сначала увидит. — сказал Сергей и первым вошел в бункер.

Мирон пропустил вперед Веронику и вошел в тоннель последним.

Этот бункер мало чем отличался от того, что был на поляне. Тот же длинный, темный тоннель с бетонными стенами. Мирон направил, включенный не телефоне фонарик под ноги, и увидел широкие кривые борозды в пыли на полу.

— Тащили кого-то... — тихо сказал он.

Вероника всхлипнула.

— Давай быстрее! — прошептала она Сергею. — Я чувствую, Олег где-то там.

Они ускорили шаг. Вскоре, лучи света от их фонарей, вырвали из темноты еще одну стальную дверь в конце тоннеля. Сергей остановился перед ней, не спеша братья за толстую, стальную ручку.

— Чего там? — нетерпеливо спросил Мирон. — Заперто?

— Нет. — сказал Сергей. Он повернулся к своим спутникам. — Мирон, достань нож и иди сразу за мной. Как встретим отца, я попробую с ним договориться. Если почувствуешь, что что-то идет не так, представляй нож мне к горлу, и требуй отдать Сланцева с Олегом в обмен на меня. Понял?

Мирон кивнул и подошел ближе к Сергею, оставив Веронику у себя за спиной.

— Вероника, держи себя в руках. Если увидишь Олега не беги к нему, чтобы не спровоцировать отца, хорошо? — продолжил раздавать инструкции Хромов младший.

— Ладно. — проворчала Вероника. — Идем уже!

Сергей открыл дверь и вошел внутрь. Мирон с Вероникой последовали за ним.

За дверью тоннель тянулся далеко вперед. Мирон видел еле заметное, голубое свечение, исходящее от крошечных пылинок, парящих в затхлом воздухе бункера. Они дошли до места, где справа, в бетонной стене тоннеля был проход. Ответвление представляло собой точно такой-же темный коридор, только без светящейся пыли в воздухе.

— Куда? — спросил Сергей, не решаясь сам выбрать путь.

— Давай прямо. — сказал Мирон и легонько подтолкнул его в спину.

Вскоре они дошли до еще одного ответвления, потом до следующего, но продолжали идти по главному тоннелю не сворачивая. С каждым пройденным метром свечение становилось ярче, и, вскоре, они решили выключить, ставшие бесполезными фонари.

— Как в том бункере. — сказала Вероника. — Только там мох светился, а здесь будто бы воздух сам светится.

— Вы уже такое видели? — тихо спросил Сергей, обернувшись.

Мирон кивнул.

— Нужно было противогазы брать, или респираторы хотя бы. Эта пыль, радиоактивная похоже. — проворчал Сергей.

— Не обязательно. Растения часто светятся в темноте. — сказал Мирон. — Думаю, там впереди целые заросли того мха, что мы видели раньше. А это споры его в воздухе летают.

— Я такого раньше не видел. — сказал Сергей и, натянув рукав свитера на ладонь, прикрыл ей рот. — На химиотерапии мне потом поподробнее расскажешь, о том, как растения светятся? — с издевкой спросил он.

Мирон промолчал, а Вероника, посмотрев на Сергея, натянула до самого носа воротник

своей куртки.

Они прошли по тоннелю уже около километра. Мирон не мог понять, кому и зачем, понадобилось строить такую огромную сеть подземных коридоров, и почему все это осталось заброшенным. Когда начало казаться, что они никогда не дойдут до конца, ребята увидели перед собой еще одну дверь. Она была приоткрыта на половину, и, сквозь щель, лился яркий голубой свет.

Сергей заглянул в проем первым.

— Что там? — с тревогой спросил Мирон.

— Комната какая-то. — тихо ответил Сергей. — Все мхом поросло, как ты и говорил. — добавил он обернувшись.

Подростки, стараясь не создавать шума, вошли в приоткрытую дверь. Они оказались в большом, круглом зале, на стенах которого густо порос светящийся синим мох. В центре зала находился бассейн, заполненный водой, в потолке над ним было большое круглое отверстие, сквозь которое виднелся кусочек серого, пасмурного неба.

Мирон присмотрелся и увидел, что в нескольких метрах от него, в пыли неподвижно лежит человеческое тело. Он сощурился, и смог разглядеть полицейскую форму. «Сланцев!» — догадался Мирон. Он быстро подошел к участковому и склонился над ним.

— Мертв. — сказал он. — И похоже давно.

— Олег! — вскрикнула Вероника, и, оббежав бассейн, упала на колени возле стены.

Мирон с Сергеем подбежали к ней и увидели Олега, который, без сознания, сидел на полу, прислоненный спиной к стене. Светящийся мох пророс сквозь рукава на его куртке и туго переплетался у него на груди. Лицо его было бледным, глаза, очерченные черными кругами, провалились, губы посинели и потрескались.

— Олег, родной! — громко шептала Вероника, глядя ладонями голову своего парня. — Проснись, прошу тебя! Мы тебя нашли, все будет хорошо только проснись.

Олег не реагировал.

— Дайка я попробую. — сказал Сергей и, присев перед старым другом, звонко ударил его ладонью по щеке.

Олег застонал и, с трудом, открыл глаза.

— Олег, любимый! Ты живой! Живой! — радовалась Вероника. Она бросилась на грудь парню, отчего у того начался приступ кашля.

Мирон, пока его спутники приводили Олега в чувство, подошел к бассейну и заглянул в него. Он чувствовал непреодолимое желание дотронуться до прозрачной, зеленоватой воды. Мирон присел на, выступающий над полом, борт бассейна и потянулся к воде.

— Не трогай! — страшно закричал Олег, наконец справившись с кашлем, но было поздно.

Едва дотронувшись до поверхности воды, Мирон почувствовал, как что-то схватило его и, с силой, потянуло вниз. Рухнув в воду, он, в ужасе размахивая руками, пытался ухватиться за край бассейна. Сквозь плеск воды, Мирон слышал, как тяжелая стальная дверь, через которую они вошли, хлопнулась с громким стальным звоном. Что-то схватило его за ноги и начало топить. Мирон погрузился под воду и почувствовал, как тонкие холодные пальцы сжимаются на его шее. Он видел светящуюся поверхность воды на расстоянии вытянутой руки над собой. Мирон изо всех начал дергать ногами, пытаясь вырваться. Его легкие требовали немедленно сделать вдох, наказывая за неповиновение острой болью в груди. Он увидел искаженные фигуры друзей, склонившихся над водой. Протянув к ним руку, Мирон

закричал, прося о помощи. Его собственный крик отчаяния, под водой, отдавался в ушах далеким, глухим гулом. В глазах начало темнеть. Через мгновения, весь мир вокруг, перестал существовать для Мирона.

«Я умер?» — подумал он.

Открыв глаза, Мирон, обнаружил себя лежащим на пыльном бетонном полу, недалеко от бассейна, в котором, только что, чуть не утонул. Он попытался вдохнуть, но легкие ответили на эту попытку острой болью, и Мирон скрючился в кашле, отхаркивая холодную, тухлую воду. Через минуту, когда ему удалось немного отдышаться, он смог поднять голову и осмотреться.

В глазах у Мирона двоилось, но он смог разглядеть, что Сергей и Вероника теперь сидели у стены, рядом с Олегом, густо опутанные светящимся мхом. Все трое были без сознания.

— Что... случилось?.. — прохрипел он, усердно моргая, в попытках вернуть остроту зрения.

Мирон пополз по холодному бетонному полу в сторону друзей, обдирая кожу на руках о валявшиеся повсюду мелкие камни. Он прополз совсем немного, когда почувствовал, как маленькая, холодная нога наступила ему между лопаток, вдавливая в пол.

— Куда собрался? — услышал он женский голос у себя над головой.

Единственная дверь, ведущая в зал, открылась, и Мирон увидел в проходе, Хромова, с перекинутой через правое плечо Соней. Пройдя внутрь, Хромов, небрежно бросил девушку на пол. Мирон видел, как та, сильно ударила головой, при падении, но не издала ни звука. Рядом с Соней, Хромов, так же небрежно кинул Настю, которую тянул за собой волоком, держа за ногу.

— Ты урод! — крикнул Мирон. — Я убью тебя! Слышишь?! Не смей их трогать, тварь!

Сильный удар ногой в ребра выбил из груди Мирона весь воздух, и он снова закашлялся. Встав на корточки, он попытался подняться, но новый удар опрокинул его на пол. Мирон перевернулся на спину и смог разглядеть своего обидчика.

Над ним стояла высокая девушка, с бледной, прозрачной кожей. Ее глаза и вены на шее светились синим цветом. Губы были черными, мокрые волосы, редкими клочьями торчали из практически лысой головы. Несмотря на все это, Мирон, видел, что девушка когда-то была очень красива. У нее были длинные стройные ноги, узкая талия и широкие бедра. Она была одета в разорванную ночную рубашку, которая туго обтягивала ее высокую грудь.

— Маша? — не веря своим глазам, сказал Мирон.

Девушка громко рассмеялась, запрокинув голову. Ее смех заставил Мирона поежиться.

— Что происходит? — растеряно спросил Мирон.

— Молодец. — сказала девушка, повернувшись к Хромову. — Положи этих, — она пнула лежащую у ее ног Соню, — к остальным. И оставь нас. Я позову, когда ты понадобишься.

Хромов, легко поднял девушек, взяв по одной в каждую руку, и отнес их к стене. Затем он, сильно пошатываясь, направился к двери. Мирон видел, что его движения были неловкие, словно механические. Хромов вышел, с громким стуком, закрыв за собой дверь.

— Итак, мы одни! — сказала девушка, безумно улыбаясь и потирая руки. — Я тебя не знаю, а откуда ты знаешь ее? — спросила она, указав пальцем себе на лицо.

— Я не понимаю... — прошептал Мирон.

— Громче! — прокричала девушка. — Говори громче! В этих ушах почти не осталось живых нервов, я туговат на ухо.

«Туговат?» — подумал Мирон. — «Она ошиблась, или специально говорит о себе в мужском роде?»

— Мы не знакомы. — сказал Мирон, настолько громко, насколько ему позволили, продолжающие гореть болью легкие. — Я видел твоё фото в интернете.

— Интернет! Я знаю про интернет! — радостно прокричала девушка. Она отвела глаза в сторону, словно что-то вспоминая. — Продолжай.

— Я не понимаю. Маша, почему ты жива? Почему ты с Хромовым? Его же посадили за то, что он тебя убил? — растерянно спросил Мирон.

— Я не «Маша». — скривилась девушка. — Неужели непонятно?

— А кто ты?

— Сам не знаю.

Мирон, медленно присел, опершись спиной о борт бассейна. Он забегал глазами по помещению, в поисках выхода из этой передрыги. В двух метрах от него на полу лежала труба, которую он бросил, когда подходил к бассейну, чтобы дотронуться до воды. «Слишком далеко» — подумал Мирон. У него в заднем кармане оставался нож Хромова, «Подойдет, и всажу ей в шею. Неважно, Маша она или кто-то еще». — решил он, незаметно нащупав рукоять ножа у себя за спиной.

— Зачем тебе мы? — спросил Мирон. «Нужно отвлечь её, пока не приду в себя» — думал он.

— Хотел сменить тушку. — сказала девушка, пожав плечами. — Но вы не подходите. Я думал — это, потому что вы ещё живые, но в этого — она кивнула в сторону, лежащего на полу, тела Сланцева — тоже не получилось залезть. Можно ещё в этих двух девчонок попробовать, но мне кажется, я понял в чем дело.

У Мирона, наконец, перестало двоиться в глазах. Он старался внимательно слушать, что говорит ему эта странная девушка, похожая на оживший труп, и судя по всему, именно им она и была.

— Ох, стоит мне выбраться из воды как это тело начинает разваливаться. Смотри! — оживший труп провел рукой по щеке и показал Мирону кусочки шелушащейся кожи. — У меня мало времени, поэтому слушай. Я появился здесь, глубоко под землей. Слышишь гул? Это мой отец, я не знаю, что он такое, а в голове этой дурехи, — он снова указал пальцем себе на лицо, — я нашел только слово «механизм». Ещё «агрегат», но «механизм» мне нравится больше. Так вот, этот механизм создал меня, много лет назад. Я годами был заперт в нем, пока вода не промыла брешь в его защите. Тогда я смог ненадолго покинуть его. Через грунтовые воды, я попадал на болота, где мне, иногда, удавалось завладеть телом какой-нибудь крысы или змеи. Тогда я немного узнавал о мире, в котором оказался. Ты не представляешь, какие крысы тупые. Они не знают ничего кроме голода и страха. Однажды мне попало это тело. Это не первый человеческий труп, который я нашел на болоте, но впервые я смог влезть в него. Это был, просто, фейерверк! Столько информации информации! Я был счастлив! Маша, как я теперь понимаю, была не далекой девушкой. У меня постоянно появляются вопросы, на которые у нее нет ответов. Но она много думала о судьбе. Она считала, что ей уготовано великое будущее, что у нее есть предназначение. И она, отчасти, была права. Ее предназначение, стать моим временнымместищем. А вот уже меня, ждут действительно великие дела. Я рожден изменить этот

мир. Но посмотри, она разваливается! Мне нужен кто-то, кто еще не начал гнить. И ты поможешь мне в этом. А иначе, я убью твоих друзей.

Мирон часто заморгал, пытаясь осознать то, что только что услышал. Перед ним, распространяя вокруг себя противный запах тухлятины, стоял новый, разумный, живой организм, новая сущность. Сущность, которая могла управлять телами других существ, даже если жизнь уже покинула их.

«Ему нужна моя помощь? Он хочет вселиться в меня?» — пронеслась мысль в голове Мирона.

— Нет! — прокричал он. — Лучше сдохнуть!

Мирон выхватил нож из-за спины и попытался ударить им себя в грудь. Нож, выбитый из его рук, зазвенел о бетонный пол, отлетев в сторону. Тело, когда-то принадлежавшее Маше, девушке, которую все любили, схватило его за грудки и подняло над полом.

— Я не договорил!

Оживший труп, швырнул Мирона в стену. Он больно ударился затылком о бетон, и сполз на пол. В глазах заплывали разноцветные круги, к горлу подступила тошнота.

— Я не договорил. — повторили губы Маши. — Мне не нужно твое тело, если ты так подумал. Я уже попробовал залезть в тебя, ничего не выходит. Но, думаю, я разобрался в чем дело. Маша, все-таки, была особенной девушкой. И мне нужно тело, такого же особенного человека. И я знаю одного. В этой голове, все время вертится одна мысль. Это мысль, доставляет мне страшное неудобство. Мне от нее грустно. Это мысль о ее брате. Он называет себя Чарли. Если то, что я нашел в голове этой дуреки, о генах правдиво, то он должен мне подойти. Приведи мне его, и я отпущу твоих друзей.

Мирон посмотрел на Паразита, а именно так он решил называть существо, стоящее перед ним. «Чарли, ему нужен Чарли. А ведь может сработать» — размышлял он. «Если Паразит может вселяться только в людей с определенными генетическими мутациями, то шанс, что у Чарли они такие же, как у его сестры, довольно высок».

— Что ты будешь делать, если найдешь себе новое тело? — спросил Мирон.

— Уйду. — ответил Паразит. — Вы больше никогда не увидите меня.

— Куда?

— Искать ответы, на вопросы, что у меня есть.

Мирон задумался. Он посмотрел на своих друзей, лежащих у стены, без сознания. «Четыре жизни, за одну» — думал он.

— Что будет с Чарли? Он умрет, когда ты вселишься в него?

— Не знаю. Однажды, я залез в еще живую лягушку, ее сознание не исчезло, оно пыталось меня выгнать из своего крохотного мозга. Возможно, с Чарли будет так же.

«Быть пленником в собственном теле, вот на что я обрекаю невинного ребенка, если сделаю то, что он от меня хочет» — размышлял Мирон. — «Чарли не заслужил подобного».

— Я согласен. — сказал Мирон. «Сейчас, главное выбраться отсюда живым, а там, что-нибудь придумаю».

— Я очень рад! — сказал Паразит, скривив Машино лицо неестественной, пугающей улыбкой. — У тебя один день. Потом, я начну убивать твоих друзей, по одному. Начну с нее. — Паразит подошел к лежащей без сознания Насте и пнул ее в бедро. — Судя по ужасу в твоих глазах, я правильно выбрал с кого начать. — рассмеялся Паразит.

Он подошел к Мирону и, схватив его за плечо, поставил на ноги. Паразит отряхнул пыль с одежды парня и, развернув его в сторону двери, прошептал на ухо:

— Поторопись. Твои друзья, надеются на тебя. — он подтолкнул Мирона к выходу. — И позови мне того урода, что ждет за дверью!

Мирон вышел в открывшуюся дверь и, закрыв ее за собой, прижался лбом к ее холодному металлу. Все его тело дрожало от страха и перенапряжения.

«Что делать? Что же мне делать?!» — в паники кричал он про себя.

Мирон почувствовал хриплое дыхание у себя за спиной. Обернувшись, он, в голубом свечении, парящей в воздухе, пыли, увидел изуродованное лицо Хромова, прямо перед своим носом. Его горячее дыхание пахло тухлыми яйцами, а глаза слабо светились голубым.

— Он управляет тобой! — догадался Мирон. Пожевав губами, он вспомнил об их с друзьями первоначальном плане, и обратился к Хромову. — Там твой сын! Ты позволишь этой твари убить его? Помоги мне, и мы спасем его!

— Я должен делать только то, что приказывает хозяин. — бездушным голосом ответил Хромов.

«Нет, он мне не поможет», — подумал Мирон.

— Твой хозяин, хочет тебя видеть. — сказал Мирон и поспешил прочь из бункера.

Глава 13

Мирон пробовал бежать, но боль в груди заставила его перейти на шаг. Мысль о том, что он не знает, где нужно сворачивать с железной дороги и идти в лес, спровоцировала новый приступ паники. Он остановился, согнувшись, уперся в свои колени и часто, тяжело задышал.

Перед его глазами стояло безжизненное лицо участкового Сланцева, с пустыми, остекленевшими глазами и безвольно открытым ртом. Когда Мирон нашел тело полицейского, у него не было времени думать об этом. Но сейчас, находясь в относительной безопасности, он вспомнил, как год назад, откинув одеяло с постели матери, он наткнулся на точно такой же пугающе пустой взгляд.

Голова закружилась, и Мирон упал на одно колено. Мелкая щебенка, из которой была сделана подложка под рельсы, больно впиалась острыми краями в кожу. Боль отвлекла Мирона от страшных мыслей, и вернула в реальность.

«Что делать?» — размышлял он. — «Нужно обратиться за помощью. Но кто мне поверит? С другой стороны, зачем рассказывать про Паразита? Можно рассказать, что ребят держит в заложниках Хромов, и это не будет ложью. Но если у полиции не будет полной информации, они не смогут, как следует, подготовиться... Нет. Нужно действовать самому. Для начала найду Чарли, а дальше, что-нибудь придумаю».

Мирон прошел по железной дороге еще несколько метров и решил, что пора сворачивать в лес. Вступив под низкие ветви сосен, он практически сразу понял, что идет не той дорогой по которой они шли к бункеру. «Буду двигаться на юг, и выйду к деревне» — решил он. Он спустился по крутому склону и быстро пошел между деревьев, надеясь, что не заблудится.

Тучи рассеялись, яркие солнечные лучи пробивались сквозь хвою и освещали ему путь. Мирон сильно вспотел и снял куртку и свитер, оставшись в одной футболке. Пройдя через небольшую поляну, он поднял и утянул за собой рой назойливой мошкеры, которая лезла в глаза, уши и ноздри. «Еще и клещей нацепляю» — подумал Мирон, и остановился, чтобы заправить джинсы в носки.

За его спиной громко треснула сухая ветка. Мирон вздрогнул, но сколько он не всматривался в пространство между деревьями, он не мог разглядеть причину напугавшего его звука.

Удаляясь от бункера, где в заложниках у неизвестной науке формы жизни остались его друзья, он, понемногу, успокаивался. Страх за собственную жизнь сменился переживанием за судьбы друзей. Навалилась усталость. Мирон не спал уже больше суток, глаза начинали слипаться, а голова становилась тяжелой. Встряхнув ей, чтобы взбодриться, Мирон почувствовал острую боль в затылке и вспомнил, что сильно ударился им, когда Паразит швырнул его о стену. Проведя пальцами по волосам, он обнаружил на них бледно розовые капельки крови. «Если бы рана была глубокой, кровь была бы гуще и темнее. Похоже, просто кожу содрал» — подумал он.

Лес неожиданно закончился. Мирон стоял на высоком, земляном обрыве над рекой. Он с облегчением выдохнул. «Пройду вниз по течению и окажусь на ржавом поле, а там и до деревни недалеко».

Берег реки зарос кустарником и травой. Мирон медленно прорывался сквозь заросли, с

беспокойством думая о том, что теряет время, отведенное ему Паразитом на поиски Чарли. Добравшись до ржавого поля, он перешел на бег, уже не обращая внимания на острую боль в легких.

В деревне, пробегая мимо дома культуры, Мирон заметил несколько полицейских машин, припаркованных рядом. Двое мужчин в форме стояли у крыльца и щелкали семечки, сплевывая шелуху себе под ноги.

— Парень! — окрикнул Мирона один из них. — Подойди!

Мирона бросило в дрожь. Он медленно, еле передвигая онемевшими ногами, шел к полицейским.

«Что мне им сказать?» — думал он. — «Рассказать обо всем, и доверить жизни ребят полиции? Нет. Паразит их всех поубивает. Они и с обычными людьми справиться не могут, когда те заложников берут, а тут иная форма жизни. Как они с ней переговоры то вести будут? Нет. Ничего не расскажу! Но чего они хотят? Запрут и будут допрашивать? Я тогда не успею найти Чарли! Бежать? Они вообще знают, что это я рассказал Сланцеву где искать Хромова? Он успел им доложить?»

— Парень, где тут у вас сигареты купить можно? — спросил Мирона полицейский.

— Дальше по улице. — указав направление дрожащей рукой, ответил Мирон.

— Спасибо! — коснувшись козырька кепки сказал полицейский.

Мирон, медленно, сдерживаясь, чтобы не перейти на бег, пошел в сторону дома.

— Стой! — окрикнул его второй полицейский.

— Да?

— Ты чего такой напряженный? — подозрительно спросил он.

— Да, не все норм. — стараясь звучать естественно, ответил Мирон.

— Ты в курсе зачем мы здесь?

— Участкового, пропавшего ищите.

— Верно. Слышал, что про него? — не унимался дотошный полицейский.

Мирон отрицательно замотал головой.

— Не верю я тебе, пройдем ка с нами, поговоришь с начальством.

— Да отстань ты от пацана! — вмешался второй полицейский. — Хватить народ пугать.

Парень, иди куда шел.

Они начали спорить друг с другом, Мирон, не дожидаясь, кто выйдет победителем, побежал прочь. Свернув на улицу, ведущую к дому бабушки Поли, он оглянулся. Никто его не преследовал.

Возле дома, Мирона, ждал еще один неприятный сюрприз. На обочине стояла припаркованная машина отца.

— Черт! — выругался подросток.

Он только вошел во двор, когда на крыльце, в сопровождении бабушки Поли появился его отец.

— Тебя, где носит?! — грозно спросил Валерий. — Собирайся, я забираю тебя!

Мирон, не обращая внимания на отца, подошел к бабушке и спросил:

— Где дом Чарли?

— Вон, напротив, наискосок. — растерянно ответила она. — Внучик, ты где пропадал? Мы приехали, тебя нет. Соседка говорит, ты за Хромовым по лесам гоняешься? Почему телефон не брал?

Мирон не стал тратить время на разговоры с родней и направился к дому Чарли. У

калитки его нагнал отец и схватив за руку развернул к себе.

— Куда собрался? Тебя спрашивают, где был? Почему трубку не брал?

— Пусти! — попытался вырваться Мирон, но Валерий крепко держал его. — Пусти, мне нужно идти!

— Никуда ты не пойдешь, я сказал! Собирай вещи, мы едем в город!

— Нет! — закричал Мирон. Новая попытка вырваться ни к чему не привела. Тогда, он сжал левую руку в кулак и ударил отца в челюсть. Валерий пошатнулся, но не выпустил сына.

— Гаденьшь! — вскричал он. — На отца руку поднял!

Мужчина повалил сына на землю и, прижав коленом, вывернул руки за спину.

— Пусти! — кричал Мирон. — Я должен, должен идти!

От злости и беспомощности по щекам Мирона потекли слезы. Он брыкался, рискуя вывихнуть себе суставы и бешено тряс головой. Валерий схватил его за волосы на затылке и ткнул лицом в землю.

— Успокойся! — кричал он.

— Отпусти! Отпусти меня! — не унимался Мирон. — Мне нужно идти! Они рассчитывают на меня! Они ждут! Он убьет их! Понимаешь ты или нет?!

— Да что ты несешь?! Кто ждет? Кто кого убьет?!

— Валера, осторожнее! Руки ему ломаешь! — бабушка Поля бегала вокруг них, стараясь придумать, как успокоить мужчин. — Зайдем в дом, поговорим по-людски! Хватит сына мордой в землю тыкать!

Мирон предпринял еще одну попытку высвободиться. Он смог ударить, сидящего на нем отца пяткой в бок. Валерий взревел, от неожиданности. Мирон почувствовал, как кулак отца врежется в его правую почку.

— Убьешь! С ума сошел?! Убьешь его! — закричала бабушка Поля.

Валерий отпустил сына и встал на ноги. Мирон перевернулся на спину и, оставаясь лежать на земле, тяжело дышал.

— Посмотри на себя! — заговорил отец. — Оборванный весь, бледный, глаза красные, как у наркоши какого-то! Что происходит с тобой?!

— Я устал. — выдохнул Мирон. — Устал.

Он закрыл глаза и отключился.

Мирон проснулся и обнаружил себя лежащим на кровати в своей комнате в доме бабушки Поли. За окном было темно, сквозь приоткрытую дверь падал луч света от включенной на кухне лампочки.

— Зачем было так его колотить? — услышал Мирон голос бабушки.

— Говорю же, не знаю. Я просто озверел, когда он меня ударил. — отвечал отец.

Подкравшись к двери, Мирон заглянул в щель и увидел деда, отца и бабушку, сидящих за кухонным столом. Оглядевшись, Мирон нашел свою одежду на стуле рядом с кроватью. Он залез в карман джинсов, достал телефон, чтобы посмотреть сколько времени он был в отключке. Экран телефона был покрыт сетью трещин, на нажатия кнопок не реагировал.

«Блин! Блин! Сколько времени у меня осталось?» — думал Мирон. Он прислушался к своему телу. Мышцы дико болели, голова была тяжелой, от голода сводило живот.

— Ты правильно сделал, что приехал за ним. — прокряхтел дед. — Нечего ему по лесам шастать.

Мирон оделся и подошел к окну. Деревянная рама была закрыта на тугой шпингалет. Мирон медленно открыл его, следя за тем, чтобы не создавать шума. Он подцепил пальцами оконную раму и потянул на себя, но присохшая краска держала окно намертво. Мирон потянул сильнее. Окно начало поддаваться и, со скрипом, открылось. Мирон замер.

— Полина Николаевна, плесни еще чаю. Меня до сих пор трясет.

— Сейчас, сейчас.

«Не услышали» — догадался Мирон.

Вторая рама легко отворилась наружу.

Мирон вылез в окно. Пригнувшись, он прокрался мимо кухни и, обойдя дом, схватил дедовы галоши, стоящие на крыльце. Выйдя на улицу, он надел галоши на мокрые от ходьбы по влажной траве носки, и побежал к дому Чарли.

Мысли о том, сколько времени упущено впустую, не покидали его.

«Быстрее! Быстрее!» — повторял про себя Мирон.

Дом Чарли был кирпичный на две квартиры. Половина дома была покрыта новым, не успевшим почернеть от солнца и дождей шифером, со свежей краской на ставнях и аккуратным садом с цветочными клумбами под окнами. Вторая половина выглядела заброшенной, заросли крапивы перед домом, покосившиеся ворота, куча мусора на подъездной дорожке. Мирон, вспомнив рассказы ребят, о том, как родители Чарли переживали потерю дочери, подошел ко второй квартире.

Поднявшись по скрипучему крыльцу, он громко постучал в дверь. Ему открыл небритый мужчина в грязной белой майке и трениках с вытянутыми коленками, заправленных в носки.

— Ты кто? Чего тебе? — недружелюбно спросил он.

Мирон поморщился, от запаха перегара изо рта мужчины.

— Чарли дома?

Мужчина, пожевав потрескавшимися губами, смерил Мирона взглядом.

— Нету. Сбежал, гаденыш. — мужчина харкнул через плечо Мирона, и захлопнул дверь у него перед носом.

«Что теперь?» — Мирон не мог просто сдаться и вернуться с отцом в город, оставив друзей умирать. Искать Чарли, бродя по деревне, выглядело сомнительной идеей. — «Старуха! Она сможет найти Чарли, как Соня нашла Хромова!»

Мирон снова постучал в дверь.

— Чего тебе?! — высунулся в приоткрытую дверь пьяный мужик.

Мирон сильно дернул за ручку двери, мужчина, который опирался на дверь, упал на колени в проходе. Мирон перепрыгнул через него и прошел внутрь.

— Ты охренел?! — закричал мужчина. — Я ментов вызову!

Мирон, не обращая на него внимания, шел по коридору заглядывая в открытые двери, ища комнату Чарли. На кухне он увидел женщину, видимо, мать Чарли. Она спала, сидя за столом, положив руки себе под голову, прямо на грязные тарелки. Мирон прошел дальше. Следующая дверь вела в большую комнату с телевизором. Напротив, была комната с грудой тряпья, сваленной на полу и маленькой односпальной кроватью. Мирон зашел в комнату и огляделся. В куче вещей, он заметил грязную рваную майку, в которой видел Чарли. Схватив ее, Мирон пошел к выходу.

Путь ему перегородил, сумевший наконец-то встать на ноги, отец Чарли.

— Иди сюда, мелкий воришка! — вскричал он, протянув руки к подростку.

Мирон сделал шаг в сторону, и, не в силах удержать равновесие, пьяница вновь

повалился на пол. Мирон выбежал на улицу, хлопнув за собой дверь, и направился к дому старухи-ведьмы.

Стук в дверь, в тишине спустившийся на деревню ночи, волнами разлетелся по округе. Мирон сделал шаг назад, в ожидании, когда старуха откроет ему.

— Мне нужна ваша помощь! — прокричал он в приоткрывшуюся дверь.

— Уходи! — строго сказала старуха, высунув голову в щель.

Она попыталась закрыть дверь, но Мирон, одним прыжком, взлетев на крыльцо, успел просунуть ногу в проем.

— Нет, вы поможете мне. — настойчиво сказал он.

— Откуда столько наглости у молодежи? — возмутилась ведьма. — Проваливай, юноша! Я занята!

— Нет! Мне нужна ваша помощь. Соне нужна ваша помощь! Срочно!

— Соне? — переспросила старуха. — Ты знаешь где она? Говори?!

Она распахнула дверь и отошла в сторону, приглашая Мирона войти в дом. Мирон прошел прямо по коридору, в комнату, в которой настраивал компьютер для Сони, и обернувшись, ждал, когда хозяйка дома последует за ним.

— Я знаю где она. — сказал Мирон старухе. — И знаю, что, если, вы не поможете мне, вы больше не увидите внучку.

Мирон рассказал ведьме все, что случилось с ними за последние дни. Он не сомневался в том, что старуха поверит ему, ведь она занималась ворожбой, и рассказ о новом живом организме, который может управлять телами других существ, не должен был показаться ей бредом. По мере рассказа, Мирон видел, как на лице старухе, злость сменяется живым интересом.

— Ты говоришь, что этот Паразит, вселился в тело Маши? — спросила она с нездоровым блеском в глазах.

— Да.

— Очень интересно!

— Интересно? Вы меня слушали? Он убьет их! Убьет их всех, если я не приведу ему Чарли! Мне нужно чтобы вы нашли его! Вот, — он показал старухе зажатую в руке майку мальчика. — Воспользуйтесь ей, и найдите его! Чтобы я мог спасти друзей. Спаси Соню!

— Успокойся юноша. Я сама обо всем позабочусь. Идем.

Старуха повела Мирона по коридору, к закрытой двери без ручки.

— То, что ты мне рассказал, это потрясающе. Это, открывает перед мной целую россыпь новых, удивительных возможностей, юноша. Входи.

Старуха кивнула в сторону двери. Мирон не видел, чтобы она толкала ее, или делала что-то еще, но дверь медленно отварила. Из открытого проема повеяло сильным запахом сухих трав и медицинского спирта.

Мирон прошел сквозь открытую дверь в темную комнату. Когда его глаза привыкли к сумраку, он увидел в центре комнаты большой длинный стол. На столе, связанный широкими кожаными ремнями, лежал Чарли. Он был раздет до плавок, из его рук, ног и груди, торчали прозрачные резиновые трубки, наполненные кровью. Мирон склонился над Чарли, не веря тому, что видит.

— Какого ... здесь происходит? — ошеломленно спросил он, вошедшую вслед за ним старуху. — Ты откачиваешь из него кровь?! Зачем тебе его кровь?! — закричал Мирон.

Он прикоснулся ладонями к бледному лицу мальчика. Живой! Пытаясь развязать туго стянутые ремни, Мирон не заметил, как старуха взяла в руки, стоящее в углу ружье и направила на него.

— Отойди от него, юноша. — сказала она.

Мирон не обратил на нее внимания. Тогда ведьма, ударила прикладом ему по голове и сбила его с ног. Перед глазами у Мирона заплывали разноцветные круги, к которым он уже начинал привыкать. Он откашлялся и тяжело поднялся на ноги, держась за голову.

— Зачем? — спросил он старуху, глядя в дуло направленного в его лицо ружья. — Зачем вам это?

— У некоторых моих клиентов, скажем так, специфические потребности. Садись! — приказала она, указав на большой деревянный стул со стальными кандалами на подлокотниках.

Стоило Мирону сесть на стул, как кандалы, со звоном, захлопнулись у него на запястьях.

«Что происходит в этой чертовой деревне?!» — гневно подумал он.

— Я не понимаю... Чарли... Похоже, что он при смерти. Вы собираетесь убить его, для своего клиента? Зачем? Я не понимаю...

Старуха отложила ружье в сторону, и встала перед Миронем, опершись о стол позади себя.

— У детей, куча жизненной энергии, юноша. Чарли, — старуха посмотрела через плечо на привязанного к столу мальчика. — Он здесь никому не нужен. Но с его помощью, я смогу помочь хорошим... важным людям. И не нужно так на меня смотреть. Ты, сам, собирался отдать его тело какому-то монстру, в обмен на своих друзей.

— Нет! — Мирон активно замотал головой. — Нет, я не собирался отдавать его. Я бы придумал, что-нибудь. Я бы что-нибудь придумал.

— Продолжай обманывать себя, юноша. Я видела решимость в твоих глазах. Ты отдал бы Чарли на верную смерть и не моргнул бы. Так что, не сильно мы и отличаемся, юноша. — старуха рассмеялась.

От удара прикладом у Мирона сильно кружилась голова. Перед глазами все плыло. Запах трав и медицинского спирта не давал дышать. Мирона стошнило прямо себе на колени.

— Ох, юноша! — вздохнула старуха. — Теперь, мне придется убирать за тобой.

— А как же Соня? Она тоже умрет, если мы не отдадим Чарли Паразиту. — откашлявшись, сказал Мирон.

— Как видишь, Чарли немного занят.

— Ваш клиент, для вас, дороже внуки?!

— Нет, конечно, нет. Я вытащу ее отсюда. Причем, займусь этим прямо сейчас. А ты мне в этом поможешь.

— Не буду я тебе помогать, ведьма! — прорычал Мирон. — Лучше сдохнуть!

— Собственно, именно это, мне от тебя и нужно. — произнесла старуха. Она подошла к, стоящему у стены, комоду и достала из его ящика большой покрытой ржавчиной нож. — Я заплачу твоей жизнью, одному своему знакомому, который вернет мне внуку, юноша.

Старуха шла к Мирону с ножом в руках.

«Теперь-то, я точно покойник» — неожиданно спокойно подумал он. Мирон попытался вырваться из кандалов, но они не поддавались.

— Стой! — крикнул он старухе. — Скажи, остальных твой знакомый, тоже спасет?

— Боюсь, тебя одного не хватит, чтобы заплатить за всех, юноша. — сказал старуха Софья, замахнувшись ножом.

В этот момент, стекла в окне, задернутом плотными шторами, с громким звоном разлетелись на мелкие осколки. Путаясь в длинных шторах, в комнату ввалился крупный мужчина в грязной, изодранной одежде.

«Хромов!» — узнал его Мирон. — «Похоже, Паразит отправил его, следить за мной».

Владимир, бросив попытки выпутаться, сорвал шторы вместе с карнизом и двинулся в сторону старухи. Ведьма, оцепеневшая при виде незваного гостя, пришла в себя и с криком бросилась на Хромова. Она, глубоко вонзила нож в ключицу убийцы и толкнула его на пол. Лезвие, застрявшее в кости Хромова, заставило старуху выпустить нож. Ведьма побежала вокруг стола к ружью, но Хромов, перехватил ее и, схватив за шею ударил головой о стену. Старуха медленно осела на пол. В том месте, где она приложилось головой, на стене, осталось большое кровавое пятно.

Кандалы на запястьях Мирона расстегнулись. Он поднялся со стула и, прижимаясь к стене, начал заходить Владимиру за спину. Хромов, сорвал с лежащего на столе Чарли, связывающие мальчика ремни, и начал, по одной, отсоединять от него резиновые трубки.

Мирон прыгнул на шею Хромова, схватился за рукоять, торчащего из него ножа, и, повернув, вынул его из ключицы. Продолжая висеть на убийце, Мирон наносил колющие удары по шее и груди Владимира. Взревев, Хромов скинул Мирона с себя, и, пинком сапога отправил к стене.

Мирона снова стошнило. Он вытер рот тыльной стороной ладони и попытался подняться. Хромов схватил его за горло и, подняв над полом, прижал к стене на уровне своих глаз.

Мирон смотрел в темные, обведенные черными кругами глаза Хромова. Он видел, как в глубине зрачков Владимира проскакивают синие искры. Пальцы на его горле сжимались все туже. В ушах появился и, с каждой секундой, становился громче, глухой низкий гул.

«Нет, ну теперь-то, я совершенно точно покойник!» — подумал Мирон.

Владимир Хромов не всегда был монстром.

Он родился с пучком тонких черных волос на макушке, шокировав акушерку двумя крохотными зубками на нижней челюсти.

— Тридцать лет работаю, никогда такого не видела! — удивлялась акушерка, передавая кричащего младенца в руки матери. — Хищник, какой-то!

Владимир рос болезненным ребенком. Первые три года жизни, они, с матерью, провели в больницах. Он страдал от аллергии и астмы, постоянно температурил. Когда мальчику исполнилось четыре года, отец Владимира, Глеб, решил, что хватит таскаться с ним. Ему надоело, большую часть времени быть одному, при живой жене. «Если надо, поправится без врачей» — сказал он. Ксения, мать мальчика, пыталась сопротивляться воле мужа, но, под давлением свекрови, быстро сдалась. Она убедила себя, что и сама сможет позаботиться о ребенке, не хуже докторов. Через год у них с Глебом родилась дочь, которую они назвали Светланой. Ксения больше не могла уделять все свое время сыну. Он стал много бродить один по округе, и, может, от свежего воздуха, а, может, само собой, астма отступила, и сыпь сошла с его кожи, выступая только ранней весной, на пару недель.

В одну из таких прогулок, Владимир встретил Вику. Девочка, его ровесница, жила на другой стороне деревни. Заметив незнакомого мальчика, Вика бесстрашно побежала к нему навстречу. Большой желтый бант на ее короткой косичке бил ее по лицу во время бега, отчего девочка громко смеялась.

— Ты чей? — спросила Вика.

— Хломов, я. — Владимиру тогда еще не давалась буква «р».

— А как зовут?

— Вова.

— Будешь моим другом, Вова? — Вика улыбнулась и протянула ему свою маленькую ладошку.

Владимир долго смотрел на ее руку. У него раньше не было друзей, ему нужно было время, чтобы решить, подходит ли это веселая девочка на роль его первого друга. Вика, показалась Владимиру, слишком шумной, но упустить такой шанс, он все же не решился и крепко сжал ее влажную ладонь.

— Буду!

— Ура! — прокричала девочка. — Смотри, чего покажу!

Вика, присев прямо на дорогу, спустила серый носок и показала новому другу, засохший на щиколотке, струп.

— Это я на свинье пыталась прокатиться. — гордо сказала Вика. — Хочешь сковырнуть?

— А можно? — спросил Владимир. — Тебе не будет больно?

— Потерплю! Давай!

Владимир подцепил струп ногтем и сорвал его с щиколотки, обнажив круглую красную ранку. Дети, увлеченно, смотрели, как в ранке собралась капелька крови и покатилась вниз к носку. Вика стерла ее пальцем, и сунула его под нос Владимиру.

— Боишься крови? — спросила она, своим специальным, низким, хрипящим голосом, который считала страшным.

Владимир замотал головой.

— Молодец! Пошли, покажу тебе свинью, которая меня сбросила. Подержишь ее, пока я забираться на нее буду.

С того момента, Владимир, все свободное время проводил с Викой. Она познакомила его с другими детьми, которые плохо приняли мальчика. Они смеялись над его неуклюжестью, неумением произносить букву «р», над его робким характером. Семен, самый крупный мальчик в их компании, больше всех досаждал Владимиру. Он отвечивал ему подзатыльник, каждый раз, когда тот оказывался на расстоянии вытянутой руки. Дразнил его, запирал в деревянном уличном туалете, в самые жаркие летние дни, когда в нем, и с открытой дверью, дышать было тяжело. Часто валил Владимир на землю, выкручивал руки и садился сверху.

— Вырывайся! — приказывал он, и громко смеялся, когда Владимир начинал дергаться под ним.

— Дай ему в нос. — советовал Владимиру отец. — Покажи, что не будешь этого терпеть, и он отстанет.

Но маленькому, не успевшему окрепнуть после детских болячек, Владимиру, было слишком страшно лезть в драку с таким здоровым мальчишкой.

— Не водись с ним. — советовала ему мать. — Если он тебя задирает, просто перестань с ним играть.

Но Семен был лидером в их маленькой шайке. Прекратить общение с ним, означало перестать дружить со всеми, включая Вику. Владимир не мог представить для себя ничего страшнее этого.

Он продолжал терпеть издевательства Семена несколько лет, пока однажды, отец Вики не смастерил для нее воздушного змея. Склеенный из тонких деревянных прутьев и газеты, с длинным красивым хвостом из синей атласной ленты, змей притягивал взгляды всей местной детворы, когда Вика шла по улице, торжественно неся его в руках, прямо перед собой. Дети собрались вокруг девочки, были даже ребята постарше, которые в другие дни, пренебрегали общением с малышкой. Среди этой толпы были и Владимир с Семеном.

— Красивый! — сказал Владимир, широко распахнутыми глазами глядя на змея. — Запустим?

— Не, ветра нет. — грустно вздохнула Вика.

— Пошлите на холм, там всегда ветер есть! — предложил кто-то из детей.

Все зашумели, уговаривая Вику пойти на холм. Девочка согласилась, и ребятня, с Семеном во главе процессии, двинулась в сторону холма по недавно построенной дамбе.

— Скоро здесь озеро будет. — сказал Семен, глядя на глубокий овраг, слева от дамбы.

— Мама сказала, что это будет пруд, а не озеро. — нерешительно возразил Владимир.

— А мне папка сказал, что озеро! — настаивал Семен. — Он зам председателя колхоза, а мамка твоя — дура безработная!

Владимир заскрипел зубами. Он хотел стукнуть Семена, за то, что тот обозвал его мать, но не решился.

Детвора, поднявшись на холм, проходила мимо двухэтажного деревянного дома. Все притихли. Дети знали, что бабка, живущая в этом доме, была ведьмой. Родители часто пугали своих детей тем, что отведут их к ней, если они будут плохо себя вести и та превратит их в лягушек. Даже ребята постарше, которые никогда бы не признались, что верят в это, прекратили свои разговоры и, опасливо поглядывали в сторону страшного дома.

За ведьминым домом начиналось широкое поле, заросшее луговой травой. Ветер, внезапными порывами, пронесся над ним, сгибая послушные стебли, расходился волнами и стихал, чтобы через мгновение, вновь, появиться и затухнуть. Дети прошли в поле, на почтительное расстояние от страшного дома, и его страшной хозяйки. Вика, протянула змея Владимиру и сказала:

— Отходи, пока веревка не натянется. — она показала катушку с намотанной на нее тонкой капроновой ниткой.

Владимир был польщен, что она выбрала его для такого ответственного задания. Он побежал со змеем в руках, и, уже через пару шагов, споткнулся о кочку. Владимир повалился на землю, успев в последний момент развернуться и упасть на спину, чтобы не сломать воздушного змея подруги.

— Вот, растяпа! — закричали дети.

— Дай сюда! — сказал Семен, вырвав змея из рук Владимира. — Ничего тебе доверить нельзя!

Семен, без происшествий, отнес змея на достаточное расстояние и поднял над головой. Дождавшись, когда очередной порыв ветра врезался в пожелтевшую газету, что служила парусом змею, Вика приказала Семену разжать пальцы. Змей резко взвил в небо, сдерживаемый натянутой нитью. Яркое летнее солнце, заставило газету светиться мягким теплым цветом, атласные ленты красиво развевались на ветру. Дети, восторженно закричали и попадали на землю, чтобы было удобнее смотреть на первый полет их новой, любимой игрушки. Вика водила катушкой из стороны в сторону, змей повторял ее движения в воздухе. Девочка была бы абсолютно счастлива, если бы не печальный вид Владимира, который отвернувшись ото всех сидел на земле, обняв свои острые коленки.

— Вова, — ласково сказала Вика, подойдя к другу. — Хочешь поуправлять?

Мальчик посмотрел на нее с глазами полными недоверия и благодарности.

— Правда? — сказал он, поднявшись. — Можно?

— Конечно! — Вика протянула ему катушку.

— Нет! Он упустит! — закричал Семен и побежал к ним.

Ровно в тот момент, когда Владимир уже сжимал пальцы на переданной ему катушке, Семен ударил его по руке и змей, опьяненный внезапно обретенной свободой, взмыл высоко в небо. Катушка покатила по земле, разматывая, остававшуюся на ней капроновую нить. Семен бежал за ней, пытаясь схватить, но нить закончилась, и катушка взлетела в воздух вслед за змеем.

— Я же говорил! — раздосадовано сказал Семен. — Нашла кому доверить...

— Что ты говорил?! — взвизгнул Владимир. — Ты же сам у меня из рук ее выбил?!

Семен подошел к мальчику в упор и стукнул его головой в нос.

— Повтори, что сказал?! — грозно сказал он.

Из носа Владимира, на его, дрожащую от страха, верхнюю губу, начала стекать тонкая струйка крови. Ребенок, скованный ужасом, смотрел на стоящего перед ним задиру, в бессильной ярости сжимая крошечные кулаки.

— Смотри, сейчас кинется! — сказал кто-то из ребят постарше.

Дети обступили мальчишек, в предвкушении драки.

— Не... струсит. — услышал Владимир чей-то голос.

— Да ну, неужели стерпит?

— Вовка, давай! Втащи ему! — крикнул кто-то. Владимир, решил было, что это попытка

поддерживать его, но быстро понял, что его подначивали, в надежде посмотреть на драку. Он хотел убежать, но не мог сделать это на глазах у всей деревенской детворы. «Может, он не будет меня сильно бить?» — подумал Владимир. — «Стукнет разок, и все. Зато трусом считать не будут». Он сделал шаг в перед, показывая, что готов к драке, но Вика встала между ним и Семеном.

— Отстань от него, Семен! — крикнула она. — Это я змея упустила. Никто из вас не виноват. Пошли Вова!

Она взяла друга за руку и вывела из круга разочарованных детей.

— Почему ты все время с ним ссоришься?! — заговорила Вика, когда они отошли достаточно далеко, чтобы их никто не услышал. — Я не смогу заступаться за тебя каждый раз. Когда-нибудь он поколотит тебя.

— А никто не просил тебя заступаться! — грубо ответил Владимир. — Сам бы справился.

Он вырвал свою руку из ее ладони и, надувшись, пошел в нескольких метрах от нее. Обиженные друг на друга, они, не сговариваясь, отправились в сторону, в которую улетел воздушный змей, надеясь найти его целым. Дойдя до дома старухи-ведьмы, Вика подошла к мальчику и дернула его за рукав футболки.

— Смотри! — указала она в сторону дома.

На втором этаже, зацепившись за край крыши своим атласным хвостом, висел воздушный змей, болтаясь перед балконным окном.

— Все, нету у меня больше змея! — обреченно сказала Вика. — Папа ругаться будет. Он так долго его делал. Говорил мне, чтобы я без него не запускала. А я не утерпела.

Толпа ребятишек, во главе с Семеном, нагнала Владимира с Викой.

— Чего стоите? — спросил Семен. Он проследил за взглядом Владимира. — Понятно. Все, нету больше змея!

— Нет! — сказал Владимир. — Я его заберу!

— Ага, и как же? Будешь бабку Софью просить? Кишка тонка! — поддел его Семен.

— Ничего не тонка! — сжал кулаки Владимир.

— Вова, не ходи, она тебя заколдует! — испуганно прошептала Вика.

— Враки все это! Она — обычная старуха! — прокричал Владимир и пошел в сторону дома.

Подойдя к распахнутой калитке, мальчик замер, пристально вглядываясь, в деревянную дверь дома.

«Струсит, никуда он не пойдет!» — шептались дети у него за спиной.

Владимир стоял, крепко стиснув зубы, не решаясь войти во двор страшного дома. Время, казалось, остановилось. Шепоты за его спиной заглушил нарастающий гул крови в ушах. Владимир глубоко дышал, собираясь с духом, не отводя взгляда от двери.

— Пошли домой, — робко сказала Вика, взяв его за руку.

— Нет, я сейчас... — начал было Владимир, обернувшись. Он увидел, что они с Викой остались одни, ребята давно ушли по своим делам, устав ждать, когда он решиться сделать хотя бы шаг.

— Пошли. Ты уже час стоишь, таращишься. Но это ничего, мне тоже, страшно туда идти. — опустив глаза сказала Вика.

— Ты тоже думаешь, что я испугался?! — с обидой в голосе сказал мальчик.

— Пошли домой. — повторила Вика.

Владимир замотал головой.

— Как знаешь. — девочка, не оборачиваясь, медленно пошла в сторону дома, оставив Владимира одного.

Обиженный уходом подруги, который он счел предательством, Владимир, заходил кругами у калитки страшного дома.

— Думает я трусил! А сама то?! Сама то! Шмелей боится и кузнечиков, а меня трусом считает! — бубнил он себе под нос. — А я сделаю! Заберу у ведьмы змея и суну ей под нос! «Смотри!» скажу ей, «Кто теперь трус?!»

Раззадорившись, Владимир, сам не заметил, как уже стучал в дверь страшного ведьминного дома. Опомившись, он вжал голову в плечи и собрался бежать, но дверь со скрипом отворилась. На крыльцо вышла высокая сухая старуха в вязанном жилете и смерила мальчика презрительным взглядом.

— Долго же ты собирался духом, чтобы постучать в мою дверь, дитя. — сказала она низким, глубоким голосом, с еле уловимой насмешкой. — Я наблюдала за тобой.

— Наблюдали? — тонким, дрожащим голосом спросил Владимир.

— У меня не так много развлечений, дитя. Ты заинтересовал меня, — протянула старуха. — Кто, тот толстый мальчик, что досаждал тебе? Как его зовут?

— Вы про Семена? Он же не толстый. — удивился Владимир.

— Толстый! — настаивала ведьма, — Просто еще не знает об этом. А как зовут ту красивую девочку, что отговаривала тебя идти ко мне?

— А зачем вам? — осторожно спросил мальчик. Он не хотел называть старухе имя подруги, потому что боялся, что тогда она сможет навести на нее порчу.

— Она тебя погубит, дитя. Приведет тебя, в такие места, где тебе ни за что не хотелось бы оказаться.

— Враки! Она хорошая! Она мой друг! — разозлился Владимир.

Старуха, сощурившись, внимательно посмотрела в покрасневшее от злости лицо мальчика.

— Что тебе нужно, дитя? — спросила она холодно.

— Викин воздушный змей зацепился за ваш дом. — сказал Владимир, и тут же сморщился. «Балда! Теперь она знает Викино имя, и сможет заколдовать ее!» — Можно его забрать?

Старуха наклонилась, так что ее лицо оказалось напротив лица Владимира, и, глядя ему прямо в глаза сказала:

— Воздушный змей, это ведь не то, что тебе по-настоящему нужно, дитя. И это, самое меньшее, что ты можешь от меня получить. По твоим глазам, я вижу, что ты пришел ко мне за уважением, за силой, которая не позволит никому, обращаться с тобой так, как тот толстый, вредный мальчишка. И я дам тебе это, если ты будешь достаточно смелым, чтобы принять мой дар. Идем, дитя.

Старуха взяла опешившего Владимира за плечи и повела на задний двор. Там, среди зарослей крапивы паслась мелкая белая курица, клевавшая попадавших ей на глаза муравьев. Рядом стояла березовая чурка, с воткнутым в нее топориком. Чурка и топор были покрыты высохшей кровью.

— Ты, когда-нибудь, рубил головы курам? — спросила мальчика ведьма.

Владимир отрицательно покачал головой.

— Но ты видел, как это делается?

— Один раз. Мама попросила отца зарубить курицу к ужину. И я подглядывал.

— Тебе было интересно?

Мальчик кивнул.

— Что ты тогда почувствовал?

— Я испугался.

— Если хочешь, чтобы тебя боялись, также, как ты тогда боялся, отруби голову этой курице. — зловеще прошептала старуха ему на ухо. — Иди сюда! — строго сказала она, глядя на курицу. Та замерла, подняв голову, и с испуганным видом пошла в их сторону, будто бы против своей воли.

Старуха взяла курицу в руки и положила ее голову на чурку.

— Смелее, дитя. Один храбрый поступок, сегодня и всю твою жизнь, все дети будут бояться тебя. — успокаивающим тоном сказала она Владимиру.

— Но зачем убивать ее? — жалобно спросил он ведьму.

— За свой страх, ты платишь своей гордостью, — сказала старуха. — За чужой, нужно платить кровью.

Владимир внимательно посмотрел ведьме в глаза. Что-то внутри него щелкнуло в тот момент. Ему было жаль курицу, он не хотел причинять ей зла, но мысль о том, что это избавит его от издевательств Семена, не отпускала мальчика. Как тогда, когда он сам не заметил, как постучал в дверь страшного дома старухи, так и сейчас, он не понял как топор оказался в его руке. Мгновение, и обезглавленная курица уже бежала через двор, разбрызгивая густую темно красную кровь во все стороны. Это зрелище привело Владимира в ужас, он отбросил топор и закрыл лицо руками.

— Молодец, дитя. — услышал он голос старухи. — Запомни этот страх. Запомни это чувство. Теперь, одно твоё желание, и твои маленькие враги будут чувствовать такой же ужас.

Учеба в средней школе тяжело давалась Владимиру. Он еще раз посмотрел на свои записи, с тоской вспоминая, как в начальных классах их учили счету на маленьких пластиковых палочках. Тогда казалось, что все обучение в школе пройдет без особых хлопот. Если бы не помощь Вики, он бы уже остался на второй год. В последние несколько месяцев он часто приходил к ней после школы, чтобы позаниматься. В этот вечер, он вновь был у нее.

— Ребята, может вам чай заварить? — спросила Полина Николаевна, заглянув в комнату дочери.

— Нет, спасибо. — ответил Владимир, оторвавшись от своих тетрадей, в беспорядке разбросанных на столе.

— Не нужно. — поддержала его Вика.

Девушка лежала на спине, закинув ноги на стальную трубу в подножье кровати. Когда Полина Николаевна вернулась на кухню, Вика встала, чтобы прикрыть за ней дверь.

— Ну что там у тебя? Сошелся ответ? — спросила она Владимира, встав у него за спиной.

— Вообще нет.

Вика бросила взгляд на его записи и ткнув в них пальцем, сказала:

— Тут знак должен поменяться, при переносе. Мы же на прошлой неделе, это уже проходили!

— Да ладно, ты, не сердись. — примирительным тоном сказал Владимир. — Сейчас переделаю.

Он зачеркнул неверное решение и принялся записывать пример заново.

За окном мела метель. Снег, вперемишку со льдом, стучал об оконное стекло. Короткий зимний день уже закончился и на деревню опустились сумерки. С утра, по радио, обещали морозы, Полина Николаевна сильно натопила печь, но прогноз не оправдался, и в комнате было душно.

— Я упарилась! — вздохнула Вика, она оттянула воротник футболки и подула себе на грудь. — Вся мокрая. Отвернись, я сменю футболку.

Владимир послушно отвернулся. На столе стояло маленькое, круглое зеркальце, и он видел, в его отражении, как Вика встала перед открытым шкафом и, взявшись пальцами за край футболки быстрым движением стянула ее через голову. Владимир смотрел на ее тощую, бледную спину, с родинками на лопатках. Он почувствовал, как сердце его забилось чаще, дыхание стало тяжелым и шумным. Он никогда не думал о Вике, как о девушке, до этого момента, ему стало стыдно от своих мыслей. Владимир заставил себя отвести глаза от зеркала.

— Ну что? Получилось? — спросила Вика снова подойдя к нему. — Ты опять знак не поменял! — с нескрываемым раздражением в голосе сказала она. — Ты меня совсем не слушаешь что ли?

В ту ночь Владимир долго не мог заснуть, представляя подругу, с голым торсом, стоящую к нему спиной. Он без конца думал о том, чтобы он увидел, повернись она тогда к нему.

Неделю спустя, в доме культуры проводили вечер танцев, приуроченный к приближающемуся новому году. Всех учащихся старших классов обязали присутствовать, потому что перед началом вечера должен был выступить председатель колхоза с посланием для молодежи. Актный зал дома культуры украсили бумажными гирляндами, которые третьеклашки вырезали на уроках труда из цветного картона. В центре зала установили высокую елку, усыпанную самодельными снежинками и стеклянными шарами.

Владимир любил бывать на подобных мероприятиях. После истории с воздушным змеем и курицей, дети стали бояться его, как и обещала старуха. Поначалу это смущало мальчика, он переживал, что любое его резкое движение или неосторожный взгляд, заставляло вздрагивать ребят с которыми он хотел подружиться. Но довольно быстро он научился получать от этого удовольствие. Стал увереннее и нахальнее. Позволял себе говорить и делать то, на что раньше никогда бы не решился. Дети начали ровняться на него. Они объясняли себе случившиеся с ним перемены тем, что разглядели в нем внутреннюю силу, о которой не догадывались прежде. Воспользовавшись своим влиянием, Владимир превратил Семена в изгоя, с которым никто не хотел дружить, и даже сидеть за одной партой. Некогда популярный парень, сын высокопоставленного отца, стал затюканным зажатым ребенком, который все время сидел дома и редко выходил на улицу.

Магия старухи не распространилась на Вику. Она не изменила своего отношения к Владимиру, и осталась единственным человеком в его окружении, который мог открыто не соглашаться с ним. Единственным человеком, чье мнение имело для него значение. Их дружба сильно мешала девушке. Она вошла в тот возраст, когда ей хотелось внимания от мальчиков, принимать их ухаживания, выслушивать признания в любви и симпатии. Но страх перед Владимиром, ее самым близким другом, отбивал охоту у всех потенциальных

ухажеров. А их было не мало. В свои пятнадцать лет Вика превратилась в красивую, улыбочивую девушку, о которой мечтали все деревенские мальчишки.

Отслушав со скучающим видом обязательную программу, помимо председателя выступил хор, исполнивший пару новогодних песен и один гимн, посвященный неизбежной победе коммунизма, ребята расселись на скамейках, расставленных вдоль стен. Все ждали, когда приглушат свет и включат музыку.

Всю неделю Владимир думал о том, как пригласит Вику на танец. Девушка стояла с подружками у стены напротив него, в модном, черном платье-свитере с большим розовым цветком на груди и широким поясом из кожзаменителя, подчеркивающим тонкую талию. Вокруг Владимира собрались его подпевалы, пытаясь привлечь его внимание веселыми историями и остротами. За их спинами, с испуганным видом, стояла девочка, учащаяся на год младше. В скромном ситцевом платье в горошек, с большими пластиковыми кольцами сережек в ушах, она выглядела немного нелепо. Протиснувшись сквозь парней, она обратилась к Владимиру:

— Привет, Вова. Хочешь, потанцевать? — неуверенно спросила она, нервно перебирая в руках поясok платья.

— Привет, Марин. Спасибо, но я не танцую. — ответил Владимир.

Расстроенная девушка быстро пошла через зал, под крики и смех окружавших Владимира парней.

Вика, заметив это, с недовольным видом подошла к ним.

— Это, что такое было? — строго спросила она твердым взглядом смотря Владимиру прямо в глаза. — Зачем издеваетесь над Маринкой?

— Мы не издеваемся! — возразил Владимир. — Она позвала меня на танец, я отказал. И все.

— Мог бы и потанцевать! — рассердилась Вика. — Не видел, что ли, как ей страшно тебя приглашать!

— Не мог! Почему я должен танцевать с той, с кем не хочу?

— Сложно что ли?

— Сложно! — выкрикнул Владимир, и смущенно добавил: — Может, я тебя хотел пригласить. Уже собирался подойти.

— А с чего ты решил, что я соглашусь?! — вызывающе спросила Вика.

Подпевалы Владимира в ужасе замерли. Подверженные магии старухи, они не могли представить, как кто-то может отказать их лидеру.

— Не согласишься? — спросил Владимир.

— Нет!

Парни громко зашептались между собой. Владимир сморщился, и взяв Вику под руку отвел ее в сторону.

— Ну зачем ты, у всех на глазах? — примиряюще начал он.

— А мне какое дело, где тебе отказывать?

— Вика, я думал мы друзья?

— Друзья. Но не больше. — отрезала Вика. Девушка развернулась и пошла назад к подругам.

— Бабы! — сказал кто-то из парней, когда Владимир вернулся к ним.

— А если, она с тобой танцевать не будет, можно мне ее позвать? — спросил Санек, высокий симпатичный парень, который давно заглядывался на Вику.

Владимир посмотрел на него из-под своих густых бровей. Он ожидал, что одного этого взгляда будет достаточно, чтобы Санек, понял, какую глупость спросил. Но тот выдержал его взгляд, и повторил вопрос.

— Нет, нельзя! — громко сказал ему Владимир.

— А почему? Мы же все видели, что она тебя отшила, дай другим счастье попытать.

Владимир опешил. Он отвык, от того, что кто-то спорит с ним. Кто-то кроме Вики.

— Я сказал, нельзя!

— Да и ладно! Мне твое разрешение не нужно!

Санек направился в сторону девчонок. Владимир вместе с остальными парнями смотрел, как Санек подошел к Вике и протянул ей руку. Когда девушка, бросив взгляд в их сторону, вложила свою ладонь в руку Саньку, Владимир почувствовал, как гнев закипает глубоко у него в груди. Он стоял, прожигая взглядом танцующих подростков, думая, что ему с этим делать. Песня закончилась, Санек обменялся с Викой парой фраз и, с грустным видом вернулся к парням.

— Сказала, что ей другой нравится. — пробубнил он.

— А кто, не сказала? — насели на него парни.

— Я тогда, следующий попробую! — кричал один.

— Нет, я первый сказал! — спорил другой.

— Вы что, охренели все?! — взревел Владимир, — Я же сказал, не лезть к ней! Она моя!

— Ну да, ну да. — отмахнулись от него ребята.

«Они больше не боятся меня?» — подумал Владимир в растерянности. Он выбежал на улицу, схватив по пути свое пальто, висящее на вешалке у выхода.

К дому старухи вела узкая, кривая тропа, вытопанная среди сугробов. Владимир так торопился, что пару раз оступался, по колено проваливаясь в рыхлый снег. Попавший в ботинки снег таял, носки промокли, ноги начинали мерзнуть.

Громко, постучав в дверь, Владимир сделал шаг назад, ожидая, когда старуха откроет ему. Дверь приоткрылась, в образовавшуюся щель высунулась морщинистая голова старухи.

— Давно не виделись, юноша. — сказала ведьма. — Какими судьбами?

— Ты обещала, что меня всегда будут бояться! — прокричал ей Владимир.

— Входи. — старуха ушла в глубь дома, оставив дверь открытой.

Владимир вошел внутрь, в темном коридоре он увидел закрытую деревянную дверь, без ручки, напротив, через пустой проем, было видно старуху, садящуюся за столом на кухне.

— Проходи. — сказала она, указав на пустой стул.

— Ты обещала, что меня всегда будут бояться! — повторил Владимир, садясь напротив ведьмы.

— Дети. Всегда будут бояться дети. Но твои друзья, уже не дети. Их страх не купишь, одной тощей курицей. — ухмыляясь говорила старуха. — Страх взрослого человека стоит намного дороже, чем ты можешь заплатить. Пока что.

— Что нужно сделать? — настойчиво спросил Владимир.

— Оставь. Тебе это не нужно. Ты пришел ко мне, не потому что вчерашние мальчишки перестали дрожать при виде тебя. Говори, что тебя привело ко мне на самом деле?

Владимир надолго замолчал, пытаясь разобраться в своих чувствах. Старуха была права. Утерянная власть над сверстниками не то, что волновало его сейчас. Страх, что Вика выберет кого-то другого, вот что заставило Владимира вновь прийти в страшный дом.

— Понятно. Любовь, значит. — протянула ведьма, когда Владимир поделился с ней

своими мыслями.

— Что мне сделать, чтобы Вика была со мной? — спросил Владимир.

— Убить. — коротко ответила старуха.

— Кого? Еще одну курицу? — с надеждой в голосе спросил подросток.

Старуха рассмеялась.

— Нет, юноша. Если хочешь любви, придется убить того, кто тебя любит. Есть кто на примете? — ведьма, криво улыбаясь, игриво подмигнула ему.

«Того, кто меня любит?» — повторил про себя Владимир. Перебрав в мыслях, всех кого он знал, Владимир понял, что не может с уверенностью ответить, есть ли в этом мире хоть кто-то, кто любил бы его по-настоящему. Разве что...

— Мама. Мама меня любит. — сказал он, глядя в стену кухни.

— Отлично. Готов пожертвовать ей, ради любви своей подружки, юноша? — спросила старуха.

— Да пошла ты! Сумасшедшая бабка! Никогда! — прокричал Владимир.

— Тогда не трать мое время. — спокойна сказала ведьма, вставая из-за стола. — Приходи, когда будешь готов заплатить за то, чего желаешь.

Владимир возвращался домой с горестными мыслями на душе. Искра, которая вспыхнула неделю назад, когда он увидел Вику в отражении ее зеркала, разгорелась ярким пламенем в его груди и причиняла ему адскую боль.

На крыльце дома, Владимира встретил отец, вышедший покурить перед сном.

— Чего тухлый такой? — лениво спросил он.

— Ничего. — пробубнил Владимир. Он всегда чувствовал, что неинтересен отцу. Глеб Хромов любил свою работу, ходить в баню, дочь и жену, именно в таком порядке. К сыну он всегда относился с пренебрежением.

— Говори. — потребовал отец.

— Девушка отказалась танцевать со мной. — нехотя ответил Владимир.

— Вика, что ли? Она забегала, искала тебя.

— Правда? Что говорила?

— Говорила, что ты ушел, не попрощался с ней. Влюбилась, девка. — вздохнул отец.

— Пап, что мне сделать, чтобы она была со мной? — робко спросил Владимир.

— Козлом не будь. — бросив дымящийся бычок в сторону, сказал Глеб Хромов. — В дом пошли. Холодно.

Через год, мать Владимира ушла от отца и уехала жить в город, забрав с собой дочь. Она предлагала сыну поехать с ними, но Владимира бросало в дрожь от мысли, что он больше не увидит Вику, поэтому он остался жить с отцом. Они продолжали дружить и виделись каждый день. Владимир чувствовал, что симпатичен девушке, видел это в ее взгляде. Но каждый раз, когда он пытался за ней ухаживать она отвергала его. Так и не найдя ключа к сердцу подруги, Владимир отпраздновал свое восемнадцатилетие и ждал осеннего призыва, чтобы уйти в армию.

Наступил сентябрь.

Из городских училищ прислали студентов, помогать с уборкой картофеля. Вся деревня уже несколько дней проводила в полях, копаясь в холодной сырой земле.

После случая на вечере танцев, Владимир вновь стал изгоем среди местной молодежи. Зато, набравший вес, за время пока безвылазно сидел дома, Семен, понемногу возвращал

утраченную популярность. Его отец стал председателем и, повсюду, таскал за собой сына, в надежде, что когда-нибудь тот займет его место. Семен даже попытал счастье с Викой, но она отвергла его ухаживания, как поступала всегда и со всеми.

Среди студентов, приехавших в деревню на уборку урожая, выделялся Валерий Котов, которого Владимир называл про себя губошлепом, из-за слегка оттопыренной нижней губы. Он был веселым и общительным парнем, душой компании. Владимир видел, как Котов посматривал на Вику, и страшно злился из-за этого.

— Он забавный. — защищала его Вика, каждый раз, как Владимир высказывал очередной нелицеприятный комментарий на его счет.

— Баклан. — бубнил Владимир.

Заметив, однажды, в Викином взгляде, обращенном на Валерия, те же нотки, что появлялись, когда она смотрела на него, Владимир решил, что от соперника нужно избавиться. «Я способен на это?» — спросил он тогда у себя. Покопавшись в себе, Владимир понял, что сможет осуществить задуманное. Он начал планировать, как именно расправиться с неприятелем, наблюдать за ним, выжидая подходящий момент.

По вечерам, молодежь, закончив работу, собиралась у костра. Пели песни под гитару, пекли картошку на углях, и травили бесконечные байки. Глядя, как ловко Валерий перебирает пальцами струны гитары, как поет свои романтические баллады, с таким видом, чтобы Вика точно понимала, что он поет для нее, Владимир укрепился в намерении расправиться с ним.

Возможность предоставилась уже на следующий день. Ничего не подозревающий Валерий, остановился возле грузовика, груженного свежевскопанным картофелем, чтобы вытряхнуть камешек, попавший ему в сапог.

Владимир подошел к грузовику и, быстрым движением сильных рук, выдернул задвижку, удерживающую борт кузова. Борт, с грохотом, стукнулся о колеса грузовика. Тонны, облепленного влажной землей картофеля, посыпались из машины, прямо на Валерия. Тот даже вскрикнуть не успел, как оказался на земле, с головой погребенный под горой картошки.

Люди, работающие рядом, обернулись на шум, и побежали к грузовику. Среди них была Вика, она первой оказалась у кучи корнеплодов, придавивших Котова, и бросилась откапывать его.

Владимир, стоял в стороне и смотрел, как Валерия поднимают на руки и относят куда-то в сторону.

— Живой! — разнеслись крики облегчения над полем.

Вика встретилась взглядом с другом и подойдя к нему, тихо сказала:

— Я все видела! Зачем? Скажи мне, зачем?

Владимир, не нашел что ей ответить. Позднее оказалось, что Валерий отделался ушибами и сотрясением мозга. Фельдшер, дежуривший на полях в тот день, прописал ему постельный режим. Вика предложила, отвезти его к ним домой, она пообещала ухаживать за пострадавшим. Рассказывать о роли Владимира в происшествии она не стала.

Ему так и не удалось поговорить с ней до отъезда в армию.

Владимир попал в Афганистан за несколько месяцев до вывода войск. Он успел зацепить, лишь краешек той войны. В те несколько недель, что он провел в Афганистане, Хромов успел поучаствовать в десятке стычек с талибами. Перешагнув тогда, на картофельном поле, через невидимую черту, отделяющую людей, способных на убийство от всех остальных, он не испытывал проблем с тем, чтобы стрелять в тех, кого командование обозначило врагами.

Он не геройствовал, не лез вперед, бежал, когда приказывали, падал в грязь если это было нужно, но чаще всего он думал о том, что скажет Вике, когда вернется домой.

Вернувшись на родину, Владимир узнал о смерти отца. Сильный, здоровый мужчина тихо умер в своем пустом доме, во сне, от сердечного приступа.

Демобилизовавшись, Владимир вернулся в деревню, где узнал, что Вика поступила в университет и уехала в город. По слухам, она начала встречаться с Котовым. Полина Николаевна, намекнула Владимиру, что дело движется к свадьбе. Давать адрес и телефон Вики, она отказалась.

Хромов ушел в запой. Отец оставил ему в наследство крупную сумму денег, которых хватило, чтобы выкупить половину дома у сестры, и осталось еще достаточно, чтобы ни о чем не беспокоясь, напиваться каждый день до потери сознания.

Однажды утром Владимир, проснувшись, обнаружил в своей кровати Маринку, ту самую девочку, что он отверг на танцах. Она была влюблена в него со школы и отказалась уходить, когда он попытался прогнать ее. Владимир смотрел на ее заплаканное лицо, слушал ее мольбу, позволить ей остаться с ним, думая лишь о том, что предал свою любовь к Вике. Приняв безразличие возлюбленного, за проявление симпатии, Маринка развела бурную деятельность. Она вычистила все комнаты в доме, больше всего времени потратив на кухню, в которой не оставалось ни одной чистой тарелки. Перестирала все белье, занялась запущенным огородом, готовила и ухаживала за Владимиром. Через какое-то время, она, почувствовав себя хозяйкой дома, стала отбирать у Владимира алкоголь. Он вяло сопротивлялся, но быстро сдался.

Протрезвев, впервые за год, прошедший с того момента, как он вернулся из армии, Владимир обнаружил, что страна, в которой он родился, больше не существует. Деньги, оставшиеся от отца, заканчивались, нужно было брать себя в руки.

Владимир, воспользовался приобретёнными на службе знакомствами, и открыл палатку на вещевом рынке в райцентре, в тридцати километрах от деревни. Он торговал джинсами и спортивными костюмами, женскими сумками и пиратскими видеокассетами. Дела шли неважно, но ему удалось накопить немного денег, и он выкупил заброшенный домик в центре деревни, превратив его в продуктовый ларек. Многие деревенские лишились работы, когда колхоз закрылся и начали спиваться. Это было на руку Владимиру, он хорошо зарабатывал на продаже алкоголя, его магазинчик был единственным местом, в котором, легально, можно было купить бутылку водки. Поставив за прилавок магазина Маринку, сам он каждый день ездил в райцентр, работать в палатке на рынке. Отстояв день на морозе, под дождем, или на солнцепеке, он садился в свой старенький «Пирожок» и ехал на продуктовую базу. Грузился хлебом, растительным маслом, водкой, пивом, макаронами и крупой, и возвращался домой далеко за полночь.

Маринка всегда встречала его накрытым столом и ласковой улыбкой. Он так и не смог полюбить ее, но проникся симпатией, ему было очень удобно жить с ней. И через пару лет она уговорила его пойти в ЗАГС и проставить штамп в паспорте.

Владимир выкупил участок земли и начал строительство нового дома, для их молодой семьи. Маринка забеременела, что встревожило Владимира. Он переживал, что магия старухи будет работать и с его собственным ребенком, и тот будет бояться его, как все остальные дети. Тогда он не решился пойти к ведьме, чтобы решить этот вопрос. Он пришел к ней позже, за несколько недель до рождения ребенка, когда у него возникли проблемы другого характера.

Семен, его старый неприятель, стал главой поселения. После развала союза, его отцу удалось заполучить права на деревенскую лесопилку. Отец стал директором лесопилки, а Семена настойчиво порекомендовал на пост главы. Лесопилка была единственным местом, где еще можно было найти хоть какую-то работу, поэтому спорить с ним не стали и единогласно проголосовали за Семена.

Новый глава поселения не забыл своих старых обид и пришел к Владимиру, в сопровождении не чистых на руку милиционеров, с предложением поделить прибыль, которую приносил магазин. В противном случае, бизнес угрожали отнять.

Владимир стоял перед дверью старухи-ведьмы, вспоминая свои прежние визиты к ней. Если в первый раз он приходил сюда просить, во второй требовать, то в этот раз Владимир пришел договариваться.

Дверь открылась сама собой, открыв проход в темный коридор страшного дома.

«К чему эти фокусы?» — с раздражением подумал Владимир, — «Напугать хочет?»

Хромов уверенным шагом вошел внутрь дома. Стоило ему переступить порог, как дверь с грохотом захлопнулась у него за спиной. Старуха ждала его в большой комнате с лестницей на второй этаж. Она сидела на старом, грязном диване, с колодой карт в руках, раскладывая пасьянс. Все в той же вязанной жилетке, с платком, повязанным на голове, ведьма задумчива шевелила кончиком носа, ища куда положить карту, зажатую между сухих, тонких пальцев.

— Вечер добрый, Владимир. — сказала она, не поднимая головы.

Услышав свое имя, произнесенное ее тонкими губами, Владимир поежился. Раньше она называла его «дитя» или «юноша», и впервые обратилась к нему по имени. «Она так проявляет уважение? Или, наоборот, отказывает мне в праве называться мужчиной?» — промелькнула мысль у него в голове.

— Добрый, бабушка Софа. — сказал он с натянутой улыбкой.

— Что привело тебя в этот раз? — спросила старуха, наконец, посмотрев на своего гостя.

— Семен, кстати он растолстел, как вы и говорили, хочет отнять у меня магазин. Пришел просить вас, помочь мне, решить этот вопрос. — Владимир взял стул, стоящий у стены, поставил напротив старухи спинкой вперед, и сел на него, сложив руки в замок. — Сможете помочь?

— Смогу, — устала произнесла ведьма, отложив карты в сторону. — Но готов ли ты заплатить за это? В прошлый раз, мои цены возмутили тебя.

Она пристально посмотрела Хромову прямо в глаза, тот пытался не отводить взгляда, но не выдержал и отвернулся. Владимир примирительно рассмеялся, в попытке спрятать за смехом свою слабость, и сказал:

— Теперь я другой человек. Назовите цену, обсудим.

— Точно. — сказала старуха, подняв палец вверх. — Ты другой человек. Я знаю, что ты пытался убить того мальчишку, тогда на картофельном поле. Жалкая была попытка.

— Почти получилось. — развел руками Владимир.

— Брось. Ему ничего не угрожало. Если бы ты хотел избавиться от него по-настоящему, действовал бы наверняка. Или же ты, непроходимо туп. Что скажешь? — спросила старуха, противно ухмыляясь.

— Вы правы. Я думал, не помрет, так сломает себе чего-нибудь, и уедет прочь, забыв про Вику. А получилось...

— А получилось, что ты сам толкнул ее ему в руки, Владимир. — рассмеялась бабка.

— Я не за этим сюда пришел. — сердито сказал Хромов. — Если не собираетесь говорить по делу, то... — он привстал со стула, давая понять, что готов уйти.

— Сядь! — громка сказала старуха. Владимиру показалось, что в глазах ведьмы мелькнули молнии. — Ты приходишь ко мне в третий раз, и в третий раз врешь о причине своего визита. Тебе нет дела до магазина, тебе противна твоя жизнь и та дура, что живет с тобой под одной крышей. Ты пришел вернуть свою детскую любовь, вернуть Вику, и если не скажешь об этом прямо, то я превращу тебя в ящерицу!

Владимир громко рассмеялся.

— Вы серьезно? — спросил он ведьму сквозь смех. — Я уже не ребенок, чтобы верить в эти сказки. А Вика, я про нее не вспоминаю.

— Неужели? — старуха изобразила растерянность на лице. — Как жаль. Ведь сейчас у тебя есть человек, который тебя любит, и с которым ты бы с легкостью расстался?

«Она про Маринку?» — подумал Хромов. Владимир обдумывал слова старухи. Вернуть Вику показалась ему заманчивой идеей, хотя он и не думал о ней, пока не пришел в этот страшный дом. Он не любил свою молодую жену и легко бы пережил ее смерть, но Владимир понял, что успел привязаться к еще не родившемуся ребенку.

— В этот раз, вы ошиблись, бабушка. — уверенно сказал Хромов. — Я пришел сюда, чтобы сохранить бизнес. И не более.

— Что ж, — вздохнула старуха, откинувшись на спинку дивана. — Тогда давай решать твою проблему, мужчина.

Хромов колесил по городу уже несколько часов, когда увидел ее. Маленькая, тонкая фигура в сером плаще, стояла у обочины под проливным дождем, держа над головой большую кожаную сумку. Девушка села в, остановившийся перед ней, «Пирожок» без каких-либо вопросов. Она благодарно улыбнулась Владимиру, вытирая дождевую воду с лица.

— Спасибо! — сказала она севшим голосом. — Чувствую завтра слягу с температурой. Подбросите до Депо? Сколько будет стоить? — девушка достала кошелек из своей сумки и вопросительно посмотрела на Владимира.

— Не нужно. Уберите. — отмахнулся Владимир. — Я не таксую, просто увидел, что вы мокнете, и не смог проехать мимо.

Девушка подозрительно прищурилась.

— Если вы рассчитываете получить от меня, что-то кроме денег, то остановите, я выйду. — сказала она.

Владимир рассмеялся.

— Нет, что вы. Я женат. — он показал девушке безымянный палец на котором блеснуло

толстое, золотое кольцо.

— Можно подумать, сегодня это еще что-то значит. — пробормотала девушка. — Ладно, везите.

Она отвернулась к окну, изредка поглядывая в сторону водителя.

— Спасибо, вам. — сказала девушка, после долгого молчания. — Простите, что заподозрила вас в... В чем-то нехорошем.

— Я не обиделся. — улыбнулся Хромов.

— Как вас зовут?

— Владимир.

— Красивое имя. Мужественное. А меня Ксюша.

— Приятно познакомиться, Ксюша.

— И мне приятно, Вова.

— Лучше — Владимир.

— Хорошо. Приятно познакомиться, Владимир. — немного кривляясь сказала девушка. — Вы пропустили поворот! — громко сказала пассажирка, снова разволновавшись.

— Простите. Я не местный, плохо ориентируюсь в этом районе. Сейчас развернусь. — успокоил ее Владимир.

«Пирожок» свернул с улицы и медленно поехал между гаражами, покачиваясь на ухабистой дороге.

— Зачем мы сюда едем?

— Ищу место, где развернуться.

— Почему не развернулись на улице?

— Это против правил. Ох, черт!

— Что случилось?!

— Колесо спустило. Вы сидите, я сейчас быстро его поменяю.

Девушка насторожилась. «Отказался от денег, завез непонятно куда, теперь еще колесо спустило... Точно маньяк», — подумала она. Ксюша решила, что не будет надеяться на лучшее, и вышла из автомобиля, вслед за Владимиром.

— Я лучше сама домой дойду. — сказала она Владимиру, который, присев на корточки, устанавливал домкрат у заднего колеса.

— Я напугал вас? Прошу прощения. — сказал Владимир, не отрываясь от работы. — Если считаете, что так будет лучше, конечно, идите. Только подайте, пожалуйста, крест-ключ, пока не ушли. Он в кузове.

«Может зря я так?» — думала Ксюша, подходя к открытому кузову. — «Вроде, правда колесо спустило...»

— Не могу найти, — крикнула она, заглянув в кузов. — Как он выглядит?

— Как крест. Посмотрите повнимательнее, я сам не могу отойти, пока.

Ксюша поглубже заглянула в темный кузов «Пирожка», заставленный картонными коробками с продуктами, и пластиковыми ящиками с алкоголем. Она заметила ключ в глубине кузова, но не могла дотянуться до него, ей пришлось поставить одну ногу внутрь, и залезть в кузов почти полностью. Когда она сжала пальцами холодный металл ключа, Владимир, подкравшись сзади, схватил девушку, приложив к ее губам марлю, сильно пахнущую какой-то химией. Ксюша в ужасе, попыталась высвободиться из его захвата. Она махнула зажатым в руке ключом себе за спину, в надежде попасть нападавшему в голову, но вместо этого больно стукнула себя по ключице. От страха девушка часто дышала сквозь

вонючую марлю, ее сознание затуманилось, и через несколько секунд, она провалилась в темноту.

Владимир, положив девушку между ящиков водки, закинул на нее домкрат, послуживший ему реквизитом, в этом представлении, и закрыл кузов. Он осторожно, соблюдая все правила движения, выехал из города и, вдавив педаль в пол, помчался в деревню, к дому старухи. У него оставалось еще пару часов, до того, как его пленница придет в сознание.

Ровно через неделю, Семен, возвращаясь домой после пьяных посиделок с друзьями, не справился с управлением на обледеневшей трассе, и его черная «Волга», на скорости в сто сорок километров в час, влетела в растущую у дороги сосну.

У Владимира и Марины родился сын, которого они назвали Сергеем. Ребенок был маленькой копией отца, токай-же темноволосый и бровастый. Несмотря на это сходство, стоило Владимиру взять его на руки, Сергей заходился истошным криком, и не успокаивался, пока отец не возвращал его матери. Марина сильно переживала из-за этого. Ей было неудобно перед мужем, Владимир был к ней так внимателен в период беременности, и она переживала, что холодность, прежде присущая их отношениям, вернется, если сын не примет отца.

Владимир знал, почему Сергей плакал при виде него. Он мог бы навестить ведьму еще раз и разобраться с этим, но глядя на гору грязных пеленок, наслушавшись ночного плача в исполнении младенца, Хромов решил воспользоваться своим проклятьем, как предлогом, чтобы не сидеть с ребенком и взвалить заботу о нем на жену.

Хромов продал свое место на рынке и сам встал за прилавок в магазине. На страну обрушился экономический кризис, и вместо денег в кассе, на прилавке лежала толстая тетрадь, заполненная долговыми записями. Было время, когда в магазине Владимира не продавалось ничего кроме хлеба и водки. Денег еле хватало на жизнь. Сын рос, расходов становилось все больше.

Вернувшись домой, однажды вечером, Владимир обнаружил обеспокоенную Марину, нервно кусающую ногти на диване в гостиной.

— Что случилось? — устало спросил он.

— Сережа заболел. Температура под сорок, весь вечер. — ответила Марина, подняв заплаканные, красные глаза на мужа.

— Фельдшера вызвала?

— Вызвала. Да что толку? Поставил укол и ушел.

— Он спит? Хочу на него посмотреть.

— Нет! — быстро сказала Марина. — Туда нельзя!

— Почему? — удивился Владимир.

— Там бабка Софья. Я попросила ее пошептать над ним.

Владимир нервно зажевал губами, стоя посреди комнаты.

— Зачем? Зачем ты привела ее в мой дом?! — раздраженно спросил он жену.

— А что мне было делать? Укол температуру не сбил, ты на работе. Я не могла сидеть сложа руки! — зарыдала Марина.

— Дура!

— Какой суровый мужчина! — ехидно сказала старуха, войдя к ним в комнату. — Я

закончила. Ребенок спит, завтра проснется, будет здоров, как бык.

— Спасибо! Спасибо, вам огромное! — залепетала Марина, она встала с дивана и крепко обняла старуху.

— Я была рада помочь. Ты хорошего человека растишь, женщина. — смущенно сказала старуха.

Владимир, смотрел на обнимающихся посреди комнаты женщин с нескрываемым призрением. Ему было противно от мысли, что старуха-ведьма находится в его доме. И он боялся, что она попросит за свою помощь, оказанную его безмозглой жене.

— Владимир, проводишь меня? Не хочу идти, через всю деревню, ночью, одна. — сказала старуха, освободившись из объятий Марины.

Хромов молча вышел из дома, и остановился во дворе, поджидая старуху.

— Зачем пришла? — грубо спросил он, когда та вышла на крыльцо и закрыла за собой дверь.

— Жена твоя позвала. — спокойно ответила ведьма.

— В этом доме хозяин я, и я тебя не звал.

— Ох, я так устала от тебя. Когда тебе что-то нужно ты такой вежливый, даже учтивый, а в другой раз, ведешь себя словно пес, озлобленный на весь мир. — вздохнула старуха. — Я пришла не для того, чтобы помогать твоей жене. У ребенка просто режутся зубы, само пройдет. Я пришла с предложением...

— Мне ничего от тебя не нужно!

— Тебе не нужно. А мне нужно. — улыбнулась старуха. — Ты неплохо справился с той девицей, и мне нужно чтобы ты сделал это еще раз.

— Уходи! — прорычал Владимир.

— Моему хорошему другу, нужна от меня услуга, за которую он щедро заплатит. Я, в свою очередь, тоже тебя не обижу. — сказала старуха. — Я знаю, дела у тебя идут не важно...

— Проваливай! — закричал Хромов.

Старуха сжала губы и, сверкнув молниями в глазах, быстро произнесла:

— Либо ты сделаешь, то, что мне нужно, либо я приду в дом скорбящего отца, и расскажу, почему его горячо любимый, толстый сын, гниет в земле!

— Давай! — взревел Владимир. — Расскажи, как твое колдовство свело Семена в могилу!

— Ох, будь уверен, я смогу выставить все так, что моей вины в этом совсем нет. — усмехнулась старуха. — Думай до конца недели, мужчина. Я буду ждать.

Ведьма пошла прочь, оставив Владимира наедине с тяжелыми мыслями.

«Эта сколькая тварь, устроит мне спокойную жизнь» — подумал он.

Один два раза в год, Хромов выполнял заказы старухи. Чаще всего от него требовалось привезти ей молоденькую девушку, иногда она просила найти ребенка, реже всего юношу от шестнадцати до двадцати лет. Владимир привозил ей очередную жертву, угодившую в кузов его «Пирожка», заносил в комнату, с дверью без ручки, и оставлял ее на большом деревянном столе, привязав руки и ноги толстыми кожаными ремнями. Что старуха делала с ними дальше, Владимир не знал. Иногда она просила его избавиться от обескровленного трупа, тогда Владимир отвозил тело подальше от деревни и топил в болоте.

Платила старуха исправно, в деньгах семья Хромова больше не нуждалась.

В одну из своих охотничьих вылазок в город, Хромов увидел Вику, стоящую на светофоре, с большим целлофановым пакетом в руке. Забытые чувства вспыхнули в нем с новой силой. Он припарковал машину, и проследил за Викторией до дома, не решившись подойти и заговорить с ней. Вика немного располнела в бедрах, на бледном, усталом лице, были видны глубокие морщины, но в глазах Владимира, она оставалась самым прекрасным созданием на свете. Проследив за ней до подъезда, Хромов вернулся к машине. На его щеках блестели слезы, от жалости к самому себе, и от осознания пустоты своей жизни.

В тот же вечер, он сидел за кухонным столом, в страшном доме, крепко сжимая кружку горячего чая в руках, с коробкой конфет, спрятанной на коленях, которую принес, чтобы подмаслить старуху, и готовился к разговору.

— Прости, что так долго. — сказала ведьма, войдя на кухню. — К внучке пришла подружка, попросила погадать ей на суженного.

Владимира перекосило, когда он увидел теплую улыбку на лице старухи.

«Это чудовище способно на человеческие чувства?» — задумался он.

— Внучке. — хмыкнув, сказал Хромов. — Ты ей расскажешь, когда-нибудь?

— Все мое время. — вздохнула старуха. — Что ты хотел обсудить?

— Я много думал... — начал Хромов. — Я видел Вику, в городе, сегодня... Я хочу, чтобы она была моей! Понимаешь? Приехал домой, Маринка на шею бросилась, в щеки целует, а у меня внутри — пустота. Ничего не шевелится. Надоело все, хочу быть счастливым, наконец. Я готов! Забирай Маринку и влюби в меня Вику, прошу!

— Поздно! — противно рассмеялась старуха. — Сколько тебя знаю, все бегаешь вокруг этой Вики? Чего нашел в ней? Но поздно, Маринка твоя, давно тебя не любит.

Владимир заскрипел зубами.

— Забери сына. — прохрипел он.

— Не пойдет! — вновь рассмеялась ведьма. — Он боится тебя, как огня. Если хочешь, чтобы и Вика так же боялась, тогда вперед!

— Как же ты меня бесишь, ведьма! — прорычал Хромов и встал из-за стола.

Выйдя в коридор, он увидел Соню и Машу, которые, заметив его, о чем-то зашептались, робко хихикая.

Владимир вышел из дома и остановился на крыльце, часто дыша, стараясь справиться с волной отчаяния, захлестнувшей его. Дверь за его спиной открылась, и на крыльцо вышла Маша, красивая молодая девица, единственная подруга старухиной внучки.

— Владимир Глебович, — поздоровалась она.

Хромов бросил на нее злобный взгляд, от чего девушка покраснела и смущенно поправила волосы.

— Вы забыли конфеты отдать. — сказала Маша, указав на коробку конфет, которую Хромов, забывшись, смял в своей огромной ладони.

— Это... — он оглянулся на дверь у себя за спиной, ему не хотелось снова заходить в ведьмин дом. — Это тебе. В деревне таких нет. Специально привез.

— Правда? — неловко улыбнулась Маша. — Спасибо!

Она взяла конфеты из его рук, ласково посмотрев Владимиру в глаза.

«Знакомый взгляд» — подумал Владимир. Глубоко внутри него затеплился огонек надежды.

— Давай провожу тебя. — улыбнулся он в ответ, кокетливо предложив локоть девушке.

— Что подумает ваша жена, если узнает, что вы со мной под руку ходите?

— А мы ей не скажем, — подмигнул девушке Владимир.

Ему не составило труда влюбить ее в себя. Маша помнила тот животный страх, который испытывала к Хромову будучи ребенком, повзрослев, она спутала его с влечением к этому мужчине. Пара дорогих подарков, о которых простая деревенская девушка, даже мечтать не могла, и поездки по округе на автомобиле, к тому времени Владимир сменил свой старенький «Пирожок» на дорогой внедорожник, и дело было сделано.

Уже через пару месяцев, Владимир, по среди ночи, приехал к дому старухи, чтобы забрать бездыханное тело Маши. В этот раз, он чувствовал всю полноту ответственности, за то, что с ней произошло. Но муки совести отходили на второй план, когда он улетал в своих фантазиях, в счастливое будущее, с любовью всей своей жизни, Викой. Из чувства вины, или по какой другой причине, Владимир, отвез тело Маши, намного дальше, чем обычно, и утопил в болоте.

Прошло несколько месяцев. Старуха обещала, что Вика свяжется с ним сама, но она не объявлялась. Хромов приходил к старухе и угрожал, что расскажет обо всех их совместных делах, если та не сдержит слово. Он не выдержал, и поехал в город. Дежурил у подъезда Вики, несколько дней, но та не выходила на улицу.

Устав ждать, Владимир, вернулся в деревню, где его ждал отряд полиции. Он догадался, что это дело рук старухи, но о их совместных преступлениях, сразу, рассказывать не стал.

«Нет тела, нет дела» — рассуждал он, сидя в изоляторе. — «Отпустят, разберусь с ведьмой сам!» Но, однажды днем, ему передали письмо от жены. «Чего ей нужно?» — удивился Владимир. Маринка отказалась от мужа, когда того еще не успели запаковать в автозак, Хромов никак не ожидал получить письмо от нее. Он разорвал конверт, внутри которого был еще один. В графе отправитель, аккуратным почерком отличницы, было выведено имя: Виктория Егоровна Котова. Дрожащими руками, Владимир распечатал конверт и достал из него одинокий тонкий листок.

«Вова, друг мой. Я устала жить с мыслями о том, как бы все сложилось, согласись я тогда потанцевать с тобой. Я люблю своего мужа, он отличный, прекрасный человек. А еще, я люблю тебя. Люблю с самого детства. И боюсь. Каждый раз, когда мы оставались наедине, я мечтала, что ты обнимешь меня, но меня бросало в ужас стоило тебе ко мне прикоснуться. Я смогла забыть о тебе и, наконец-то, начать жить, но ты вернулся в мои мысли. Я люблю тебя. Я боюсь тебя. Я ненавижу тебя, Вова. Я устала. И я покончу с этим, единственным доступным мне способом. Прощай!»

Владимир смял письмо в комок и бросил в угол камеры. «Я думал, что магия старухи не подействовала на нее тогда, а оказалось, она боялась меня сильнее всех остальных...» Минуту он сидел, глядя в стену, затем встал и подошел к двери. Несколько сильных ударов кулаком в стальную дверь привлекли внимание дежурного. Молодой парень, с прыщами на подбородке, заглянул в камеру через откидное окошко.

— Чего шумим? — стараясь звучать грозно, спросил он.

— К следователю отведи! — крикнул Хромов. — Признание писать буду!

Хромов схватил Мирона за горло и, подняв над полом, прижал к стене на уровне своих глаз. Он медленно сжимал пальцы на горле подростка, глядя в его, глубоко посаженные, серые глаза. Эти глаза он уже видел когда-то. Когда-то, в прошлой жизни.

Соне снился сон.

Она была в своей комнате, в городской квартире родителей. Сидела на кровати, застеленной бледно-фиолетовым покрывалом, и смотрела на мебельную горку, стоящую у стены на против. На горке, согласно, установленному Сонею порядку, были расставлены ее плюшевые игрушки. Белый медведь в шарфе и клетчатой кепке, подаренный отцом на первое сентября, бурый медведь, полученный от ее тетки на новый год, большой лохматый тигр, про которого Соня не могла точно сказать, как он ей достался. И самый важный, самый любимый, большой розовый заяц, которого мама купила Соне, когда та лежала в больнице, после удаления аппендицита. Его нежная, розовая шерсть, идеально сочеталась с розовой клавиатурой, которую Соня выпросила у родителей, случайно заметив ее в магазине. Соня любила свою комнату. Она помнила, что чувствовала себя в безопасности, когда находилась в ней.

Но во сне, девочка испытывала нарастающее чувство тревоги.

В комнату вошла мама Сони. Как всегда, лицо ее было размыто, и Соня не могла различить на нем ничего, кроме наполненных теплотой глаз, смотрящих на девочку.

— Доча, пора в школу. Ты готова? — спросила мама бесцветным, пустым голосом, похожим на смоделированную нейросетью компьютерную речь.

— Да. — смиренно ответила девочка.

Раньше, когда этот сон не стал для нее обыденностью, Соня пыталась подобрать слова, которые позволили бы ей остаться в комнате еще ненадолго, но что бы она не говорила, что бы не делала, мама все равно выводила ее в коридор. Уговоры и истерики, со слезами и катанием по полу, ни к чему не приводили. В итоге, Соня приняла правила игры, и всегда следовала, заранее прописанному сценарию сна. Девочка вскочила с кровати, поправив своя красивое платье, и взяв, лежащий на полу у стола, портфель подошла к матери.

— Можно взять с собой Крола? — с мольбой в голосе, спросила она маму. Это, тоже было частью сценария.

— Нет, доча, ты уже взрослая, чтобы таскать игрушки в школу. — как всегда ответила мать.

В коридоре, у двери, мама помогла Соне застегнуть куртку, опустившись перед ней на одно колено. В этот момент, Соня всегда пристальнее вглядывалась в ее лицо, которое было перед самым носом девочки, в надежде разглядеть что-то, кроме заботливых глаз матери. И, как и в прошлые сны, ей не удалось ничего увидеть. Затем, Соня вышла из квартиры в подъезд, и обернулась, чтобы, через щель закрывающейся двери, сквозь дверной проем ее комнаты, успеть бросить прощальный взгляд на розового кролика, который сидел на своем месте, понуро повесив мягкие уши. Словно зная, что Соня больше не вернется поиграть с ним.

Соня медленно открыла глаза. Прямо перед ней, на грязном, бетонном полу, лежала Настя. Маша склонилась над телом девушки, с ее мокрых, клочками торчащих из гладкого, синеватого черепа волос, стекала вода, прямо на лицо Насте. Маша протянула свою раздутую, холодную руку, вставила два пальца в приоткрытый рот Насти, и оттянула ее нижнюю челюсть. Приблизившись к лицу девушки, Маша, открыла свой рот их которого

потекла тонкая струйка черной, болотной воды. Сверкая в ярком синем свечении растущего вокруг мха, болотная вода капала на лицо, лежащей без сознания девушки, затекая ей в горло и ноздри. Настя, резко выгнула спину, словно по ней пропустили разряд тока, и затряслась в припадке.

— Маша, что ты делаешь?! Перестань! — закричала Соня. Она попыталась подняться на ноги, но светящийся мох, проросший сквозь ее одежду, плотно опутал девушку, и не давал пошевелиться.

— Я не Маша. — сказал Паразит, с трудом шевеля губами. Тело погибшей девушки, которое он использовал в качестве своего вместилища, быстро разлагалось и приходило в негодность.

Настя продолжала трястись в припадке. Глаза ее широко открылись, полыхнув синим светом, замерцали и погасли. Дрожь прекратилась, девушка перевернулась на бок, и начала шумно отхаркивать, попавшую внутрь нее, болотную жижу.

— Даже куклу сделать не получается. — расстроенным, уставшим голосом произнес Паразит в теле Маши. — Похоже, все силы ушли на Хромова.

— Куклу? — непонимающе спросила Соня. — Что происходит? Если ты не Маша, то кто?

Паразит встал и медленно пошел в сторону бассейна в центре круглого зала. Ноги, которыми он с трудом мог управлять, подкосились, и он с громким, чавкающим звуком упал на пол. Полежав секунду без движения, Паразит начал ползти, оставляя куски кожи и плоти на неровностях бетонного пола. Добравшись до бассейна, он с трудом перелез через борт, и погрузившись в воду по подбородок, посмотрел на свою пленницу.

— Я уже рассказал все, тому парню, не хочу повторяться. — тихо сказал он.

— Маша, что с тобой случилось? Почему ты говоришь, что ты это не ты? — настаивала Соня.

— Я знаю тебя. Она, — Паразит указал пальцем на свое лицо, — жалела тебя. Одна, без друзей, с сумасшедшей бабкой. Ты нравилась ей, Соня. Но она дружила с тобой из жалости.

— Что ты такое говоришь?! — возмутилась Соня. — Мы дружили! По-настоящему!

— Эти мозги помнят все по-другому. — усмехнулся Паразит, вновь указав Машиным пальцем на Машину же голову. — А впрочем, не важно. Скоро я убью вас всех, если твой друг не принесет мне Чарли. А если принесет, то я убью вас все равно, но будет намного веселее делать это в новом теле.

Маша, плененная чужой сущностью, погрузилась под воду.

Соня осмотрелась. Сергей сидел у стены без сознания, справа от нее, плотно опутанный мхом. Слева, Олег и Вероника, так же обездвиженные светящимся растением. Настя, прямо перед ней, перестала отхаркивать воду, и лежала без движения.

— Настя! — закричала Соня. — Настя, очнись! Скажи что-нибудь!

— Тихо ты! — прошептал Олег, открыв глаза. — Он услышит и вернется.

— Олег, слава Богу, ты живой! — обрадовалась Соня.

— Тихо! — прошипел Олег, поморщившись. — Он же сказал, что убьет нас!

— Ты все слышал? — зашептала Соня. — Я думала ты был без сознания.

— Притворялся. Не хотелось его внимания привлекать. — ответил Олег. Он попытался освободить плененную мхом руку, но тщетно. — С Настей все нормально будет. Он мне свою жижу тоже в рот лил. Ни че, живой вроде.

— Кто это — он? — спросила Соня. Она чувствовала, что вот-вот разрыдается как

ребенок.

— Не знаю. Я слышал, как он говорил Мирону, что его создал какой-то механизм, глубоко под землей. Он нашел тело Маши на болоте, и теперь управляет им. Но оно разваливается, и он ищет замену. Только, абы какое тело ему не подойдет. Он отправил Мирона за Чарли, у них с Машей общие гены, и он решил, что это сработает.

— Мирон не отдаст ему Чарли! — уверенно сказала Соня. — Он придумает, как спасти нас.

— Я бы не рассчитывал. — вздохнул Олег. — Он отправил Хромова проследить за Миронем. Как только тот приведет его к Чарли, Хромов избавиться от Мирона, и притащит парнишку сюда.

— Отец не станет! — прохрипел только что очнувшийся Сергей, и громко закашлял.

— Проснулся? — тихо спросил его Олег. — Как себя чувствуешь?

— Нормально. — откашлявшись ответил Сергей. — Жопу отсидел. И жрать охота.

— Не напоминай. Я тут на сутки дольше тебя. Хромов все сделает, что ему скажут. Эта тварь управляет им, как куклой.

«Куклой?» — подумала Соня. — «Вот, что он пытался сделать с Настей. Хотел управлять и ей тоже».

Девушка, лежащая на полу перед Соней, тихо застонала, и повернула лицо в их сторону.

— Привет. — ослабшим голосом сказала Настя.

Соня безумно обрадовалась, услышав голос приятельницы, пусть та и считала ее соперницей.

— Насть, ты как? — спросил Олег. — Сможешь встать?

— Попробую, — прошептала Настя, поднявшись на корточки. Со стоном, ей удалось подняться на ноги. Голова у девушки сильно кружилась, в глазах все плыло, к горлу подступала тошнота.

— Там в углу нож. — сказал Олег, кивнув в сторону. — Возьми его и освободи нас.

Девушка, еле передвигая ногами, медленно пошла к ножу, держась за живот. Чтобы поднять охотничий нож Хромова старшего, ей пришлось встать перед ним на колени, Настя не решилась наклоняться, боясь, что ее стошнит. На то, чтобы вновь встать на ноги, ушла целая вечность. Собравшись с силами, девушка с огромным ножом в руках, смогла дойти до Олега. Настя присела рядом с ним и согнулась в приступе рвоты. Остатки болотной жижи выходили из девушки, с громким плеском ударяясь о бетонный пол. Часть жижи попала Олегу на колени.

— Прости, — сказала Настя, вытерев губы тыльной стороной ладони.

— Ничего, ничего. — прошептал Олег. — Попробуй срезать мох.

Дрожащими руками Настя, разрежала светящийся мох, удерживающий Олега. Парень быстро поднялся на ноги, растирая затекшие руки, и подошел к Веронике. Дотронувшись до ее подбородка, Олег аккуратно повернул лицо девушки к себе, другой рукой убрал волосы с ее мокрого лба.

— Солнце, — нежно сказал он. — Очнись, прошу тебя!

Вероника приоткрыла глаза и улыбнулась.

— Олег, — произнесла она одними губами и, снова, отключилась.

— Нож. — сказал Олег, протянув руку в сторону Насти.

Получив нож, он быстро срезал растение, спутывающее Веронику. Девушка начала заваливаться на бок, но Олег подхватил ее и аккуратно усадил у стены.

— Меня освободи, вместе унесем ее отсюда. — сказал Сергей.

Олег освободил его и Соню. Ребята, стараясь не шуметь, ходили из стороны в сторону по круглому залу бункера, разминая ноги. Сергей подобрал стальную трубу, что принес с собой Мирон, и остановился, глядя на бассейн, постукивая трубой по ладони.

— Нужно сваливать. — тихо сказал он.

— Начнем дверь открывать, он услышит и вынырнет. — сказал Олег.

— Я думаю мы сможем с ней справиться. — сказала Соня. — Когда она, то есть он, уходил он выглядел слабым.

— Придется рискнуть, — прошептал Олег. — Девчонки, сможете поднять Веронику? Мы с Сергеем откроем дверь, и выпустим вас вперед, а сами, если понадобится, задержим эту тварь.

— Сможем! — кивнула Соня, полная решимости.

— Говори за себя, — вставила Настя. — Я не смогу. Сама еле на ногах стою.

Олег, посмотрел на Настю, которая стояла, прислонившись плечом к стене, прижимая руки к животу.

— Хреново тебе? — сказал он, глядя в ее бледное лицо.

— Ладно. Тогда ты носи Веронику, Соня поможет Насте, а я прикончу эту тварь, если она покажется над водой. — Сергей пытался звучать уверенно, но на последнем предложении голос его дрогнул.

— Идет. — согласились ребята.

Соня подошла к Насте и взяла девушку за талию, закинув ее руку, себе на плечо.

— Прости за то, что наговорила тебе глупостей. — так, чтобы слышала только Соня, прошептала Настя. — Если выберемся, можешь видеться с Мироном. Я не буду против.

— Жизнь дороже парня? — улыбнулась Соня. — Шучу, шучу. Я на него не претендую. — быстро добавила она, наткнувшись на злой взгляд Насти.

Парни подошли к двери и взялись за ручку.

— На счет три? — спросил Олег.

— Тихо! — Сергей замер. — Кто-то идет! Все возвращаемся на свои места, притворяемся, что в отключке.

Олег, сунув нож за пояс, сел рядом с Вероникой, оперев девушку о свое плечо. Он подобрал с пола куски срезанного Настей мха, и набросал на себя с девушкой. Обрезанный мох перестал светиться, стал серым, почти прозрачным.

— Блин! Не заметят, поди... — проворчал он.

Соня и Сергей заняли свои места у стены, Настя вернулась на бетонный пол, устроившись на боку, лицом к бассейну.

Дверь, с громким скрипом, от которого у Сони заболели зубы, начала открываться. В зал вошел Хромов, с переброшенным через плечо Чарли. Он, подволакивая ногу, прошел к бассейну, на середине пути небрежно бросив ребенка на пол. Соня вздрогнула, увидев, как Чарли, сильно стукнулся головой о бетон. Владимир подошел к бассейну и дотронулся до воды, своими толстыми пальцами. Поверхность воды покрылась мелкой рябью, через мгновения, над водой показалась изуродованная трупным разложением голова Маши.

— Наконец-то! — прошипел Паразит, скривив губы в ухмылке.

Соня, сквозь прикрытые веки, видела, как тело Маши вылезло из бассейна, расплескивая воду. Тварь, что управляла телом, дотронулось до лица Хромова, с той стороны, где сквозь разорванную щеку, были видны его пожелтевшие зубы. Лицо убийцы,

застывшее в злобном оскале, расслабилось, отразив облегчение, как только пальцы Паразита коснулись его.

— Отнеси меня к нему! — приказал Паразит Хромову.

Владимир поднял его на руки. Паразит обхватил руками шею Хромова, и прижался головой к его груди, противно улыбаясь. Сердце Сони больно кольнуло, при виде этой парочки. Она представила, как Хромов брал на руки Машу, когда та еще была жива. Как она так же обнимала его шею. Так же клала свою голову на его широкую грудь. Соня с трудом сдерживалась, чтобы не закричать, от отвращения.

Хромов доковылял до лежащего на полу Чарли, и опустил Паразита рядом с ним. Встать на ноги, Паразит, был уже не в силах. Опираясь на ободранные локти, он подполз к ребенку, нависнув над его головой. Соня, с мольбой в глазах посмотрела на Олега. «Нужно что-то делать!» — говорил ее взгляд. Олег еле заметно покачал головой, указав на голову Вероники у себя на плече. Соня перевела взгляд на Сергея. Хромов младший, посмотрел на нее в ответ, кивнул, и начал подниматься на ноги.

— Папа! — крикнул он. — Останови это!

Владимир обернулся на сына, но не двинулся с места.

— Убей его. — прохрипел Паразит, не отрывая взгляда от лица Чарли.

Хромов медленно пошел в сторону Сергея. Спокойствие на его лице, сменилось гримасой ярости.

— Нет, пап! Ты что? Это же я! Твой сын! Не нужно, прошу! — быстро заговорил Сергей выставив перед собой руки.

Владимир не реагировал на уговоры сына. Сергей отступал от отца, пока не уперся спиной в стену. Соня вскочила со своего места, и встала между Хромовым и его сыном.

— Не смей! — крикнула она.

Убийца схватил девушку за предплечье и швырнул в сторону.

С громким криком, от которого у всех заложило уши, Олег кинулся на Владимира с ножом. Хромов, не оборачиваясь на подростка, схватил его за горло, и кинул через весь зал в стену.

— Да чего ты ими кидаешься! — закричал Паразит. — Этих тоже убей! Убей их всех!

Не успело эхо, от этого крика, затухнуть, как через отверстие в потолке, в бассейн, упала человеческая фигура, с громким всплеском погрузившись под воду. Все обернулись на звук и, замерев, смотрели, как волны затанцевали на поверхности воды.

— Что это было? — растеряно спросил Паразит, посмотрев на Хромова.

Голова Маши, раздутая от долгого пребывания в воде, растерявшая даже намеки, на свою прежнюю красоту, лопнула как перезревшая тыква, разлетевшись ошметками во все стороны, одновременно с грохотом ружейного выстрела. Сергея забрызгало кусочками черепа, кожи и мозгов. Он стоял, с полным недоумения взглядом смотря, как обезглавленное тело, захваченное Паразитом, упало, накрыв собой, лежащего без сознания, Чарли.

Из бассейна, упершись локтями о бортик, на него смотрел Мирон. В руках, подросток сжимал ружье с дымящимся, разорванным в клочья стволом.

— Тебя не должно было быть! — сказал Хромов, отпустив шею Мирона.

Упав на пол, Мирон, начал судорожно глотать воздух, растирая руками горло. Когда Владимир душил подростка, Мирону показалось, что его гортань деформировалась, вдавившись внутрь. Он мог поклясться, что услышал щелчок, похожий на тот, что издает

пластиковая бутылка, возвращая свою форму, когда убийца отпустил его.

Хромов закинул тело Чарли на плечо и замер, на выходе из комнаты, стоя спиной к Миرونу.

— Ты жив, благодаря матери, сучонок. — неразборчиво прохрипел он. — Не ходи за мной. Рядом с ним, я не смогу сопротивляться его воли.

Владимир скрылся за дверь.

Мирон откинулся на спину, закрыв лицо руками.

«Что сейчас произошло?» — думал он, понемногу приходя в себя. — «Старуха!» — вспомнил Мирон, мгновенно расставшись с наивным чувством безопасности, которое начало теплиться в нем, едва за Хромовым закрылась дверь.

Поднявшись на ноги, он подошел к большому кровавому пятну на стене, оставленному там разбитой головой ведьмы. На полу, под пятном, никого не было.

— Уползла, что ли... — задумчиво пробормотал Мирон себе под нос.

Двуствольное ружье, до которого старуха не успела добраться, когда Хромов напал на нее, было на месте. Миرونу, пришлось поломать голову, прежде чем он смог найти рычаг отпирания ствола, и проверить, заряжено ли оно. Один из стволов был пуст, во втором, поблескивая латуней, сидел патрон со звездочками и цифрой двадцать, выдавленными вокруг капсюля. Мирон вспомнил рассказа отца Вероники о том, что тот не смог дробью нанести заметного вреда Хромову. «Может, в голову нужно было стрелять?» — подумал он.

Подобрав валяющийся на полу ржавый нож и, сунув его себе за ремень, Мирон выглянул в коридор. Старухи не было видно. Нужно было бы осмотреть дом, и добить ее, если она сама не померла, но Мирон понимал, что не способен на подобное.

Выйдя во двор, подросток бросил взгляд на дамбу внизу, рассчитывая увидеть на ней Хромова с Чарли, но там никого не было. Обойдя дом, Мирон оказался перед широким, поросшим травой полем, заканчивающимся темной полоской леса на горизонте. Через поле, подволакивая негнущуюся, левую ногу, шел Хромов с Чарли, переброшенным через плечо. «Не хочет идти через деревню» — догадался Мирон. Пригнувшись, он тихо пошел за убийцей.

Когда Хромов скрылся в бункере, Мирон не пошел за ним. Он помнил о проеме в потолке круглого зала, где Паразит держал его друзей. Прорываясь сквозь густые кусты шиповника, подросток пошел в лес, где, по его прикидкам, отверстие в потолке выходило наружу. Заметив голубое свечение, Мирон пошел на свет, и вышел к большому, высокому холму. Взобравшись на холм, Мирон увидел проем, через который лился свет. Внизу прямо под ним был бассейн, сквозь прозрачную воду которого он мог разглядеть дно. На дне, в его центре, было большое круглое отверстие, казавшееся черным, на фоне белой плитки бассейна вокруг него.

Мирон услышал, как, с громким скрипом, открылась дверь в зал. Он увидел тень Хромова упавшую на воду бассейна. Хромов наклонился над водой, и дотронулся до ее гладкой поверхности. Мирон, ругая себя за то, что не сделал это заранее, снял с плеча ружье и прицелился в голову Хромова. Момент для выстрела был идеальным. Подросток, не испытывал моральных терзаний, на счет этого выстрела. Он хорошо разглядел Хромова, тогда в доме старухи, и понимал, что тот давно уже мертв, а остатки сознания Владимира, не растворились в пустоте лишь благодаря силе Паразита, управляющего им.

Мирон был готов нажать на курок, когда заметил движение на дне бассейна. Из

глубины, задрав голову вверх, поднимался Паразит в изуродованном смертью теле Маши. Мирон спрятался за краем проема, опасаясь, что Паразит заметит его.

— Наконец-то! — услышал Мирон хриплый голос Паразита. — Отнеси меня к нему!

Мирон вскинул ружье и заглянул в проем. Толстые стенки отверстия в потолке не позволили ему увидеть ничего, кроме распухших, сине-черных пяток Паразита, мелькнувших в поле зрения перед тем, как Хромов отнес его в сторону.

— Черт! — бесшумно выругался Мирон.

— Папа! Останови это! — услышал Мирон крик Сергея.

Нужно было срочно что-то придумать. Мирон бросил взгляд в сторону входа в бункер, скрывшегося за деревьями и кустами шиповника. «Успею?» — спросил он сам себя.

— Да чего ты ими кидаешься! — вылетел из потолочного отверстия крик Паразита. — Этих тоже убей! Убей их всех!

«Не успею!» — сердце Мирона бешено заколотилось. — «А, к черту!»

Подросток спрыгнул через проем прямо в воду. Потолки в зале были высокими, пока Мирон падал вниз, он успел заметить Хромова, стоящего рядом с выставившим руки перед собой Сергеем, и Паразита, склонившегося над телом Чарли.

Упав в воду, Мирон быстро пошел ко дну. Намокшая одежда и тяжелое ружье тянули его вниз, но подросток и не пытался сопротивляться. Он ждал, когда его ноги коснутся дна, чтобы оттолкнуться от него. Когда подошвы галош встали на кафельное дно, Мирон согнул ноги в коленях, и что было силы толкнул себя в верх. Поднявшись над водой на уровень груди, Мирон смог дотянуться локтями до борта бассейна. «Выстрели, пожалуйста!» — взмолился он про себя, и спустил курок.

Чудовищный грохот ударил по барабанным перепонкам Мирона. Грохот сменился тонким писком, через который ничего не было слышно. Взгляд затуманился. Мирон, еще какое-то время смотрел прямо перед собой, не в силах ничего разглядеть. Руки его затряслись, он не смог больше удерживать себя над водой, и медленно пошел ко дну. Лишившись возможности дышать, парень немного пришел в себя, и бросив ружье с разорванным стволом, попытался выплыть на поверхность. Тяжелая одежда, впитавшая воду, облепила его руки и ноги, не давая свободно двигаться. Силы быстро заканчивались. Чья-то рука, грубо схватила Мирона за волосы и потянула наверх. Шумно втянув воздух, Мирон повис на бортике бассейна. Перед ним стоял Сергей.

— Спасибо. — выдавил из себя Мирон.

— Не за что.

Сергей схватил его под руки и вытянув из воды, положил отдыхать на пол.

— О, я попал! — удивился Мирон, взглянув на обезглавленное тело Маши. — Круто!

К Мирону подбежала Настя, заключив его в крепкие объятия, девушка разрыдалась. Вставшая на ноги Соня, тоже хотела, подойти, но решила не мешать парочке своим присутствием.

— Честно сказать, — начал говорить Сергей. — Я вообще не уверен, что ружье выстрелило. Видимо из-за воды в стволе его разорвало. А голова этого чудища, может, от грохота лопнула?

Сергей посмотрел на стоящего с опущенной головой отца.

— Что? Теперь, когда тварь сдохла не хочется меня убивать, папа? — зло крикнул он ему.

— Если я не валяюсь на полу кучей гниющего мяса, — прохрипел Хромов. — Значит,

он еще жив.

Все в зале, кроме Вероники и Чарли, которые по-прежнему были без сознания, посмотрели на неподвижное тело Маши. Сначала они слышали низкий гул, идущий из глубины. Затем из горла Маши, с куском нижней челюсти на нем, начала сочиться черная болотная жижа, шипя и вспениваясь. На краях разорванного в клочья горла, появилось слабое голубое свечение. Крохотные огоньки отрывались от горла и повисали в полуметре над ним, собираясь в светящийся, пульсирующий комок.

— Сваливаем! — закричал Олег. — Соня, Мирон, хватайте Чарли, Сергей помоги мне нести Веронику, Настя, сама сможешь идти?

— Смогу! — перестав плакать сказал девушка.

— В темпе!

Быстро поцеловав Настю в лоб, Мирон освободился от ее объятий и встал на ноги. С опаской, он подошел к Чарли и, взяв его за руку, вытянул ребенка из-под тела Маши. Комок в воздухе над ней, успел вырасти до размера теннисного мяча. Гул из глубины, становился громче, вместе с ним Мирон начал слышать шум крови в ушах. Закинув руку Чарли себе на плечо, Мирон поднял его с пола, ожидая, когда Соня возьмет ребенка с другой стороны.

Комок перестал расти и начал сжиматься. Сжавшись до размера горошины, он вспыхнул и быстро полетел в сторону Чарли с Мироном.

— Нет! — крикнула Соня, подошедшая к ним, и закрыла собой тело ребенка. Светящаяся горошина, ударила ее в грудь, и пролетев сквозь куртку проникла в девушку. Соня покачнулась и упала на пол.

— Соня? — хором сказали ребята.

Девушка выгнула спину в конвульсии, поднялась над полом, опираясь на него только пятками и затылком. Глаза, ноздри и рот Сони засветились ярко голубым светом. Это продолжалось пару мгновений, после чего свечение замерцало и погасло. Девушка, обмякнув, упала на пол.

— Соня? — неуверенно сказал Мирон, легонько толкнув плечо подруги ногой.

— Бегите! — прокричал сказал Хромов.

— Что? Нет, мы без Сони никуда не пойдём! — запротестовал Мирон.

— Бегите! — повторил Владимир еще громче.

Гул из глубины, стал настолько громким, что от него кружилась голова. Стены бункера затряслись, бетонная крошка посыпалась на пол. Растущий в углах мох, засветился ярче, часто мерцая.

— Бежим! — прочитал Мирон по Настиным губам, когда та, подбежав к нему, закинула вторую руку Чарли себе на плечо. Спорить было бессмысленно. Они первыми выбежали в коридор, ведущий к выходу, Олег и Сергей, с Вероникой на руках, бежали следом.

В круглом зале, Соня открыла глаза, которые сверкнули голубым светом. Она села на полу, отряхнула свою одежду, и поднялась на ноги.

— Интересно! — сказала она.

Посмотрев на стоящего перед ней Хромова, девушка нахмурилась.

— Предал меня, значит?

Соня подняла руку перед собой и резко сжала кулак. Тело Хромова начало сжиматься, жуткий гул заглушил громкий хруст костей. Девушка махнула рукой в сторону, Хромов, влекомый этим движением полетел через весь зал и врезался в стену, оставив на ней темное, мокрое пятно.

— Очень интересно! — усмехнулась Соня. — Раньше, я такого не умел!

Настя не могла больше нести Чарли. Девушку продолжало тошнить, голова ее кружилась, все силы уходили на то, чтобы оставаться на ногах и продолжать идти вперед. Миرونу пришлось закинуть мальчишку на плечи, просунув руку ему между ног, как это делали пожарные, вынося пострадавших из горящих зданий. К счастью, Чарли был тощим и весил не больше тридцати килограмм.

— Быстрее! Быстрее! Шевелитесь! — поторапливал ребят Олег.

— Что происходит? — простонала, начавшая приходить в сознание, Вероника.

— Не вовремя ты просыпаться надумала. Поспи еще, солнце. — прошептал Олег ей на ухо.

Девушка, словно послушавшись своего парня, снова отключилась. Ее маленькая голова, с растрепанными волосами, покачивалась из стороны в сторону, в такт с шагами парней, несущих ее на руках.

Ребята, быстро шли по длинному тоннелю к выходу из бункера. Темные коридоры, так пугавшие их, когда они оказались здесь впервые, дрожали, осыпаясь пылью и бетонной крошкой, от низкого гула, поднимавшегося из-под земли.

В лесу начинало светать. Солнце готовилось подняться над горизонтом, в небе, над бункером, кружили, поднятые гулом со своих мест, птицы. Отойдя на пару десятков метров от входа в бункер, Мирон, аккуратно положил Чарли на железнодорожную насыпь, и, тяжело дыша сел рядом с ним. Сняв галоши, он вылил скопившуюся в них воду. Настя присела рядом с ним и обняла, прижав его голову к своей груди.

— Промокнешь. — сказал Мирон, оттянув, прилипший к груди, мокрый свитер.

— Не страшно. — ответила Настя.

Сергей с Олегом, принесли Веронику и положили ее рядом с Чарли.

— Сейчас. — буркнул Сергей и пошел обратно к бункеру. Закрыв металлическую дверь, ведущую внутрь, он подпер ее стальной трубой, которую подобрал в круглом зале.

— Смотри, пригодилась, таки! — усмехнулся он, взглянув на Мирона.

— Ты чего делаешь? — заговорил Мирон. — Нужно вернуться за Соней!

— Дурак? — с удивлением посмотрел на него Сергей. — Не видел, что ли, как в нее та фигня залезла? Нету больше Сони.

Мирона взбесили слова Хромова младшего, он попытался подняться, чтобы подойти к нему и, хорошенько, стукнуть, но Настя удержала его.

— Он прав, Мирон. Мы все видели, как та тварь влетела в Соню. Теперь он управляет ее телом. — сказала Настя.

— Нет! — Мирон замотал головой. — Паразит сказал, что ему не подойдет никто кроме Чарли! Он пробовал залезть в наши тела, но у него ничего не получилось.

— Все верно. — кивнул Олег. — Но с Соней он не пробовал. Веронику, Сергея и Настю проверял. Я видел, пока притворялся что в отключке. Меня тоже проверил, скорее всего, потому что я, как очнулся, жижей его блевать начал. А Соню не успел. После каждой попытки, он выглядел слабее, надолго улезал под воду. Я надеялся, что сам помрет, скоро.

— И что нам делать? — Мирон обвел взглядом друзей.

Олег почесал затылок.

— Ментов же, должны были в деревню прислать... Надо их звать. — сказал он.

— Нельзя! — возразил Мирон. — Если Паразит на них нападет, они начнут стрелять и убьют Соню.

— Может она уже... Мертва. — тихо сказала Настя, шмыгнув носом.

— Нет. — твердо ответил ей Мирон. — Паразит говорил, что, когда залез в лягушку, ее сознание пыталось с ним бороться. Уверен, с Соней сейчас происходит тоже самое. Нужно как-то вытащить Паразита из нее.

Повисла напряженная тишина. Мирон, заметил, что гул, донимавший их все это время, прекратился.

— Может, Сониная бабка, сможет вытащить его из нее? — робко предположила Настя.

— Может. — вздохнул Мирон, — Если еще не сдохла.

— В смысле?! — удивилась Настя.

— Потом. — Мирон поднялся на ноги, и подошел к Чарли. Мальчик тихо дышал, слегка посапывая. Дотронувшись до его лба, Мирон, почувствовал жар, исходящий от ребенка. — Нужно, срочно, отнести его в деревню.

— Потопали! — громко сказал Олег, жестом подзвав к себе Сергея.

— Мирон, вода есть? — спросил Сергей. — Пить хочется, сил нет.

Мирон отрицательно покачал головой, закинул Чарли на спину, и пошел по железной дороге в сторону деревни.

— Не мог догадаться воды взять? — крикнул ему вслед Хромов младший. — Мы же тут больше суток проторчали, блин!

— Рот закрой! — грубо оборвала его Настя. — Он нам жизнь спас.

Сергей, раздраженно отмахнулся от ее слов и подошел к Олегу. Вместе они подняли Веронику на руки и пошли за Мироном. Настя, бросив прощальный взгляд на бункер, поспешила следом.

Дойдя до поворота железной дороги, ребята услышали, как что-то сильно ударило в стальную дверь бункера. Обернувшись, они замерли, ожидая, что будет дальше. Тяжелая, металлическая дверь, с громким хлопком, слетела с петель, пронеслась над железной дорогой и срубила толстую сосну, растущую напротив входа в бункер.

— Твою мать! — закричал Сергей.

— В лес, быстро! — приказал Мирон, и побежал к деревьям, не обращая внимания на цеплявшиеся за одежду ветки кустов, растущих в кювете у железной дороги.

Вбежав под густые сосновые ветви, Мирон начал быстро спускаться с холма. Поскользнувшись на укрывавшей землю толстым слоем хвое, он упал вместе с Чарли, сильно стукнув мальчика, затылком в живот. Они быстро скатывались вниз, подсакивая на кочках и торчащих из земли корнях. Мирон пытался остановиться, упираясь пятками в сырую землю, руками он крепко держал Чарли, следя за тем, чтобы тот не стукнулся головой. Упершись в толстый корень, Мирону удалось остановиться. Поднявшись, он посмотрел на верх и увидел, как Настя, кувыркаясь через голову, быстро катится по крутому склону прямо на них с Чарли. Широко расставив ноги, Мирон приготовился поймать девушку, но та смогла остановиться сама, в метре от ребят.

— Живая?

— Да! — часто, тяжело дыша, ответила Настя.

Сергей решил, что спускаться с холма, неся Веронику вдвоем, будет неудобно, и долго. Он вырвал девушку из рук Олега и, перекинув ее через плечо, быстро спускался вниз, двигаясь зигзагом. Олег мелкими шажками семенил за ним, бубня под нос, что он сделает с

Сергеем, если тот уронит его девушку.

— Как думаешь, он видел куда мы побежали? — шепотом спросила Настя Мирона.

— Не знаю. И проверять не хочется. Идем.

Стараясь идти быстро и не создавать лишнего шума, подростки вышли к реке. Мирон уже ходил этим путем прежде, он направился вдоль реки, в сторону ржавого поля, ведя друзей за собой.

— Давайте помедленнее. — крикнул Олег. Они с Сергеем порядком пропотели, пронося Веронику сквозь заросли кустов, густо раскиданные вдоль берега.

— Нет. — отрезал Мирон.

— Почему нет? За нами никто не гонится, вроде... — оглядевшись по сторонам спросила Настя.

— Паразит теперь знает все, что знала Соня. Знает по какой дороге мы пришли, как нашли его. Знает, где наши дома. — сказал Мирон. — У меня там отец, бабушка с дедом, что если он заявится отомстить за то, что я ему голову снес?

Повисло тягостное молчание. Все думали о том, что случится, если тварь, обещавшая убить их, заявиться к ним в гости. Не сговариваясь, они ускорили шаг.

Вскоре, ребята вышли к поляне за которой начинался подъем к ржавому полю. Остановившись на границе леса, Мирон осмотрелся по сторонам. Никого.

— Так, сейчас бежим как можно быстрее на холм. Нужно добраться до березовой рощи. Если Паразит где-то рядом, он сразу нас заметит. — сказал Мирон.

— Подожди. — Олег отпустил Веронику, Сергей, один, с трудом удерживал девушку. Олег замахал руками, разминая затекшие плечи, присел, пару раз, и забрав Веронику у Сергея закинул ее себе на плечи так же, как Мирон держал Чарли. — На счет три? — посмотрел он на Мирона.

Мирон побежал первым. Подъем на холм дался ему не легко. Дыхание сбилось, в груди начало болеть. Добежав до ржавого поля, Мирону пришлось замедлить шаг, приходилось смотреть под ноги, чтобы не споткнуться о валяющиеся повсюду запчасти гниющей на поле техники.

Когда березовая роща показалась прямо перед ним, над полем, за спиной Мирона, разнесся громкий, зловещий смех. В этом звуке почти невозможно было узнать Сониного голоса, но это была она. Ее тело.

Обернувшись на звук, Мирон увидел, как из леса, там, где ребята входили в него, когда шли к бункеру, в метре над землей вылетел Паразит. Он быстро пронесся над поляной, поднялся выше, перевернулся через голову в воздухе, и полетел вниз, резко изменив направление перед самой землей. Луговая трава затрепетала от потока воздуха, летящего за ним. Паразит громко смеялся, выписывая в воздухе замысловатые фигуры.

— Он летает? Что за... — растерянно пробубнил Мирон себе под нос.

— Прячься! — крикнул Сергей, добежав до Мирона. Он рухнул на землю рядом с ним, и заполз за лежащий на боку ржавый комбайн.

Мирон опустил Чарли на землю и лег животом на траву. Настя с Олегом и Вероникой спрятались за искореженной «Волгой» в нескольких метрах от Мирона.

— Потрясающе! — закричал Паразит, продолжая кувыркаться в воздухе. — Это потрясающе!

— Что делать будем? — шепнул Сергей Мирону.

— Нужно спрятать Чарли. — ответил Мирон.

Недалеко от него, завалившись на заднюю ось, стоял большой грузовик. Мирон пополз в его сторону, потянув Чарли за собой. Уложив его под грузовиком, он вернулся к Сергею. Олег, заметив это, схватил Веронику за шиворот и поволок ее по земле к мальчику. Девушка застонала и открыла глаза.

— Олег, что ты делаешь? — спросила она, еле слышно.

— Ничего, солнце. Полежишь здесь, с Чарли? — ласково сказал Олег своей девушке, затащив под грузовик. — Присмотришь за ним, хорошо? Только тихо, хорошо?

— Хорошо — ничего не понимая ответила Вероника.

— Я скоро. — Олег поцеловал ее в губы и улыбнулся. — Люблю тебя. Вот, сказал, наконец-то.

Вероника подняла голову, чтобы что-то ответить, но ее парень уже уполз в сторону Мирона с Сергеем.

— Есть идеи? — спросил он, добравшись до парней.

Паразит в теле Сони, перестал смеяться и взлетел на холм, зависнув на границе ржавого поля. Выставив руки прямо перед собой, он начал двигать ими так, будто притягивал к себе, что-то тяжелое. Ржавая сеялка, с рваными покрышками на своих больших колесах, зарытая в землю, прямо перед Паразитом, начала скрипеть и мелко дрожать. Подняв в воздух облако пыли, сеялка оторвалась от земли и зависла в воздухе. Паразит, оскалившись, задвигал руками, словно изображая игру на баяне. Сеялка заскрипела, замерла на секунду и заскрежетав смялась в гармошку, как пустая алюминиевая банка из-под пива, встретившаяся с тяжелым ботинком. Смяв сеялку в комок, с торчащими из него кусками разорванного металла, Паразит махнул рукой в сторону реки. Стальной «снежок» полетел в заданном Паразитом направлении и с грохотом зарылся в землю, в тридцати метрах от него.

— Потрясающе! — прокричал Паразит.

Часто заморгав, он встряхнул головой, и быстро опустился на землю. Было похоже, что он не мог больше оставаться в воздухе. Он провел ладонью по верхней губе и уставился на свои пальцы. Мирон смог разглядеть размазанное кровавое пятно у него под носом.

— Нельзя, чтобы он добрался до деревни. — прошептал Олег. — С такими фокусами, он разнесет там все.

Мирон кивнул.

Сергей, кинув камешек в искореженную «Волгу», за которой пряталась Настя, привлек внимание девушки, и взмахом руки подозвал к себе. Настя, опустившись на живот, ползком добралась до ребят.

— Тебе нужно бежать в деревню, звать помощь. Полицейские должны быть у дома культуры, приведи их. — сказал Насте Сергей. — Мы, попробуем задержать эту тварь.

— Нет! — громко прошептал Мирон. — Они убьют Соню!

— И что? — Сергей вызывающе посмотрел Мирону прямо в глаза. — Представь, что будет если она придет в деревню? Сколько людей пострадает?

— У нас нет выбора. — согласился Олег.

Мирон с надеждой посмотрел на Настю, ища поддержки с ее стороны, но девушка стыдливо отвела взгляд.

— Понятно. Решили значит? — проворчал он.

— Мы тоже не хотим, чтобы она пострадала, пойми. — сказала Настя. — Но там наши семьи... Ты видел, на что она способна? — девушка кивком указала на смятую в стальной ком сеялку.

— Он. Не она. — замотал головой Мирон. — Соня, сейчас, в плену, она борется с Паразитом, за власть над своим телом, и мы должны помочь ей, а не натравливать на нее толпу полицейских с оружием.

— И как нам это сделать? — развел руками Олег. — Не знаешь? И мы не знаем!

— Мы даже не знаем, жива ли она? — добавила Настя.

— Ладно. — вздохнул Мирон. — Настя, попроси полицейских не убивать ее. У них же должны быть резиновые пули, электрошокеры, или типа того. Пусть, хотя бы попробуют, сначала, поймать ее.

— Хорошо. — согласилась Настя.

Выждав еще немного, девушка поползла в сторону березовой рощи, прячась за разбросанной по полю ржавеющей техникой.

— Будьте наготове. — сказал Сергей. — Если покажется, что тварь ее заметила, выскакиваем и отвлекаем ее на себя.

Паразит стоял на краю ржавого поля и ковырялся в носу, с интересом разглядывая окровавленные пальцы. На Сониных глазах выступили слезы, Паразит часто моргал, смахивал их ладонью, размазывая кровь по лицу девушки.

Из леса вышла собака. Шерсть ее была мокрой и грязной, покрытой колтунами. Собака выглядела голодной и измученной. Поджав лапу, она медленно шла к своей хозяйке через поляну.

— О, привет! Иди сюда! — закричал Паразит, заметив собаку. Он присел на одно колено, и протянув руку вперед, поманил собаку к себе.

Собака, вильнув хвостом, ускорила шаг, но подойдя ближе замерла на месте. Опустив уши и прижавшись к земле, собака низко зарычала, оскалив желтоватые клыки.

— Почуяла? — недовольно спросил Паразит. — Ну и иди к черту!

Мирон услышал, как Олег вздрогнул, рядом с ним.

— Нет, пожалуйста! — тихо прошептал он.

Паразит поднялся на ноги, вытянул руку перед собой и собака, заскулив, начала подниматься в воздух.

— Она любила тебя, псина. — сказал Паразит, и начал медленно сжимать пальцы на вытянутой руке. Собака заскулила громче, задергалась в воздухе, широко разевая пасть.

— Нет! — не выдержав этого зрелища закричал Олег и встал из-за своего укрытия.

— Дебил! — выругался Сергей, и быстро пополз в сторону, спрятавшись за разбитый автобус, стоящий в нескольких метрах от них.

Мирон проводил его осуждающим взглядом, и тоже поднялся на ноги, встав рядом с Олегом.

Паразит, обернувшись на крик Олега, отвлекся, собака упала на землю, и, скуля, быстро поскакала на трех лапах обратно в лес.

— Вот вы где! — крикнул Паразит. — А я вас искал!

Добравшись до березовой рощи, Настя еще какое-то время передвигалась ползком, пока сквозь деревья еще можно было разглядеть ржавое поле. Затем, собрав остатки сил, девушка встала на ноги и побежала. Уже через секунду, она поняла, что вот-вот упадет, но крик Олега, донесшийся до нее, заставил девушку ускориться. Голова кружилась, вернулась тошнота, в боку сильно колотило. Настя не обращала внимание на это. Она уже не бежала, она падала вперед, чудом успевая переставлять ноги и сохранять равновесие.

Вбежав в деревню, Настя понеслась по улице к дому культуры, повторяя про себя как мантру: «Я успею! Успею!»

Перед домом культуры собралась толпа деревенских жителей с Олегом Михайловичем, отцом Вероники, и Мариной, матерью Сергея, во главе. Они громко переговаривались, столпившись перед крыльцом ДК, на котором, в окружении вооруженных автоматами мужчин в форме, стоял толстый полицейский.

— Я все понимаю, — громко говорил он. — Поверьте, поиски детей, для нас главный приоритет. Мы, сейчас же, займемся ими. Ваша помощь не требуется, расходитесь!

— Да вы мне это уже второй день повторяете! — закричал Олег Михайлович. — Моя дочь пропала. Парень ее, пропал. Подруга ее, Настя, тоже!

— Я здесь! — закричала Настя, подбежав к толпе.

— И мой сын, тоже пропал! — закричала Марина.

— Я здесь! — снова закричала Настя, протискиваясь сквозь толпу. — Пропустите! Я здесь!

— Разбегаемся в разные стороны. — сказал Мирон Олегу. — Он не может долго использовать свои силы, вроде... Как выдохнется, попробуем вырубить.

— Прости, что так сглупил. — виновато сказал Олег.

— Потом. Не тупи! Бежим!

Парни бросились в стороны, за секунду до того, как большой, ржавый обрезок трубы, врезался в землю между ними, подняв в воздух облако пыли.

— Решили поиграть? — крикнул Паразит. — Отлично!

Он вытянул перед собой обе руки и громко хлопнул в ладоши. Лежащий на боку комбайн и трактор с большими ржавыми колесами, между которыми стоял Мирон, полетели на встречу друг другу. Подросток успел откатиться в сторону, до того, как на месте, где он стоял мгновение назад, две многотонные машины, столкнулись с грохотом, разбросав вокруг металлические детали и осколки стекол.

Олег, широкой дугой, забегал Паразиту за спину. Он несся по ржавому полю, не глядя под ноги и споткнулся о покрытый мазутом резиновый шланг, заросший травой. Перекувыркнувшись через голову, Олег оказался на земле, а над ним, в сантиметре от его выпирающего вверх живота, пронеслась стальная ржавая балка, со звоном воткнувшись в стоящий в стороне автобус.

— Весело! — прокричал Паразит. — Это очень весело!

Паразит, пошатнулся, отставив ногу назад, чтобы не упасть. Из ноздри, на его верхнюю губу, стекла крупная, темная капля крови, которую он, оскалившись, слизнул языком.

«Слабеет» — подумал Мирон, легко увернувшись, от, запущенного в него Паразитом, колеса телеги. Мирон начал забегать Паразиту за спину, и не заметил, как тот начал притягивать колесо обратно к себе. Колесо, своей шипованной крышкой, врезалось Мирону в спину, выбив из его легких воздух. Упав на землю, Мирон скорчился от острой боли в груди. «Ребра сломал» — догадался он.

Олег успел подняться на ноги, пока Мирон отвлекал Паразита на себя. Он достал нож Хромова, который все это время держал у себя за ремнем, и побежал на Паразита, занеся нож над головой.

— Стоп! — крикнул Паразит, заметив Олега.

Он выставил перед собой руку ладонью вперед, и Олег замер на месте, не в силах

пошевелиться.

— Полетай! — усмехнулся Паразит, махнув рукой.

Олег моргнул, и, поднявшись в воздух, пролетел над ржавым полем, врезавшись в автобус, за которым прятался Сергей. Он упал спиной на стальную балку, торчащую из автобуса, которая, проткнув парня насквозь, выходила прямо из его живота. Закричав от боли, Олег обхватил балку руками, обезумившими глаза, глядя на свой живот.

— Как муха на булавке! — страшно засмеялся Паразит.

— Соня! — закричал Мирон. — Я знаю, ты меня слышишь! Борись с ним! Я верю, у тебя получится.

— Я бы на это не рассчитывал! — оскалился паразит, повернув кисть, вытянутой вперед руки.

Стальная балка в теле Олег, повернулась вокруг своей оси, повторяя движение Паразита. Крик подростка разнесся над полем, эхом отражаясь от деревьев.

— Соня! — Мирон поднялся на ноги, держась за бок, и шел к паразиту. — Соня! Борись с ним!

— Ее больше нет! — раздраженно крикнул паразит, взмахом руки отправив Мирона в полет. Поднявшись над землей, Паразит подлетел к упавшему на землю подростку, и приземлился прямо перед ним. Сжав тонкие Сонины пальцы на горле Мирона, он поднял его над головой. — Сони больше нет. Только я.

Сергей выбрался из своего укрытия и подбежал к Олегу. Олег, без сознания, висел над землей, удерживаемый пронзившей его балкой. Подобрал, валявшейся рядом нож отца, Сергей побежал к Паразиту.

— Сдохни! — крикнул он, глубоко вонзив нож в ключицу Сониного тела.

Паразит отбросил Мирона в сторону, и обернулся на Сергея. Выдернув нож из ключицы, он поводит плечами, разминая их. Сергей, медленно отступал, смотря испуганными глазами, как Паразит медленно двигается к нему. Выставив перед собой руки, паразит заставил Сергея взлететь над землей. Парень неестественно выгнулся в воздухе, криком приглушив треск костей в своем теле.

— В один день, убью и отца, и сына. Забавно! — сказал Паразит, вывернув ладони на вытянутых руках.

Локти Сергея с хрустом выгнулись в обратную сторону. От боли, он уже не мог кричать. Сергей чувствовал, что скоро умрет.

Мирон смотрел на окровавленный нож, лежащий в траве перед ним. Он слышал треск костей в теле Сергея, видел Олега, приколотого балкой к автобусу, видел ухмыляющегося Сониными губами Паразита. Нужно было действовать. Схватив нож, он поднялся на ноги, и зашел Паразиту за спину.

«У меня нет выбора» — подумал он, двинувшись в перед.

Мирон уже занес руку, с зажатым в ней ножом, для удара, когда почувствовал легкий аромат земляники, исходящий от тела девушки. Отбросив нож в сторону, он крепко обнял Соню со спины.

— Соня! — закричал он ей в ухо, — Выгони его из себя!

Тело, захваченное Паразитом, завибрировало. Вибрация передалась Мирону, он почувствовал острую боль в каждой своей клетке. Заболели зубы. Гул, который он слышал в бункере, вернулся. Из ушей и носа подростка потекла кровь. Мирон чувствовал невидимую силу, которая отталкивала его от тела девушки. Вибрация усиливалась. Казалась, еще

немного и его суставы не выдержат, связки разорвутся, и он отпустит Соню. Кровь начала просачиваться сквозь поры на коже. Мирон крепко схватил Соню за горло левой рукой. Преодолевая чудовищное сопротивление, он смог дотянуться правой рукой до ее уха и начал пальцами растирать ей мочку.

— Я знаю, ты меня слышишь! — говорил он. — Прошу, выгони его!

Голова девушки запрокинулась назад. Из ее рта, глаз и ноздрей ударили синие лучи света и, замерцав погасли. Тело девушки обмякло в руках Мирона. Он попытался удержать ее, но сломанные ребра и боль в каждой мышце не дали ему устоять на ногах. Не выпуская Соню из объятий, Мирон упал на землю вместе с ней.

Мирон, несколько раз, ненадолго, приходил в сознание, но снова проваливался в сон. Он понимал, что лежит в больнице. Видел лица родных, дежуривших у его кровати. Но сны не отпускали его. Раз за разом он переживал события, произошедшие на ржавом поле, и каждый раз, во сне, ему не удавалось достучаться до Сони. Она оставалась во власти Паразита и убивала его друзей на глазах у подростка. От этих кошмаров Мирона бросало в жар. Вернувшись в сознание, он бредил, говорил о том, что должен спасти ее, должен спасти... И просил прощения, за то, что ему не удалось этого сделать, после чего, снова отключался.

Через несколько дней, проведенных в больнице, Мирон окончательно пришел в себя. Открыв глаза, он обнаружил, себя в темной одиночной палате, привязанным к кровати широкими кожаными ремнями. Мирон, присев, попытался освободиться, но бледные руки, протянувшиеся из темноты палаты уложили его на место.

— Спокойно. — услышал он незнакомый женский голос. — Прикрой глаза, я включу свет.

Бледная лампочка засветилась под потолком палаты, осветив бедное убранство районной больницы. Проморгавшись, Мирон, смог разглядеть худую, высокую женщину, стоящую у выключателя. На женщине был строгий серый брючный костюм и белая рубашка, застегнутая на все пуговицы. Седые, пепельные волосы, были собраны в тугой узел на затылке, от ноздрей, к уголкам тонких бледных губ, шли две глубокие морщины. Бесцветные, широко расставленные глаза женщины, с интересом смотрели на Мирона.

— Кто вы? — спросил Мирон. Он почувствовал, как его слова, больно царапнули по пересохшему горлу. — Воды...

Женщина подошла к кровати, взяла стакан, стоящий рядом на тумбочке, и поднесла к губам Мирона. Она наклонила стакан, чтобы тот смог сделать пару глотков, пролив немного воды на сальное, постельное белье.

— Лучше? — спросила она.

— Да, спасибо. — сказал Мирон, — Кто вы?

— У меня к вам несколько вопросов, Мирон Валерьевич. — сухо сказала женщина. — Потом, я уйду. Если ваши ответы меня удовлетворят, мы с вами больше никогда не увидимся.

— Где моя семья? — спросил Мирон, растерянно оглядывая палату.

— Ждут за дверью. Я попросила их выйти, пока мы беседуем.

— Соня? Что с Соней? Она жива?

— Мирон Валерьевич, я здесь для того, чтобы узнать подробности инцидента, непосредственным участником которого, вы стали. Предупреждаю, что все, что мы будем обсуждать, является государственной тайной, за распространение которой, предусмотрена уголовная ответственность.

— Что с Соней? Олег, он жив? Сергей? Чарли? — ничего не понимая, продолжал спрашивать Мирон.

— Ваши друзья в соседних палатах. Они живы, их состояние оценивается от стабильного, до стабильно тяжелого. — с неохотой сказала женщина в костюме. — Перейдем к вопросам? Хромов Владимир Глебович. Вам знакомо это имя?

Мирон кивнул. Он решил, что если быстро ответит на все вопросы этой незнакомки, то, возможно, она расскажет ему о Соне.

— Говорите да или нет. Итак, Хромов Владимир Глебович, вам знаком?

— Да.

— Вы контактировали с ним?

— Да.

— Он делился с вами подробностями своего побега?

— Нет.

— Хорошо. Что он сказал вам?

Мирон задумался.

— Что меня не должно было быть. — неуверенно сказал он.

— Что это значит?

— Не знаю.

Женщина пристально посмотрела на Мирона.

— Хорошо. Когда вы видели Владимира Глебовича в последний раз?

— В бункере... не знаю когда это было. Сколько дней я провел в больнице?

— Три дня.

— Значит, я видел Хромова в бункере, три дня назад.

— Хорошо.

— Что с Соней?

— Мы не обнаружили Хромова в бункере. Его дальнейшая судьба вам известна?

— Нет. Вроде...

— Вроде? — женщина, подняв бровь, сверлила Мирона взглядом.

— Паразит, говорил, что убил его. Но я этого не видел.

— Паразит?

«Я сказал лишнего?» — подумал Мирон. — «Что им известно? Они знают, что Паразит вселился в Соню? Могу я говорить об этом?»

— Давайте, для простоты, называть это «Паразитом», если вам так удобно. — сказала женщина, ее губы искривились в легкой улыбке. — Вы контактировали с «Паразитом»?

— Да. — сглотнув ответил Мирон. Ему становилось тяжело вникать в слова женщины, голова кружилась, перед глазами плавали разноцветные круги.

— Он говорил, что собирается делать, если обзаведётся новым телом?

— Говорил, что уйдет. Куда-нибудь далеко. — прикрыв глаза ответил Мирон.

— «Паразит» рассказывал вам о том, как он оказался в бункере?

— Да. Какой-то механизм, под землей создал его. Вы знаете, что это за механизм?

— Вы предвосхитили мой следующий вопрос, Мирон Валерьевич. — улыбнулась женщина. — Вы знаете, что это за механизм?

— Нет.

— Хорошо.

— Это все?

— Почти. Хромов и «Паразит» действовали сообща?

— Да. Он управлял Хромовым, как куклой, или типа того.

— Как вы нашли место, где они скрывались?

Мирон замер. «Меня сдадут в психушку если я про Сонину магию расскажу?» — задумался он. — «Новая жизнь, созданная подземным механизмом, звучит уже достаточно

безумно, но магия все-таки перебор».

— Случайно наткнулись. Ребята показывали мне окрестности. Я не местный. — Мирон незаметно посмотрел на женщину, пытаясь понять, какое впечатление произвела на нее его ложь.

Женщина улыбалась.

— Хорошо. Повторюсь, все что мы обсуждали — государственная тайна. Вы понимаете, что с вами будет, если расскажете кому-нибудь об этом?

Мирон кивнул.

— Да, или нет?

— Да.

— Хорошо. Уточню, на всякий случай, сам факт того, что это государственная тайна, тоже является государственной тайной. Отдыхайте.

Женщина подошла к капельнице, стоящей у кровати Мирона, и что-то покрутила в ней.

— Где Соня? Что с ней?! — громко спросил Мирон, чувствуя, что начинает проваливаться в сон.

— Все хорошо. Она под нашим присмотром. — успокаивающим тоном ответила женщина.

— Под чьим, вашим? Кто вы? — спросил Мирон и отключился.

Больше книг на сайте - Knigoed.net